

© АБ «Атриум»

проект
россия/
project
russia

Главный редактор:
Алексей Муратов
Арт-директор: Евгений Корнеев
Редакторы разделов:
Анатолий Белов
(Город земля, Новый город),
Анна Броницкая (В фокусе),
Сергей Куликов (Градо),
Елена Петухова (События),
Наталья Почечуева
(Сити-менеджмент)
Консультанты редакции:
Виктор Маслаков,
Григорий Ревзин
Дизайн, верстка, препресс:
Александр Альберт,
Дмитрий Горяченнов,
Переводы на английский:
Джон Николсон

Издатель и учредитель:
ООО «Объединенные проекты»
Печать: ЗАО «Алмаз-Пресс»
Периодичность: 4 раза в год
Тираж: 5 000 экз.
Дата выпуска: 29.03.2012

ООО «Объединенные проекты»
Москва, Б. Дровяной пер., 20, стр. 2
Тел.: +7 495 6980318

Новый город_Люди

Жан Пистр:
Перемены во власти не остановят
«Сколково» 08

Новый город_Технопарк

Архипелаг
Валода-Пистра-Мостафави 12

Новый город_Технопарк

Проекты-победители конкурса
на жилые кварталы 15

Сити-менеджмент_Общественные пространства

Юрий Григорян:
Главное общественное простран-
ство «Сколково» – это ландшафт 20

Сити-менеджмент_Адлерсхоф

Григорий Ревзин о рабочих буднях
немецких инноваторов 24

Градо_Проект

Экспо-2015 в Милане:
Планетарный огород 28

В фокусе_Образование

Александр Высоковский
о Высшей школе урбанистики 36

Урбанизм

ИННОВАЦИИ

Журнал о «Сколково»
и городской среде
Март 2012

Один из проектов-победителей конкурса на жилую застройку в зоне технопарка. Антон Надточий и Вера Бутко (бюро «Атриум») расположили корпус таунхаусов по периметру участка. Внутренний двор приподнят над уровнем земли, благодаря чему кольцевой автомобильный проезд внутри квартала не пересекается с рекреационной зоной (См. с. 18)

New City_People

Jean Pistré: Changes in the hierarchy
of power will not stop Skolkovo 08

New City_Technopark

The Valode-Pistre-Mostafavi archipelago 12

New City_Technopark

Winning designs of the competition
for residential blocks 15

City Management_Public space

Yury Grigorian: The main public space
of Skolkovo is its landscape 20

City Management_Adlershof

Grigory Revzin on the innovators'
working days 24

Urbanism_Project

EXPO 2015 in Milan. Planetary garden 28

In the spotlight_Education

Alexander Vysokovsky on the Higher School
of Urbanism 36

Если вы, уважаемый читатель, дочитаете эту редакторскую колонку до конца – за что мы будем очень признательны, – то затратите на все про все где-то минуту. В течение этого времени городское население Земли увеличится еще на 125 человек. Главным образом не за счет естественного прироста, а за счет мигрантов. / Все больше людей концентрируются в городах, все больше едут туда в поисках новых возможностей, в стремлении оторваться от «идиотизма деревенской жизни» с ее гнетом нужды и традиций, ограниченным полем приложения человеческих способностей. Города дают людям шанс. Как минимум шанс заработать, как максимум – наиболее полно раскрыть свой личностный потенциал. Не все города хорошо приспособлены для первого, очень многие не подходят для второго. Наряду с ростом, в мире остро стоит и проблема убывания городов (особенно малых и средних), которая хорошо известна в России, где теряет жителей подавляющее большинство поселений. Что касается второго аспекта, то, очевидно, критерием преуспевания может быть привлекательность города для талантливых, творческих, активных, а еще – высокообразованных людей. Методик оценки, различных индексов (богеми, креативности, человеческого капитала и проч.) этой привлекательности довольно много. Впрочем, все исследователи сходятся в одном. Для того чтобы притягивать «мозги», город призван быть в первую очередь открытым. То есть, с одной стороны, отличаться терпимостью, позволять людям оставаться самими собой, а с другой, выделяться наличием широкой палитры возможностей для реализации разных идей и устремлений, поддержанной низкими «входными барьерами». / Это базовые предпосылки для создания такой среды, где бы процветали многочисленные формы творчества: художественного, научного, инженерно-технического, экономического и т.д. Очевидно, что для Центра инноваций «Сколково» приоритетными являются последние три. Однако и художественное творчество недооценивать не стоит. Ведь во многом именно оно формирует то качество и ту атмосферу места, которые способны притянуть талантливых и изобретательных людей. В случае «Сколково» это тем более справедливо. Ведь наш инноград строится с нуля, а на этапе становления на передний план выходят именно архитектурное воображение, градостроительная креативность. / Но чтобы они проявились в полной мере, следует продемонстрировать ту же степень открытости незнакомому, неведомому, которой обладают уже «состоявшиеся» и, как следствие, состоятельные города. Только умный, широкий и незашоренный выбор может обеспечить высокий уровень и разнообразие проектных решений. / И прекрасно, что руководство иннограда это осознает. Примером тому – практика открытых творческих соревнований на архитектурные проекты, которую исповедует Фонд «Сколково». Сейчас завершился только первый конкурс, а их, как нас заверяют, будет множество – Жан Пистр, председатель Градсовета Центра инноваций, обещает, что посредством конкурсных процедур к проектированию нового города будет привлечено не менее сотни бюро. И посмотрите, какие интересные выходят результаты. Не будем сейчас останавливаться на проектах-победителях – перелистнув несколько страниц нашего журнала, вы их увидите сами. Заметим лишь, что уж очень поучителен сам список «чемпионов». Тут и молодые, и опытные, и российские, и иностранные бюро. Уже первое сколковское состязание заставляет серьезно задуматься о сложившихся профессиональных рейтингах и табелях о рангах. А ведь это только начало. Впрочем, крайне обнадеживающее: открытый конкурс как залог будущей открытости Центра инноваций, как надежда на то, что в один прекрасный день «Сколково» войдет в когорту поселений, которые Джейн Джекобс причисляла к разряду великих. А такими, как утверждала знаменитая американская исследовательница городской жизни, имеют право называться только те места, где может реализовать себя каждый. Были бы желание, энергия и интересные идеи.

Алексей Муратов
Главный редактор журнала *i+U*, член Градостроительного совета Фонда «Сколково»

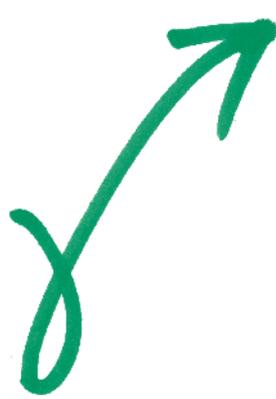

Editorial By the time that you have read this editorial to the end – which will take you a mere minute or so and for which we shall be very grateful to you, dear reader – the urban population of the earth will have increased by approximately 125 persons. Mainly, this will be not as a result of natural growth, but due to people migrating to the city from the countryside.

Increasing numbers of people are concentrated in cities, and increasing numbers of people head to cities in search of new opportunities and in their desire to break away from 'the idiotism of rural life'. Cities, broadly speaking, give people a chance. At the very least, this is a chance to earn money, but at the most it can also be the chance to fully explore one's personal potential. Not all towns and cities are good for the first purpose, and many are not suited to the second. The urban population may be increasing in the world, but at the same time population shrinkage in towns and cities (especially small and medium-sized towns) is an acute problem – and one which is well-known in Russia. As for the second aspect, the criterion for success here clearly might be a city's attractiveness to talented, creative, energetic, and highly-educated people. There are a fair number of different methods and indices for evaluating this attractiveness (the extent of a town or city's bohemian population, creativity, human capital, and so on). However, all researchers are agreed on one thing. In order to attract brains, a city must, above all, be *open*. In other words, on the one hand, it must stand out for its tolerance, must allow people to be themselves, and on the other it must offer a wide range of opportunities for the realization of all kinds of different ideas and aspirations, and this must be reinforced by low 'barriers to entry'.

These are the fundamental premises for the creation of an environment in which numerous forms of creativity – artistic, scientific, technological, economic, and so on – may flourish. Obviously, for the Centre for Innovation at Skolkovo, the most important are the last three of these forms of creativity. However, nor should artistic creativity be underestimated – since it is largely this which gives a place a quality and atmosphere capable of attracting talented and inventive people. In the case of Skolkovo this is even more true. Skolkovo is being built from scratch, and during its initial creation the focus is bound to be on architectural imagination and creativity in urban planning. But for the latter to manifest themselves in full measure, it will be necessary to demonstrate the same kind of openness to the unknown which is shown by towns and cities which have already, as a consequence, established themselves as successful.

And the management of our innovational town is aware of this. One example is the Skolkovo Foundation's practice of holding open creative competitions for architectural designs. We have just seen the conclusion of the first such competition, and we are told that there will be many more. In fact Jean Pistre, Chairman of Skolkovo Town-Planning Council, has promised that at least 100 different firms of architects will be involved in designing the new town as a result of these competitions. And look what interesting results we have already received. I shan't stop to look in detail at the winning projects here: flick over a few pages and you'll see them for yourselves. But I just want to note that the list of 'champions' is itself very instructive. It contains both young and experienced and both Russian and foreign firms. The very first Skolkovo competition has managed to get us thinking hard about our architects' established rankings. This, though, is only the beginning – albeit an extremely promising one which encourages us to look upon the open competition as a pledge for Skolkovo's openness and as a hope that one day Skolkovo will be acclaimed as one of those settlements which Jane Jacobs described as possessing greatness. And we can call 'great', said the famous American researcher into urban life, only those places in which each person may realize him- or herself. Given desire, energy, and interesting ideas. Alexei Muratov

От редакции – *i+U*

2

SK NEWS

25 октября 2011 года был объявлен победитель тендера на генеральное проектирование градостроительной части Центра инноваций «Сколково». Им стал консорциум, возглавляемый бюро SPEECH Чобан & Кузнецов.

25 января состоялась церемония подписания соглашения о сотрудничестве между Фондом «Сколково» и Российской академией архитектуры и строительных наук.

6 марта в Каннах в рамках международного форума недвижимости MIPIM открылся павильон «Сколково».

С 27 по 29 мая на территории «Красного Октября» при поддержке Фонда «Сколково» пройдет первая московская конференция DLD (Digital – Life – Design).

29 августа в Венеции откроется XIII Архитектурная биеннале. Организацию российской экспозиции доверили члену Градсовета «Сколково» – Григорию Ревзину и Сергею Чобану.

Город земля – зима/весна 2012

Остров спорта

22 марта в президентской ложе футбольного стадиона «Сантьяго Бернабеу» в Мадриде состоялась презентация проекта острова-курорта Real Madrid Resort Island в Объединенных Арабских Эмиратах. Проект, являющийся совместным детищем самого богатого в мире футбольного клуба, мадридского «Реала», и правительства ОАЭ, включает несколько гостиниц, развлекательный комплекс, тематический парк, футбольный стадион на 70 тыс. зрителей, а также музей истории «Реала». Оценочная стоимость проекта – \$1 млрд. Строительство планируется завершить в 2015 г.
Подробности на www.architizer.com

Бетонная паутина

В начале января были объявлены результаты конкурса на проект парка в историческом центре шотландского города Абердин, организованного британской консалтинговой фирмой Malcolm Reading Consultants. Победа досталась американскому бюро Diller Scofidio + Renfro (оно же спроектировало парк High Line в Нью-Йорке). Конкурентами американцев были компании Foster & Partners, Gustafson Porter, Mecapoo, Snøhetta & Hoskins и West 8.
Подробности на www.malcolmreading.co.uk

Дом из денег

В конце января в западной прессе появилась информация об одном весьма необычном сооружении – одноэтажном жилом доме в северной части Дублина, сложенном из спрессованных обрезков списанных банкнот на общую сумму в €1,4 млрд (в каждом «кирпичике» – €50 тыс.). Денежный дом располагается внутри другого дома – пустующего офисного здания, называемого Glass House. Автор дома-инсталляции – ирландский художник Фрэнк Бакли.
Подробности на www.ibtimes.co.uk

Понций музеи

22 марта в музее Хиршхорна в Вашингтоне открылась мультимедийная инсталляция известного американского художника Дага Айткена под названием Song 1. Автор превратил цилиндрический фасад музея в гигантский 360-градусный экран: вокруг здания установлено одиннадцать проекторов высокого разрешения, которые транслируют специально снятый для данной инсталляции видеоряд. Изображения сменяют друг друга под различные кавер-версии песни 1934 года I Only Have Eyes for You, записанные такими группами, как Beck, CFCF и т. д. Инсталляция продлится до 13 мая.
Подробности на www.hirshhorn.si.edu

Умберто Эно проследил за

Этой весной в Германии, неподалеку от городка Месскирх в федеральной земле Баден-Вюртемберг, стартовали подготовительные работы к одному из самых амбициозных строительных экспериментов современности. В апреле следующего года там начнется возведение монументального комплекса на основе чертежей аббата Хайто из Райхенау, датированных началом IX века. Специфика затеи в том, что весь строительный процесс будет организован в стро-гом соответствии с тем, как это происходило в Средние века: никаких машин и механизмов, при строительстве планируется использовать только те материалы, которые были доступны тогда – все предельно аутентично. Комплекс будет включать более полусотни сооружений. Расчетный срок реализации проекта – 40 лет.
Подробности на www.spiegel.de

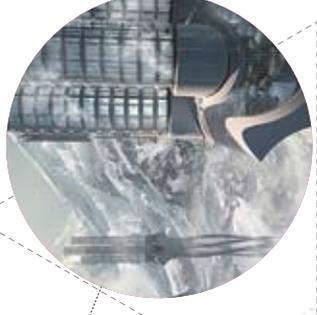

30 этажей за 360 часов

18 января в китайской провинции Хунань состоялось открытие 30-этажной пятизвездочной гостиницы, сконструированной из сборных элементов заводского изготовления. Гостиница была построена – и в это было бы невозможно поверить, если бы не видео, снятое в режиме реального времени, – за 360 часов, или 15 дней.
Подробности на www.youtube.com

Небоскребы в Гималаях

2 марта были названы победители международного конкурса идей архитектурного журнала eVolo на лучший проект небоскреба. Ими стали китайские архитекторы Жи Жэнг, Хонгчун Жао и Донгаби Сонг. Авторы придали небоскребу крайне необычную для зданий подобного рода функцию, а именно, функцию коллектора и распределителя пресной воды. Этим обусловлено местоположение объекта – ледники Гималайских гор содержат около 40 процентов мировых запасов пресной воды.
Подробности на www.evolo.us

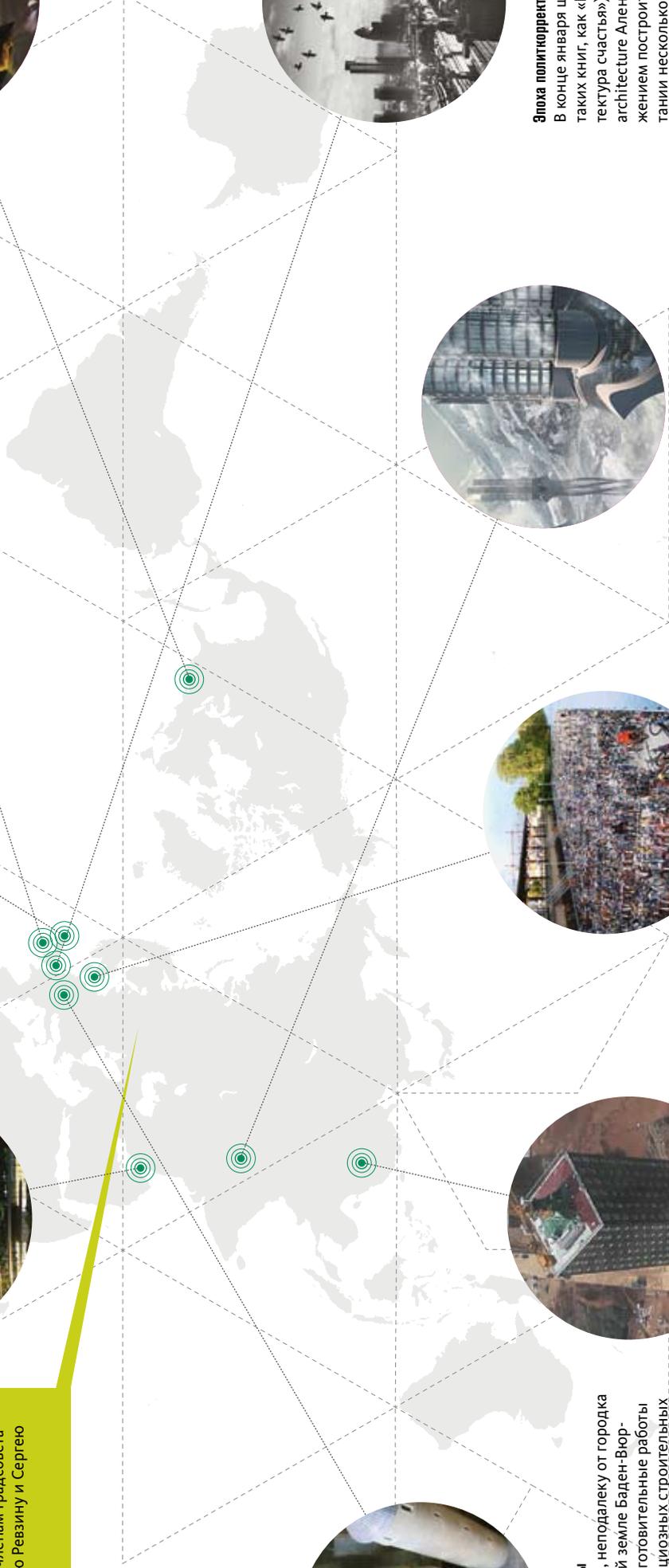

20 километров чистой радости

В середине января администрация шведского города Мальме объявила о намерении вложить \$4,1 млн в строительство велотрассы, которая связала бы Мальме с городом Лунд, расположенным в 20 км к северу. Общая стоимость проекта оценивается в \$7,1 млн, расчетный срок реализации – 8 лет. Теперь слово за администрацией города Лунд и правительством Швеции.
Подробности на www.ecf.com

Эпоха политкорректности

В конце января швейцарский писатель (автор таких книг, как «Религия для атеистов», «Архитектура счастья») и основатель компании Living Architecture Алан де Боттон выступил с предложением построить на территории Великобритании несколько храмов для атеистов. «Почему верующим людям достаются самые красивые здания в стране? – вопрошает де Боттон. – Настало время, чтобы атеисты обзавелись собственными храмами». Один из таких храмов де Боттон планирует возвести в лондонском районе Сити. Эскизный проект уже готов – это 45-метровая пустотелая каменная башня с круглым отверстием в кровле. Его авторы – молодые архитекторы Том Гриналл и Джордан Ходжсон. Стоимость реализации проекта оценивается в миллион фунтов стерлингов. Половина суммы уже собрана. Начало строительных работ намечено на осень 2013 года.
Подробности на www.guardian.co.uk

Новый город — события

events

- Административные границы Москвы
- Граница Центра инноваций «Сколково»
- Границы районов и зон
- Водные объекты
- Участки, не принадлежащие Фонду «Сколково»
- Здания и сооружения
- Инженерные сооружения
- Спортивные сооружения
- Пешеходная зона
- Пешеходная галерея
- Площади и общественные озелененные пространства
- Придомовое озеленение
- Лес
- Ботанический сад
- Садовая зона
- Территория семейных кампусов и школ
- Озеленение за границами «Сколково»
- Тематические парки

Сергей Кузнецов, SPEECH Чобан & Кузнецов
Это уникальная задача — создать «зеленый» город с населением 20 тыс. жителей и общей площадью застройки более 2 млн кв. м. Могу с уверенностью сказать, что аналогов такому проекту не было

4

Эксперимент в рамках здравого смысла

Experiment within the limits of common sense: In Autumn 2011, the Skolkovo Foundation held the competition for the contract on the general design of the Innovation Centre's planning structure. The winner of the competition is the consortium led by the Russian office, SPEECH Tchoban & Kuznetsov, and consisting of several Russian and foreign companies: Sweco (Sweden), Waterman (UK), Metropolis (Russia), BTM Dorprojekt (Russia) et. al.

Осенью 2011 года Фонд «Сколково» провел конкурс на заключение договора генерального проектирования градостроительной части Центра инноваций. В конкурсе победил консорциум, возглавляемый российским бюро SPEECH Чобан & Кузнецов и объединяющий несколько отечественных и зарубежных компаний: Sweco (Швеция), Waterman (Великобритания), «Метрополис», «BTM Дорпроект» (Россия) и др.

Все идеи, заложенные в мастер-плане бюро AREP Ville, а также в проектах планировок отдельных районов, подготовленные их кураторами (см. *i+U* № 2), были оформлены в виде конкретных решений: сколько в той или иной зоне может быть построено зданий, каким должно быть их функциональное наполнение, как устроены транспортная и инженерная системы, сколько будет озеленения и т.д.

Можно выделить следующие базовые принципы разработки документации: следование рекомендациям «Зеленого кодекса» (см. с. 26–27) и требованиям LEED, минимальное воздействие на природное окружение, экономическая целесообразность и самое главное – комфорт будущих обитателей и гостей «Сколково».

Если посмотреть на чертеж, отличающийся от предыдущих стадий работы над генеральным планом «Сколково» не так наглядно, как можно было ожидать. Из глобальных изменений следует отметить понижение плотности застройки и максимальных высотных отметок в ряде районов. Достаточно серьезной корректировке подвергся проект вертикальной планировки – в связи с жесткими ограничениями на вмешательство в природный ландшафт, которые устанавливает LEED. Традиционные для России методы оптимизации рельефа при помощи экскаваторов могли перечеркнуть все планы на сертификацию по этому международному «зеленому» стандарту.

Транспортная схема практически осталась прежней. Сохранена, с небольшими изменениями траектории и сечений, коммуникационная ось иннограда – бульвар. Скорректировано расположение «паркея» – объездной дороги, предназначенной для грузового и специального транспорта. Уточнилась и прокладка внутриквартальных улиц – одновременно с новой трассировкой коллекторов и инженерных коммуникаций. В качестве основного внутригородского общественного транспорта было принято решение использовать не трамвай, а электроавтобус. В настоящее время идет обсуждение возможности

организации трамвайного сообщения между инноградом и станцией метро «Кунцевская». Большой объем работ по улучшению транспортной системы был связан с усовершенствованием «шарниров», соединяющих город с внешним миром: развязок на въезде и систем пересадочных хабов. В этих местах система будет испытывать максимальные нагрузки, поскольку именно в них обычный транспорт будет заменяться на «зеленый», отвечающий экологическим требованиям иннограда.

Существенные изменения коснулись инженерных систем. Изначально планировалось, что инноград будет сам обеспечивать себя энергией на сто процентов. Однако расчеты показали, что финансово это крайне затратно. Поэтому решили использовать традиционное энергоснабжение от магистральных сетей.

При подготовке градостроительной документации проектировщики опирались преимущественно на российскую нормативную базу. Однако в ряде случаев использовались также европейские и североамериканские стандарты. Отсутствие единой нормативной базы, с одной стороны, давало большую свободу, но, с другой, существенно усложняло процесс принятия решений. Экспериментальный характер проекта и размытость регламентов отразились и на процессе экспертной оценки, занявшей, вместе с последовавшей за ней корректировкой документации, более месяца. Экспертная команда, собранная Фондом, проверяла не соответствие тем или иным нормам, а саму техническую возможность заложенных решений, их реализуемость, разумность и экономическую целесообразность.

О специфике и сложностях разработки градостроительной документации *i+U* рассказал руководящий партнер бюро SPEECH Чобан & Кузнецов Сергей Кузнецов:

«Главной особенностью «Сколково» является его экспериментальный характер. Это уникальная задача – создать «зеленый» город с населением 20 тыс. жителей и общей площадью застройки более 2 млн кв. м. Могу с уверенностью утверждать, что аналогов такому проекту в мире не было. Это колоссальный эксперимент.

Размытость критериев в условиях очень сжатых сроков стала основной сложностью в нашей работе. Нам приходилось не столько следовать существующим нормативам, сколько фактически генерировать их, создавая своеобразный сплав традиционных, экспериментальных и компромиссных решений.

В качестве собственных критериев оценки на соответствие тех или иных решений поставленным задачам мы прибегали к категориям элементарной житейской логики, здравого смысла и комфорта. Именно они, по нашему мнению, гарантируют возможность создания на территории «Сколково» жизнеспособной и дружелюбной по отношению к человеку и природе урбанистической среды».

Участие академика Александра Кудрявцева в жизни иннограда работой в Градсовете теперь не ограничивается. В январе между Фондом «Сколково» и Российской академией архитектуры и строительных наук, возглавляемой Кудрявцевым, было подписано соглашение о сотрудничестве

Академический подход

Academic approach: on January 25, 2012, the collaboration agreement between the Skolkovo Foundation and the RAASN (Russian Academy of Architecture and Construction Science) was officially signed by the parties at the Academy's building on Bolshaya Dmitrovka

25 января 2012 года в здании Российской академии архитектуры и строительных наук (РААСН) на Большой Дмитровке в Москве состоялась торжественная церемония подписания соглашения о сотрудничестве между фондом «Сколково» и РААСН.

В церемонии приняли участие сити-менеджер «Сколково» Виктор Маслаков, президент РААСН Александр Кудрявцев, главный архитектор Москвы и вице-президент Академии Александр Кузьмин, член Градостроительного совета Фонда «Сколково» Григорий Ревзин и др.

В своем выступлении Виктор Маслаков отметил необходимость планомерного привлечения российских архитекторов к работе над «Сколково». Маслаков выразил надежду, что подобное сотрудничество, учитывая международный статус проекта, будет способствовать не только совершенствованию планировочных и объемных решений иннограда, но и выходу отечественных бюро на мировой рынок. Со своей стороны, Александр Кудрявцев привлек внимание собравшихся к передовой роли Центра инноваций в процессе реформирования градостроительной политики в России. Президент РААСН также отметил, что опыт, накопленный в ходе создания «Сколково», может быть очень поучителен для развития малых городов России.

Вот что Александр Петрович Кудрявцев рассказал редакции *i+U* о сути заключенного соглашения и его претворении в жизнь:

«Мы предложили использовать научный потенциал Академии в сфере, которая, как нам кажется, будет полезна разработчикам проекта «Сколково». Академия является уникальным собранием специалистов в области архитектуры, градостроительства и строительных наук. Это действительно экспертное сообщество высшей пробы. Совместно с Фондом «Сколково» мы определили два основных направления сотрудничества: это консультационная помощь и предэкспертная оценка решений, принимаемых в рамках

реализации проекта Инновационного центра.

Сотрудничество идет в синхронном режиме, когда наиболее актуальные вопросы прорабатываются нашими экспертами параллельно с работой специализированных отделов Фонда и привлеченных проектных команд. Мы подключаемся к процессу на стадии между концепцией и проектом, проводим полноценный анализ, результат которого сразу идет в работу. Мы уже провели анализ тендерной документации на разработку проектов магистральных и распределительных инженерных объектов внутренней улично-дорожной сети и комплекса озеленения. Это не самые заметные аспекты, но на самом деле речь идет о костяке пространственного развития и жизни «Сколково». Кроме того, мы провели экспертную оценку проектных решений для финала конкурса на жилые кварталы района технопарка. Уверен, что наш отчет помог членам жюри сделать выбор, основываясь на достаточно жестких, но обоснованных выводах.

Для Академии этот опыт сотрудничества будет не менее интересен и полезен. Федеральный закон о статусе «Сколково» допускает отклонения от принятых в России норм и стандартов в области проектирования и строительства. Последние, очевидно, нуждаются в усовершенствовании – в своем нынешнем виде они являются препятствием на пути развития строительной отрасли, одного из потенциальных локомотивов экономического роста. На примере иннограда мы сможем понять, какие изменения в российской нормативной базе сейчас необходимы. Не исключено, что в рамках реализации «Сколково» можно будет понять эффективность принятого недавно законопроекта об упрощении процедуры согласования зарубежных проектов повторного применения.

Эксперты рассматривают строительную площадку «Сколково» как экспериментальный полигон, где происходит внедрение инноваций, имеющих своей целью достижение энергоэффективности отдельных сооружений и города в целом, обеспечение максимального комфорта для жителей и гостей».

1
См. на эту тему: Почечуева Н.,
Фадеева М. Зеленая миля // *i+U*. № 2. С. 25–27.

Демонстрация намерений

Demonstration of intentions: On August 29, the thirteenth Biennale of Architecture opens in Venice. The right to organize the Russian pavilion is entrusted to two members of Skolkovo Foundation Town-Planning Council: Grigory Revzin and Sergey Tchoban

29 августа в Венеции откроется очередная, тринадцатая Архитектурная биеннале. Право организации российской экспозиции доверено двум членам Градостроительного совета Фонда «Сколково» – спецкорреспонденту Издательского дома «Коммерсантъ» Григорию Ревзину, назначенному министерством культуры на должность комиссара национального павильона, а также архитектору Сергею Чобану, получившему в результате конкурса, проведенного в 2009 г. тем же министерством, возможность курировать две выставки подряд: 2010 и 2012 года. Если в качестве темы для российской экспозиции на прошлой биеннале была избрана ревитализация исторических промышленных городов на примере Вышнего Волочка, то теперь Чобан и Ревзин приняли решение представить в Венеции проект Центра инноваций «Сколково».

На фоне отсутствия иных знаковых проектов в нашей стране, приходящей в себя от последствий финансово-экономического кризиса, «Сколково» стало самым очевидным кандидатом для представления на международном смотре. В процесс создания Центра инноваций вовлечены многие звезды российской и зарубежной архитектуры, более того, куратор нынешней Венецианской биеннале Дэвид Чипперфилд, так же как и Ревзин с Чобаном, входит в Градостроительный совет иннограда. Дополнительным плюсом показа данного проекта является концепция «зеленого» города, реализуемая в «Сколково» и отвечающая самым актуальным мировым тенденциям в области урбанистики.

В настоящее время под руководством Сергея Чобана, а также его сокураторов Сергея Кузнецова (SPEECH Чобан & Кузнецов) и Валерии Кашариной (prs tchoban voss) идет работа над концепцией экспозиции, цель которой – представить мировому сообществу не только отдельные авторские объекты, спроектированные для иннограда, но, в первую очередь, философию Инновационного центра, сочетающую активное внедрение в жизнь новейших технологий и идей с максимально бережным отношением к природе и заботой о создании комфортной для человека среды.

Дизайн экспозиции, который готовит бюро SPEECH Чобан & Кузнецов, призван в наиболее яркой и эффектной форме донести до зрителя огромный объем информации и архитектурно-градостроительных наработок, накопленных «Сколково» за два с половиной года развития проекта. Посетители Биеннале увидят генеральный план, планировки отдельных районов иннограда, объекты, которые уже спроектированы их кураторами, а также проекты-победители открытых архитектурных

Как в 2010 году, править бал в Венеции будут Григорий Ревзин и Сергей Чобан. На этот раз они покажут «Сколково»

Надземная Сербия/Елена Петухова/FORMAT

конкурсов, в частности на жилые кварталы в зоне технопарка (см. с. 14–19).

Россия вновь показывает в Венеции не постройки, а только образы архитектуры. Впрочем, на этот раз трудно обвинить кураторов в уходе от обсуждения насущных проблем или попытке скрыть несостоятельность отечественной архитектурно-строительной сферы за ширмой концептуальности. Экспозиция призвана продемонстрировать решимость и готовность нашей страны реализовывать смелые и новаторские замыслы, занять достойное место в международном архитектурном процессе. Твердость этого намерения подтверждается тем, что параллельно с подготовкой выставки на Венецианской биеннале активно разворачивается строительство первой очереди Центра инноваций.

Пешеход – это звучит гордо

The word 'pedestrian' sounds proud: On March 6 to 9, MIPIM, the biggest international real estate forum took place in Cannes. The Skolkovo Foundation presented a large exposition in a separate pavilion rented for the occasion

С 6 по 9 марта во французском городе Канни, расположенном на Лазурном берегу, прошла ежегодная выставка MIPIM – крупнейший международный форум в области недвижимости, привлекающий инвесторов, девелоперов, проектировщиков и управленцев со всего мира. Большую экспозицию на выставке представил Фонд «Сколково», арендовавший отдельный павильон.

Экспозиция, сценографию которой разработало дизайнерское бюро Voxwood (рук. проекта Габриель Пистр), разместились в двух затемненных залах. При входе посетителей встречала интерактивная карта «Сколково»: большой экран, интерфейсом которого можно управлять только руками – без кнопок, мышек, тачпадов и джойстиков. Заняв позицию на некотором отдалении от экрана, любой гость павильона имел возможность легким движением руки менять, масштабировать и совмещать различные изображения. В результате на экране высвечивались подробные сведения об объемно-пространственной структуре иннограда, его функциональной программе и транспортной системе.

Второй, более просторный зал занимала эффектная мультимедийная инсталляция. По периметру

были расставлены восемь плазменных блоков – выше среднего человеческого роста, где-то 2 x 2 м, – на которых демонстрировался синхронизированный видеоряд, призванный показать, что «Сколково» рождается в непрерывном диалоге между специалистами разных профессий, представителями разных культур. На экранах, сменяя друг друга, появлялись ученые, руководители Фонда и архитекторы Центра инноваций. Звучала русская, английская, немецкая, французская и японская речь. Президент Фонда «Сколково» Виктор Вексельберг и сити-менеджер иннограда Виктор Маслаков обрисовывали воплотившееся в генплане видение места, призванного стать эпицентром научной и изобретательской деятельности. Кадзуо Сейджима рассказывала о необыкновенном куполе – огромной полусферической «теплице» высотой под 130 м, перекрывающей входную зону иннограда. Архитектор Пьер де Мерон и президент Сколковского института науки и технологий Эдвард Кроули рассуждали о том, что такое современное образование и какие здания для него подходят...

Виртуальный диалог на экранах, с одной стороны, был поддержан выставкой макетов ключевых объектов «Сколково», расположенных в середине зала, а с другой – активным общением посетителей павильона: формальным в рамках презентаций и конференций, а также неформальным на комфортной и очень приятной террасе, выходящей к самому морю.

Одним из важных событий в жизни павильона стало заседание Градостроительного совета фонда «Сколково», привлечение внимания

events

Виктор Вексельберг активно участвовал в диалоге архитекторов, бизнесменов и ученых, разворачивавшемся в павильоне «Сколково» на MIPIM

Стираль Заннетта/Супри/Заннеттасси

многих гостей MIPIM. В качестве темы заседания был выбран «умный» город.

Сначала слово дали инженерам – представителям таких известных корпораций как Cisco, IBM и Panasonic. Все они сосредоточились на коммуникационных и инженерных технологиях, которыми следует оснащать «смарт-сити». Современное поселение в идеале надо охватить комплексной информационной сетью, регулирующей все процессы жизнедеятельности: от функционирования транспортной системы до доставки пиццы. Оптимизация потоковых процессов, как заявила госпожа Сильви Спальмасэн-Рома, вице-президент французского отделения IBM, способна обеспечить 30-процентную экономию энергии, 50-процентную воды, снизить на треть нагрузку на улично-дорожную сеть. Эти цифры вызвали у присутствующих живой интерес. «Где были достигнуты такие показатели?» – поинтересовался сопредседатель Градостроительного совета Вениамин Голубицкий. Оказалось, что пока только на бумаге. Впрочем, уверены разработчики «умных» систем, прогресс не остановить.

Важным дополнением к докладу технарей стал спич, произнесенный Этьеном Трико, руководителем компании AREP, которая разработала сколковский мастер-план. Справедливо замечая, что одних только инженерных придумок недостаточно – надо коренным образом переосмыслить форму города, вернуться к той тонкой «алхимии», которая порождала богатство жизни в поселениях былых времен, – Трико заявил, что во главу угла всех урбанистических проектов и теорий должен быть поставлен пешеход. Машинную логику развития индустриального города следует заменить подходом, который был бы ориентирован не на четко просчитанные во времени и ясно артикулированные в пространстве процессы, а на размытие функций, одновременность протекания самых разных явлений, частичное присутствие человека сразу в нескольких местах – к примеру, когда тот идет по улице, разговаривая по телефону с коллегой на другом краю света.

Пешеход при этом у Трико не простой, а «мультимодальный». То есть речь идет о человеке, в распоряжении которого имеется широчайший ассортимент средств коммуникации: от смартфона до экспрессного метро-

политена. Мы должны предоставить людям выбор. Хватит говорить, что одно средство лучше, а другое – хуже. Главное – разнообразие. Во Франции, напоминает Трико, в последние годы наблюдается активное возвращение трамвая – это произошло уже в трех десятках городов. Обладать машиной в Европе становится признаком старости. По данным французского архитектора, средний возраст покупателя частного автотранспорта в Старом Свете вырос до 54 лет. Более молодые и продвинутые понимают, что важнее не обладать,

Burda Media Стефани Черни и Марсель Рейчарт. С тех пор она проводится ежегодно в Германии, Израиле и Бразилии под председательством Хьюберта Бурда (владельца Burda Media) и Иосифа Варди (общественного деятеля и предпринимателя из Израиля). Финансовую поддержку конференции оказывают ведущие мировые корпорации: Google, Facebook, HP, Microsoft, Lufthansa, GE, Nokia, Audi, Wall Street Journal, CNBC и т.д. Кроме регулярных мероприятий проводятся также специальные сессии DLD global networking events

Перед Градсоветом в Каннах (слева направо): Жан Пистр и Валери Поли (Valode & Pistre), Кадазу Сейджима (SAMAA) и Лора Бэйрд (OMA)

Сириль Заннеттаччи (Cyril Zannettacci)

а распоряжаться, то есть располагать максимально широкой палитрой возможностей, обеспечивающей самые разные формы подвижности и социальных контактов.

Речь Трико вызвала у членов Совета прилив энтузиазма, позволивший решить многие вопросы оперативно и легко. Самый, наверное, актуальный для наших читателей касается следующего архитектурного конкурса. Он, как и творческое состязание на застройку «островов» в районе технопарка (см. с. 15–19), также будет открытым. Предмет – строчное жилье в зоне университета. Победителей тоже будет несколько. Ждем анонса, следим за событиями.

Визионеры всех стран, соединитесь!

Visionaries of all countries, unite! On May 27-29, the first Moscow DLD (Digital – Life – Design) conference will take place at the territory of the Krasny Otkriabr Factory. The conference is supported by the Skolkovo Foundation

с 27 по 29 мая на территории бывшей кондитерской фабрики «Красный Октябрь» при поддержке Фонда «Сколково» пройдет первая Московская конференция DLD (Digital – Life – Design). Под этим брендом в мире ежегодно проходит серия мероприятий, объединяющих визионеров и технологов, дизайнеров и архитекторов, предпринимателей и инвесторов, ученых и лидеров общественного мнения. DLD – это котел, где плавают идеи, зарождаются и развиваются новые партнерские отношения. Задаются темы дискуссий на весь следующий год.

Впервые конференцию DLD организовали в 2005 году топ-менеджеры

в крупнейших мировых центрах креативной и инновационной экономики: Пало-Альто, Нью-Йорке, Лондоне, Пекине и т.д.

На конференцию обычно стекается около тысячи участников со всего мира, в том числе такие знаменитости, как Марк Цукерберг, Паоло Коэльо, Норман Фостер, Заха Хадид, Люк Бессон, Дэвид Ротшильд, Джеймс Мердок, основатель YouTube Чад Харли, основатель Wikipedia Джимми Вейлс и многие другие.

В рамках московской конференции будет организовано более десяти дискуссионных панелей по самой актуальной тематике. Объединять их будет одно – информационные технологии. Ясно, что с появлением новых медиа, наша жизнь кардинально изменилась и изменится еще больше. Мы по-другому получаем информацию, по-другому развлекаемся. Возникновение новых цифровых инструментов повлияло на способы ведения бизнеса и принципы инвестирования. Даже такие, казалось бы, далекие от цифровых технологий области, как архитектура, урбанистика и экология, на самом деле пронизаны ими насквозь. Что же нас ждет впереди? Каким станет человек будущего? В каких городах он будет жить? Как будет вести бизнес? Визионеры и футурологи попытаются ответить на эти и другие вопросы. Помимо основной программы, также планируется ряд спутниковых мероприятий, в том числе ярмарка стартапов.

«Сколково» на MIPIM

Skolkovo at MIPIM: The visitors of the pavilion, completely occupied with the Skolkovo exposition and painted in the Foundation's colours, found themselves absorbed in the world of research, the world of the latest achievement in the field of urban design, as well as the field of science and technologies.

Наш Центр инноваций был представлен на MIPIM. Причем в необычной для подобных бизнес-выставок форме.

Проходящий в течение уже более двух десятков лет смотр на Лазурном берегу стал самым крупным форумом недвижимости в мире, привлекающим около двух тысяч участников и под двадцать тысяч посетителей. Здесь презентуются самые крупные и амбициозные девелоперские инициативы. Инвесторы, политики, застройщики, проектировщики со всех концов света в первой декаде марта стекаются в Канны. В этом году на выставке были показаны проекты из 90 стран. Особо представительными получились экспозиции из Западной и Восточной Европы, в том числе из России.

MIPIM – это площадка, где девелоперы встречаются с инвесторами. Но такие встречи могут стать плодотворными только при наличии экспозиции, грамотно высвечивающей привлекательные стороны проекта. И причем не только финансово-экономические, но и эстетические, архитектурные. Вот, кстати, почему из года в год в Канны приезжает все больше архитекторов. Мои коллеги все активнее участвуют в презентации проектов.

Однако выставка «Сколково» была призвана пойти еще дальше. Не выплывать вперед архитекторов-звезд, но говорить о самой сути проекта, заключающейся в создании эффективной научной среды, – вот какую цель ставили перед собой создатели экспози-

ции иннограда. Можно сказать, что такая проблематика заявлялась на MIPIM впервые. Причем раскрыта она была во всей своей полноте, включая вопросы образования, исследований и коммерциализации научных разработок.

Конечно, вклад в создание благоприятных условий для данного процесса со стороны таких крупных архитекторов, как Дэвид Чипперфилд, SPEECH Чобан & Кузнецов, Valode & Pistre, SANAA, OMA, «Проект Меганом» и Стефано Боери, трудно переоценить. Но также следует отметить инновационную и высокотехнологичную сценграфию, разработанную дизайнерами из Voxwood и прекрасно передающую главную идею экспозиции.

Оказавшись в отдельно стоящем павильоне, раскрашенном в цвета «Сколково», посетители погрузились в мир исследований, мир последних достижений как в области науки и техники, так и в сфере создания городской среды. Гостей встречал гигантский экран, чей визуальный ряд управлялся простым движением руки. Это подлинная инновация, и в Каннах состоялась ее премьера. На стойках с Айпадами каждый мог загрузить себе в планшетник, компьютер или смартфон информацию о «Сколково»: интервью, визуализации, интерактивную «бродилку». В главном зале были установлены восемь крупных экранов, на которых демонстрировались запараллеленные кадры, погружающие зрителя в пространство Центра инноваций – комментарии ученых, экономистов, архитекторов, кадры из жизни научных институтов, виды будущего города... В середине затемненного пространства зала «плавали», подобно лабораторным объектам, белоснежные макеты знаковых зданий иннограда.

В общем, в ожидании главной презентации сезона – Международной венецианской биеннале, – этот новый и необычный подход вызвал на MIPIM неподдельный интерес к «Сколково». Интерес под стать международным амбициям проекта.

Колонка – председатель

Жан Пистр французский архитектор, руководитель бюро Valode & Pistre, председатель Градостроительного совета Фонда «Сколково»

Pistre

Глава Градостроительного совета Фонда «Сколково» французский архитектор Жан Пистр о России знает не понаслышке. В начале «нулевых» Екатеринбург стал отправной точкой для работы архитектурного бюро Valode & Pistre в нашей стране: после завершения проектов отеля Hyatt Regency и жилого района «Академический», рассчитанного на более чем триста тысяч жителей, Жан Пистр научился понимать русских, даже не зная языка, и говорит, что разобраться в российских строительных нормах порой проще, чем во французских.

Жан Пистр : Перемены во власти не остановят «Сколково»

Пытается найти общий язык Жан Пистр и с российскими архитекторами: недавно были подведены результаты конкурса на строительство жилых кварталов на территории технопарка, над разработкой которой глава Градостроительного совета работал вместе с деканом Высшей школы дизайна Гарвардского университета Мохсеном Мостафави. Однако «трудностей перевода» все-таки избежать не удалось, и конкурс вызвал критику как среди участников, так и в профессиональном сообществе. Впрочем, когда речь идет о творческом соревновании среди порядка трех сотен архитекторов, избежать шероховатостей вряд ли возможно. С Жаном Пистром в Париже встретила Мария Сидельникова.

За последние десять лет Россия, кажется, стала для вас вторым домом?

Компания Valode & Pistre много работает за рубежом. Но лично я больше всего привязан к России. Наш российский «маршрут» начался с Екатеринбурга, с проекта отеля Hyatt Regency, который открыл нам двери к большим инвесторам, дал возможность работать над очень масштабными и сложными проектами. Также он позволил познакомиться с российской системой проектирования.

В России во всех сферах, и архитектура не исключение, действуют свои особенные нормы и правила – и зафиксированные, и негласные. Как вам удалось к ним адаптироваться?

Важно понимать, что строительные регламенты – это не что-то абстрактное. Часто люди бунтуют против них, видят в этом пустые формальности, ищут подвоха. Но на самом деле в регламентах, также как и в любых других законах, выражается культура страны. Для иностранного архитектора важно прежде всего понимать, почему регламенты требуют исполнения тех или иных вещей. И затем, основываясь на этом понимании и в зависимости от поставленных целей, нужно выявить расхождения и попытаться договориться с согласующими инстанциями об адекватных спецусловиях. При этом французские регламенты гораздо сложнее российских. Я бы не сказал, что в России с ними просто, но они доступны и понятны, тогда как французские далеко не всегда очевидны. Поэтому не нужно раздувать всякие истории по поводу российских норм. Везде есть свои трудности, но мы должны искать пути их преодоления, обладать умением и желанием договариваться.

В своих архитектурных проектах вы скорее реализовываете представления иностранцев о России или все-таки отталкиваетесь от русских традиций? Скажем, когда речь шла о бальном зале в Hyatt Regency, то вы говорили о своем, французском, представлении о русском празднике...

В архитектуре модернизма была идея, что существует только одна «идеальная» модель,

и все в мире делалось в соответствии с ней примерно одинаково. Если вы возьмете здания так называемого «интернационального стиля» в Америке, России или Франции, то особой разницы не заметите. Современный подход отмечен большей субъективностью. Речь в первую очередь идет о развитии личностной творческой идеи, о самопозиционировании автора по отношению к контексту. В наших проектах мы стремимся обязательно вступить в переключку с контекстом – причем не только с непосредственным предметно-пространственным окружением, но и с историей места, тем укладом жизни, который там принят. Работая в Екатеринбурге, мы стремились понять, кто такие русские, как они живут. В результате процесса приобщения к русской культуре у нас возникла идея устроить в отеле Hyatt большие бальные залы – учитывая тот особый вкус к празднику, который есть у русских и не так сильно выражен у французов. Мы постарались поставить себя на место людей, которым предстоит использовать здание.

По замыслу президента Медведева, «Сколково» должен стать не только инновационным исследовательским центром, но и городом с современной архитектурой. Обсуждали ли вы с президентом критерии современности? Совпадают ли ваши вкусы и представления о них?

В Кремниевой долине есть солнце, пальмы, море, девушки в купальниках. Москва здесь не может быть соперником, поэтому надо найти что-то другое. И это другое заключается в городской атмосфере, в качестве среды очень высокого уровня. Ученые должны находиться в необычном, нестандартном месте с запоминающейся архитектурой. Поэтому как председатель Градостроительного совета я помог собрать команду сильных профессионалов, знаменитых архитекторов и урбанистов. С другой стороны, важно привнести в проект новейшие течения, новейшие идеи о современном городе. Речь идет и о последних достижениях в сфере инженерных и транспортных коммуникаций, и о новых подходах к работе с ландшафтом. Так, у нас в иннограде предусмотрена сеть велосипедных дорожек, сеть дорожек для джоггинга, удобная система общественного транспорта, на всей территории «Сколково» планируется использовать только электромотоциклы. Не будет лишен этот город и знаковых, впечатляющих построек и пространств. Возьмите, например, «Купол», который проектирует Кадзуо Сейджима (SANAA). Это своего рода витрина архитектурных и технологических достижений, в том числе и в области искусственного климата. Представьте себе гигантский прозрачный интерьер, внутри которого парят облака!

Обсуждали ли вы с Дмитрием Медведевым основные моменты?

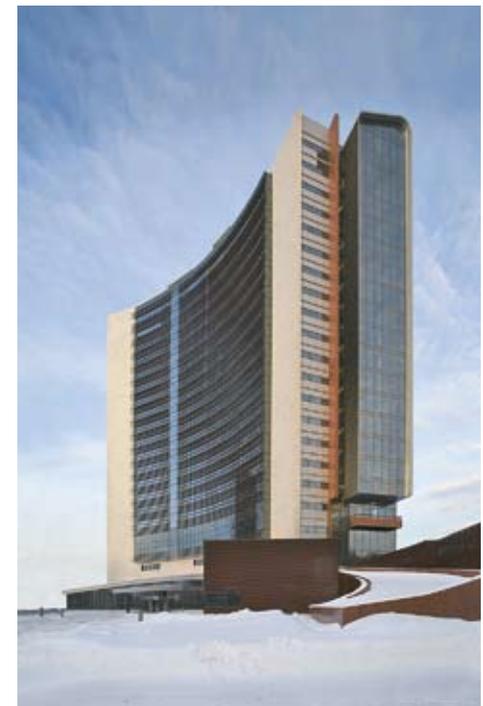
Jean Pistre, the French architect who is head of the Skolkovo Foundation Town-Planning Council, has considerable first-hand experience of Russia. Yekaterinburg was the starting point for Valode & Pistre's work in our country; building the Hyatt Regency Hotel and the Akademia residential district has taught Jean Pistre to understand Russian. He says that it is sometimes easier to get to grips with Russian building standards and regulations than with French ones.

Jean Pistre : Changes in the hierarchy of power will not stop Skolkovo

He is also trying to find a common language with Russian architects. Recently the results of the competition for the design of residential street blocks in the Technopark area at Skolkovo were announced (the master plan for the Technopark zone was devised by Valode & Pistre in collaboration with Mohsen Mostafavi, Dean of Harvard University Graduate School of Design). However, 'difficulties in translation' proved unavoidable; the competition was criticized not just by its participants, but by architects and urban planners too. Of course, when you have creative rivalry between approximately 300 architects, it is unlikely that conflict can be entirely avoided. Mariya Sidelnikova interviewed Jean Pistre in Paris.

In all fields – and architecture is no exception – Russia has its own special rules and regulations, both written and unwritten. How have you, as a European, managed to adapt to them? What did you find especially difficult?

It's important to understand that the building regulations in a particular country are not something abstract. Often people rise up against them, see in them empty formalities, or look for a catch. But in actual fact, the building regulations, like any other laws, reflect the culture of a country. For foreign architects it is important, above all, to understand why the regulations require particular things to be done. And then, based on this understanding and depending upon the objectives that have been adopted, it is necessary to identify inconsistencies and try to reach agreement with the planning authorities regarding suitable special conditions. The French regulations, it has to be said, are much more complex than the Russian ones. I could not say that in Russia the situation is straightforward, but the regulations are comprehensible, whereas the French regulations are by no means always clear. So we really shouldn't complain too much about things in Russia. This is just part of the architect's job – to take into account all the conditions and find an optimal balance between the requirements imposed by the technical and urban-

«Сколково» станет школой для архитекторов со всей России, местом, где смогут раскрыться молодые таланты. Мы ставим перед собой цель, чтобы в иннограде работало около сотни российских бюро. Никогда ни один проект не задействовал такое количество российских архитекторов. И на таких открытых условиях. Ошибаются те, кто говорит, что это проект исключительно для иностранцев.

Елена Петухова

Наши беседы с ним не были продолжительными. Но он очень привязан к идеям использования новых строительных технологий, активного присутствия природы в городе, ориентированности «Сколково» на потребности человека. Наши взгляды полностью совпадают.

Как, по-вашему мнению, в новых архитектурных проектах должны сосуществовать история, архитектурные традиции и новейшие течения? «Сколково» – это строительство абсолютно нового города, с чистого листа. Что должно служить отправной точкой? Здесь же нет истории, с которой следует считаться, как в случае с Екатеринбургом.

Для нас отправная точка в «Сколково» – это русская культура, контекст, которые надо уважать. Скажем, мы не можем не считаться с климатом. Здания, имеющие современную форму, должны быть приспособлены к снегу, к заморозкам – ко всем климатическим особенностям русской зимы. Климат определяет архитектуру, но также он определяет и стиль жизни. Мы не можем делать маленькие уютные площади с кафе, как, скажем, в Венеции. Когда ветрено и на улице минус двадцать, об этом даже думать не стоит. Поэтому в «Сколково» есть протяженные застекленные пассажи, которые немного похожи на гумовские.

На каких условиях вы согласились стать председателем Градостроительного совета «Сколково»?

В предложении оговаривалось, что я смогу сформировать тот Совет, который считаю нужным. В нем должны быть собраны сильные специалисты, мнения которых будут учитываться теми, кто принимает решения по вопросам развития иннограда. И второй момент – члены Градостроительного совета призваны быть не только консуль-

тантами, но и исполнителями, непосредственно участвующими в процессе проектирования и несущими ответственность за это. И сейчас члены Совета являются архитекторами различных зон Центра инноваций. Это не просто люди, которые дают советы.

«Сколково» – это государственный проект, на ключевых постах которого находятся иностранцы. Едва ли возможно представить себе такую ситуацию во Франции. К примеру, в работе над проектом Большого Парижа преимущество все-таки отдавалось французским бюро, только затем европейским, а о том, чтобы пригласить архитекторов из США, России или Китая, речи и вовсе не шло. С чем вы связываете обратную тенденцию в России?

Важно понимать, что «Сколково» – это международный проект. Если бы не существовало иностранных исследователей и иностранных инвесторов, то не было бы и «Сколково». В данном случае речь должна вестись об обмене между лучшими специалистами со всего мира. Было решено, и я настаивал на этом, что первая стадия проекта создается полностью на международной базе, но это составляет лишь треть застройки «Сколково». Все остальное будет сделано российскими архитекторами. И это не пустые слова. «Сколково» станет школой для архитекторов со всей России, местом, где смогут раскрыться молодые таланты. В ноябре мы запустили первый открытый всероссийский конкурс, на который было подано более трехсот проектов. И мы ставим перед собой цель, чтобы в иннограде работало около сотни российских архитектурных бюро. Это гораздо больше числа иностранных компаний. Никогда ни один проект не задействовал такое количество

planning regulations, on the one hand, and the available budget, the required floor areas of housing which are to be built, the functional programme, and the project's artistic qualities, on the other. There are difficulties everywhere, but we must look for ways of overcoming them and must be able and willing to reach an agreement.

In your architectural designs could it be said that you are realizing foreigners' ideas about Russia, or is your starting point Russian tradition? Say, in the case of the ballroom for the Hyatt Regency, you spoke of your own, French, understanding of Russian merry-making...

In the architecture of Modernism there was the idea that there is only one 'ideal' model – in accordance with which everything in the world was created more or less identically. If you take buildings in the so-called 'International Style' in America, Russia, or France, you'll find no particular difference between them. But the approach being practised today has more subjectivity. The main thing is development of a personal creative idea – it's all about what stance the architect takes towards the context. In our projects we try to enter into dialogue with the context – moreover not only with the surrounding space and objects, but also with the history of the place and the life-style that prevails there. For this reason, when we were working in Yekaterinburg, it was important for us to understand what Russians are like and how they live. We got to know Russian culture, and the result was the idea of incorporating in the Hyatt large ballrooms – reflecting that particular attraction for merry-making which characterizes the Russians, but not the French. We tried to put ourselves in the place of the people who would be using the building.

According to Dmitry Medvedev, Skolkovo is to become not just a centre for innovation and research, but also a town of contemporary architecture...

Silicon Valley has the sun, palm trees, the sea, and girls in bikinis. Moscow can't compete with all that, so it's necessary to find something else as a selling-point. And this something else is urban atmosphere and a very high quality of habitat. Academics should live in an unusual, non-standard, environment surrounded by architecture that is memorable. Which is why, as Chairman of the Town-Planning Council, I helped put together a team of talented professionals, including well-known architects and urban-planners. On the other hand, it is important that the project should incorporate new tendencies and the very latest ideas about the modern city. What I mean is the latest attainments in the field of utilities systems and transport, as well as new approaches to working with landscape. Our project for Skolkovo includes cycle tracks, jogging paths, and a convenient public transport system (the only cars in use at Skolkovo will be electric). Skolkovo will also have impressive, iconic, buildings and spaces. Take, for instance the 'Dome', which is being designed by Kazuyo Sejima (SANAA). It's a kind of showcase for architectural and technological achievements, including in the field of artificial climate. Imagine a gigantic transparent interior with clouds floating inside it!

Did you discuss the main issues with Dmitry Medvedev?

We didn't talk for long. But he is very keen on the idea of using new construction technology, the idea of nature being a strong presence in the town, and the focus on human needs. We are in complete agreement on these issues.

Under what conditions did you agree to become Chairman of the Town-Planning Council for Skolkovo?

The job offer specified that I could invite whomsoever I wished or whomsoever I considered necessary to sit on the Council. These should be talented specialists whose opinions will be taken into account by decision-makers in issues to do with Skolkovo's development. The second consideration was that members of the Town-Planning Council should be not only consultants, but also executors who are directly involved in Skolkovo's planning and who bear responsibility for this. Many

российских архитекторов. И на таких открытых условиях. Ошибаются те, кто говорит, что это проект исключительно для иностранцев.

Но в тоже время на руководящих постах находятся иностранцы...

Повторяю, это международный проект. Вы знаете, что сегодня руководить французской компанией может и американец, и англичанин. Целью «Сколково» является привлечение иностранных компаний в Россию. Это площадка международного обмена, согласованных решений и действий. Здесь не место протекционизму.

Некоторые эксперты считают, что территория «Сколково» слишком мала – иннограду некуда развиваться. Что бы вы им ответили?

Это сделано специально. Наше общее желание – сохранить «Сколково» небольшим, но при этом пользующимся огромным успехом. В такой большой стране, как Россия, нет никаких причин концентрировать всю научную деятельность в Москве. «Сколково» станет моделью, которая впоследствии будет воспроизведена в Санкт-Петербурге, Екатеринбурге и т.д. За этим стоит очень четкая политика: если надо будет развиваться, то мы будем развиваться, но не в Сколково.

То есть в ближайшее время можно ожидать появления клонов иннограда?

Безусловно, «Сколково» стремится быть моделью, но не для клонирования, а для развития. Ведь что является уникальным в этом проекте? Это совмещение на одной территории трех функций: образовательной (университет), исследовательской (лаборатории) и коммер-

ческой (мэйджоры, стартапы). «Сколково» позволяет исследователям увидеть, как их изобретения внедряются в производство, как они коммерциализируются. Центр инноваций представляет собой антипод советских наукоградов, которые больше похожи на гетто для ученых. Идея сделать что-то противоположное присутствовала с самого начала. В России существует уникальный, но совсем неостребованный научный потенциал. Ученые делают изобретения, которые растаскиваются по всему миру, а сама Россия от этого ничего не выигрывает. И задача «Сколково» изменить данную тенденцию, сделать так, чтобы в иннограде пересекались не только разные дисциплины, но и потоки международных инвестиций.

Какая судьба ждет «Сколково» при новом президенте? Уже сейчас появилась информация о том, что госфинансирование инициатив, направленных на модернизацию, сокращено. К тому же Владимир Путин всегда был довольно равнодушен к инновационным проектам...

На уровне финансирования такие долгосрочные проекты, как правило, переживают взлеты и падения. Это не ставит под вопрос сам проект, а просто определяет его ритм: он либо ускоряется, либо замедляется. Это жизнь. То же самое касается и перемен во власти. Одно правительство больше поддерживает подобные проекты, другое относится к ним с меньшим энтузиазмом. Не надо думать, что изменения в политике остановят «Сколково». Я не вижу предпосылок для скорого завершения этого проекта.

Многих специалистов удивило разработанное вами совместно с Мохсеном Мостафави планировочное решение зоны технопарка. Почему вы решили отказаться от квартальной структуры, предложенной AREP, и разделили эту зону на несколько рассредоточенных скоплений застройки?

Никаких существенных отступлений от мастер-плана AREP не было. Имела место эволюция проекта. Технопарк представляет собой огромное здание почти 600-метровой длины. И мы не могли представить, как можно органично вписать объем таких размеров в капиллярную уличную сеть и плотную среднеэтажную застройку. Поэтому технопарк был выделен в обособленный комплекс, сохраняющий дистанцию по отношению к другим объектам. В результате мы пришли к композиции всего нашего района как серии различных объектов, где мегаструктура технопарка окружена

Жан Пистр

Не надо думать, что какие-то изменения в политике остановят «Сколково». Я не вижу предпосылок для скорого завершения этого проекта

members of the Council are architects working in various zones at Skolkovo. They're not just people who give advice.

Certain experts take the view that Skolkovo is too small: there is no room for the innovational facilities to develop. What would you say to that?

This is deliberately so. We all want Skolkovo to stay small while becoming a big success. In a country as large as Russia there is no reason to concentrate all scientific activity in Moscow. Skolkovo will become a model which will subsequently be reproduced in St Petersburg, Yekaterinburg, and so on. So Skolkovo's size has been determined by a very clear policy, which is that if we need to develop, then we shall develop, but not in Skolkovo.

So in the near future we can expect to see clones of this first innovation city?

Undoubtedly, Skolkovo sets out to be a model – but not one for cloning, but for development. After all, what is unique about this project? It is the fact that here we have three functions – educational (the university), research (the laboratories), and commercial (the involvement of majors and start-ups) – combined in a single location. Skolkovo lets researchers see how their inventions can be put into production, how they can be commercialized. In this way, the innovation centre is the antipodes of the Soviet *naukograds* [science towns], which were like ghettos for academics. The idea of doing something that would be the opposite of that was present in the project from the very beginning. Russia has a unique scientific potential – but it's one for which there is absolutely no demand. Scientists create inventions, which are then exploited all over the world, while Russia itself gains nothing from them. The aim at Skolkovo is to change this tendency and to make this *innograd* [innovational town] a place of intersection not just for different disciplines, but for flows of international investments as well.

What lies in store for Skolkovo under the new Russian President? Already we are hearing that state funding for initiatives directed at modernization has been cut. Furthermore, Vladimir Putin has always been indifferent to innovational projects...

When it comes to funding, such long-term projects usually go through ups and down. This does not put the project itself in question, but it determines its rhythm: the project either speeds up or slows down. That's life. The same goes for changes in power. One government is more supportive of such projects, another is less enthusiastic about them. You should not think that political changes can stop Skolkovo. It's a sound initiative which will take its rhythm from investments and political decisions, and I see no reason for it to be brought to a speedy end.

Many specialists were surprised by the plan for the Technopark. Why did you decide not to use the street-block structure proposed by AREP, but instead divided the residential area in the Technopark zone into several scattered clusters of houses?

There's been no important deviation from AREP's master plan. What has happened is that the project has evolved. The Technopark is an enormous building that is almost 600 metres long. And we could not imagine how to fit a structure of this size naturally into a capillary street grid in an area of dense mid-rise development. For this reason we turned the Technopark into a separate complex that keeps its distance from the other buildings. As a result, we ended up shaping our entire district as a series of diverse structures in which the mega-structure of the Technopark is surrounded by 'islands' of residential street blocks. This approach ensures a balance of scales. But at the same time each particular little 'island' contains development which is essentially urban and dense; it contains small streets and squares, exactly as envisaged in AREP's master plan.

The 'islands' that you have invented all have rounded perimeters. What is the reason for this? Is it connected with the shape of SANAA's 'Dome'?

people

Новый город – Люди

Жан Пистр и Виктор Маслаков, сити-менеджер «Сколково», на пресс-конференции по итогам Градсовета. Фото Елены Петуховой

10

Недавние постройки бюро Valode & Pistre во Франции: технопарк компании Bouygues Telecom в Мёдоне (2009), башня T1 в деловом квартале Ла-Дефанс (2008)

Александр Народицкий

Александр Народицкий

«островами» жилых кварталов. Подобное решение обеспечивает равновесие масштабов. Но в то же время на каждом отдельном «островке» существует городская по характеру, густая застройка с улочками и площадями, как и предусматривалось в мастер-плане AREP.

Придуманные вами «островки» все как один имеют округлый периметр. С чем это связано? Быть может, с формой купола бюро SANAA

Нет, это никак не связано. Все апеллируют к подобным формам. Получается достаточно забавно – в каждом районе иннограда есть свои круги. И у де Мерона, и у Григоряна. То, что появилось спонтанно, теперь уже воспринимается как нечто свойственное «Сколково».

Какими функциями предполагается насытить полуторакилометровый пассаж, проходящий сквозь комплекс технопарка? Часть пассажа почти вплотную примыкает к линии бульвара и при этом ничем от него не отделена. Две крупные прогулочные зоны бок о бок – не чересчур ли это?

У них разные назначения. Крытые галереи позволяют идти пешком от гостевой зоны до технопарка и университета, независимо от времени года – и в дождь, и в снег. Там расположены торговые и выставочные площади, рестораны. А у бульвара своя функция: по нему движется общественный транспорт, машины из всех концов «Сколково». Конечно, мы можем прогуливаться и там, но это все же не главное назначение бульвара.

Чем был продиктован выбор победителей конкурса на проекты жилых кварталов, тех самых «островов», в зоне технопарка?

При выборе учитывались обычные критерии: эстетическое и архитектурное качество, техническая возможность реализации проекта. В жюри были собраны специалисты с большим опытом в строительстве, способные оценить степень реализуемости архитектурных решений. И, конечно же, учитывалось соблюдение заданных параметров застройки.

В условиях конкурса на жилую застройку в зоне технопарка были указаны конкретные требования по плотности. Однако многие конкурсанты эти требования проигнорировали. Тем не менее нарушителей не исключили, более того, некоторые из них прошли во второй тур. Как так вышло?

Этот вопрос породил много споров. Надо понимать, что плотность застройки не была

важнейшим критерием. Во главу угла ставилось качество архитектуры, концептуальность проекта. Конкурс был проведен в два этапа. И первый носил чисто концептуальный характер. Мы хотели получить абсолютно свободные высказывания. Учитывали ли они при этом заданную плотность или нет, на данном этапе было не важно. Жюри выбирало лучшие идеи. Но во втором туре мы уже исходили из соответствия проектов всем критериям. Конечно, когда проигрываешь конкурс, ты возмущен и протестуешь, но надо понимать, что прямое следование показателям плотности застройки не было обязательным условием первого тура.

Какой смысл вы вкладываете в понятие «инновационная архитектура»? Насколько, по-вашему, проекты российских архитекторов, представленные на конкурс, соответствуют критерию инновационности?

Как я уже неоднократно говорил, инновация в строительстве – это многоаспектная тема. Есть инновации, которые связаны с технологиями. Сегодня в рамках нашего конкурса мы находимся на стадии концепций и эскизов, поэтому сложно сказать, насколько представленные проекты сильны именно в этом плане. Можно только предположить, что будут использованы новейшие материалы... То, что действительно соответствует критерию «инновационности» – это создание условий для определенного образа жизни. Электромобили, повсюду природа... Такие поселения во Франции мы называем «экологическими».

В финал прошло три иностранных бюро, при этом конкурс позиционировался как национальный. Как вы объясните данное противоречие?

Это не совсем так. Конкурс позиционировался как открытый. В нем могли принять участие все, в том числе и иностранцы. Да, россиянам отдавался определенный приоритет: вся документация была на русском языке, информация о конкурсе размещалась на местных сайтах. И то, что ее обнаружило несколько иностранных бюро, лишь доказывает, что конкурс действительно был интересным. Но никаких ограничений по национальному признаку изначально мы не задавали.

Жан Пистр вместе с главным архитектором проекта зоны технопарка Валери Поли. Творческий дуэт уже давно работает в России – первой его постройкой в нашей стране стал отель Nayatt Regency в Екатеринбурге, проектирование которого стартовало в 2005 году

Елена Петухова/Elena Petukhova

No, there's no connection. It is common for architects to employ such shapes. It's quite funny, in fact: each district at Skolkovo has its own circles. Both de Meuron and Grigoryan have used circles. A device that emerged quite spontaneously is now perceived as something that is characteristic of Skolkovo.

What functions will fill the half-kilometre-long passageway that passes through the Technopark complex? Part of the passage comes almost right up to the line of the boulevard and is not separated from the boulevard in any way. Two major pedestrian zones side by side: isn't that going too far?

They have different purposes. The covered galleries allow you to walk from the visitors' area to the Technopark and the university without paying any attention to the time of year or whether it's raining or snowing. They contain retail and exhibition spaces and restaurants. The boulevard has a different function: it is a route for public transport and for vehicles from all parts of Skolkovo. Of course, we can walk along it too, but that isn't the boulevard's main purpose.

What lies behind the choice of winners in the competition to design the residential street blocks – the islands that we were talking about – in the Technopark area?

We took into account the usual criteria: aesthetic and architectural quality and the technical feasibility of each design. The jury consisted of specialists with a great deal of experience in construction, people who are capable of evaluating the extent to which an architectural design is realizable. And, of course, we also took into consideration compliance with the parameters that had been specified for these residential areas.

For the competition to design the residential development in the Technopark zone there were specific requirements regarding density. However, many participants in the competition ignored these requirements. Nevertheless, these offenders were not excluded; some of them, in fact, were admitted to the second round. How come?

This question has generated much debate. You have to understand that density of development was not the most important criterion. The focus was on quality of architecture and the concept. The competition was held in two stages. The first was purely conceptual. We wanted people to submit ideas that were absolutely unconstrained. Whether they took into account the density that we had specified or not was at that stage not important. The jury selected the best ideas. But for the second round we based our decision on whether or not the project complied with all the criteria. Of course, when you lose a competition, you're annoyed and you protest, but you have to understand that compliance with the required density was not a mandatory condition in the first round.

There were three foreign firms of architects that made it into the final round, in spite of the fact that the competition was supposed to be for Russian architects. How do you explain this contradiction?

That's not quite true. The competition was an open competition: anyone, including foreign firms, could take part. Yes, Russian architects had the advantage: all the competition documents were in Russian and information on the competition was placed on Russian websites. And the fact that the competition was discovered by several foreign firms merely shows that it was indeed an interesting competition. But we did not set out to impose any kind of restrictions based on nationality.

Анатолий Белов

Архипелаг Валода-Пистра-Мостафави

Зона технопарка D2, проектируемая французским бюро Valode & Pistre совместно с деканом Гарвардской высшей школы дизайна Мохсеном Мостафави, – первый в очереди на реализацию кластер иннограда «Сколково». Что ж, это более чем логично. Комплекс технопарка – сердце «Сколково». Здесь будут сосредоточены производственно-исследовательские центры по пяти основным направлениям инновационного развития российской экономики, сформулированным Дмитрием Медведевым в середине 2009 года ❶. Не будет технопарк – не будет и «Сколково». Окончание строительных работ на территории зоны технопарка намечено на октябрь 2013 года.

Генеральный план территории D2 очень похож на картографическое изображение какого-нибудь архипелага. Самый большой остров здесь – это технопарк. С юга и с востока его обступают острова поменьше (всего их тринадцать) – это жилье и объекты социальной инфраструктуры: спортивный центр, культурно-развлекательные учреждения, предприятия бытовых услуг и так называемый «семейный кампус», объединяющий детский сад, начальную школу и медицинский центр. По-своему очень романтичный проект. Кто в детстве зачитывался приключенческими романами и любил рассматривать старые мореплавательные карты, с этим, пожалуй, согласится. Итак, расскажем о сколковских островах подробнее... и не откажем себе в удовольствии дать им

имя – архипелаг Валода-Пистра-Мостафави («зона D2» звучит как-то слишком протокольно).

Технопарк располагается в северо-западной оконечности D2 и занимает четверть территории зоны ❷. Это четырехэтажная мега-структура, состоящая из восьми протяженных корпусов – не будь они так щедро остеклены, их легко можно было бы принять за пакгаузы. Корпуса связывает паутина надземных переходов. Планировка комплекса очертаниями напоминает ключ от сундука или ларца. Головка «ключа» вмещает уже упоминавшиеся производственно-исследовательские центры (143,4 тыс. кв. м), офисы компаний-постстартапов (22,9 тыс. кв. м), а также предприятия торговли и сферы услуг (34,3 тыс. кв. м), в бородке «ключа» – офисы компаний-мэйджоров (57,8 тыс. кв. м), а 700-метровый пассаж, прорезающий технопарк с севера на юг по центральной оси, – стержень, который все это соединяет. Круглые в периметре жилые кварталы, облепляющие технопарк (всего их десять), подразделяются на три группы – по типам застройки: есть с многоквартирными домами (в количестве пяти), с таунхаусами (в количестве четырех) и с индивидуальными домами (один квартал). Транспортную связь между технопарком и жилыми островками обеспечивают городской бульвар и обвивающая этот бульвар двухполосная магистраль районного значения, названная авторами «Сerpентайн». Вокруг каждого из островов – лес, который, если развивать метафору с архипелагом, как бы море. Описанное планировочное решение многих озадачило – его сочли излишне формалистичным. Однако если отвлечься от чертежей и задействовать воображение, проект предстает в совершенно ином свете. Вот человек идет

Anatoly Belov

The Valode-Pistre-Mostafavi archipelago

Вид технопарка со стороны Гостевой зоны Z1 бюро SANAA и OMA

The D2 Technopark zone, which is being designed by Valode & Pistre in collaboration with Mohsen Mostafavi, the Dean of Harvard University Graduate School of Design, will be the first cluster at Skolkovo to be built. There is, of course, a good deal of logic to this. The Technopark complex is the heart of Skolkovo. The complex will contain research and manufacturing centres in the five main areas identified by Dmitry Medvedev in the middle of 2009 as fields of innovational development for the Russian economy. ❶ If there is no Technopark, then there is no Skolkovo. Construction work at the Technopark is due to finish in October 2013.

The master plan for Zone D2 is very similar to the map of an archipelago. The largest island here is the Technopark. On its southern and eastern sides it is fringed by smaller islands (13 in all), which contain housing and social infrastructure (including a sports centre, cultural and entertainments facilities, everyday consumer services, and a so-called 'social campus' which will bring together a kindergarten, primary school, and medical centre). This could be called a romantic project – as anyone who read adventure novels and liked looking at old seafaring maps as a child will agree. So let's look more closely at these 'Skolkovo islands'... We could call them the Valode-Pistre-Mostafavi archipelago ('Zone D2' sounds somehow too formal).

The Technopark is situated in the north-western tip of D2 and occupies a quarter of this zone. ❷ It is a four-storey mega-structure consisting of eight elongated blocks which, were they not so abundantly glazed, could easily be mistaken for warehouses. The blocks are linked by a web of above-ground passageways. The contours of the floor plan for the complex resemble a key to a trunk or casket. The head of the 'key' accommodates the research and manufacturing centres (143,400 m²), offices for post-start-ups (22,900 m²), and retail and services companies (34,300 m²), while the 'tail' houses offices for majors (57,800 m²) and the 700-metre passageway which dissects the Technopark from north to south along the central axis is the backbone linking all the different parts. The circular residential blocks crowding round the Technopark fall into three groups. They constitute three different types of development: containing apartment houses (there are five such street blocks), townhouses (there are four such street blocks), and one-family dwellings (there is one such street block). The transport links between the Technopark and the residential islands consist of the town's main boulevard and the two-lane local highway which entwines this boulevard and which the authors of the plan call 'the Serpentine'. Around each of the islands is woodland – which, to extend our archipelago metaphor, we could call the sea.

The site plan described above proved controversial, with many people thinking it excessively formalist. However, if we look away for a moment from the drawings and use our imagination, the project is revealed in an entirely different light. Suppose someone is walking along a path with trees on either side and in front and behind; between the trees there are glimpses of something, but for the moment our pedestrian cannot quite see what – and suddenly he or she finds themselves on this island, surrounded by glass, concrete, and metal. The trees are like the wings of a theatre. Concealed behind the trees is attractive architecture. It is another matter that the trees must grow.

1 Энергоэффективность и энергосбережение, ядерные технологии, космос, медицина и стратегические информационные технологии / Energy efficiency and energy saving, nuclear technology, space technology, medicine, and strategic information technologies.

2 14,6 га из 58,5 га. Общая площадь технопарка составляет при этом 281,4 тыс. кв. м / 14,6 hectares out of 58.5 hectares. The total area of the Technopark is 281,400 m².

Жан Пистр

Проект «Сколково» существует за рамками принятых стандартов. Во многом именно это и делает его инновационным

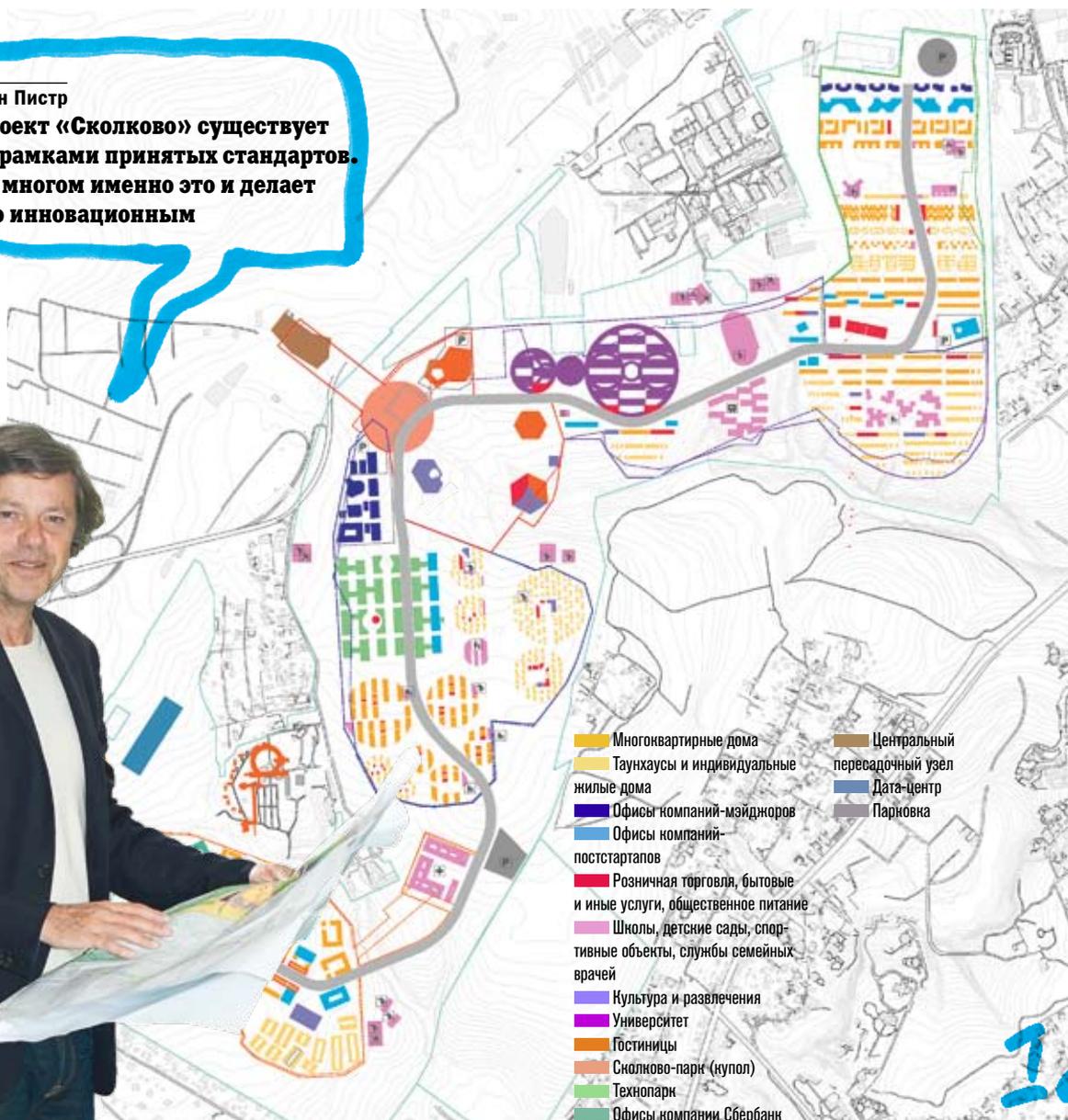
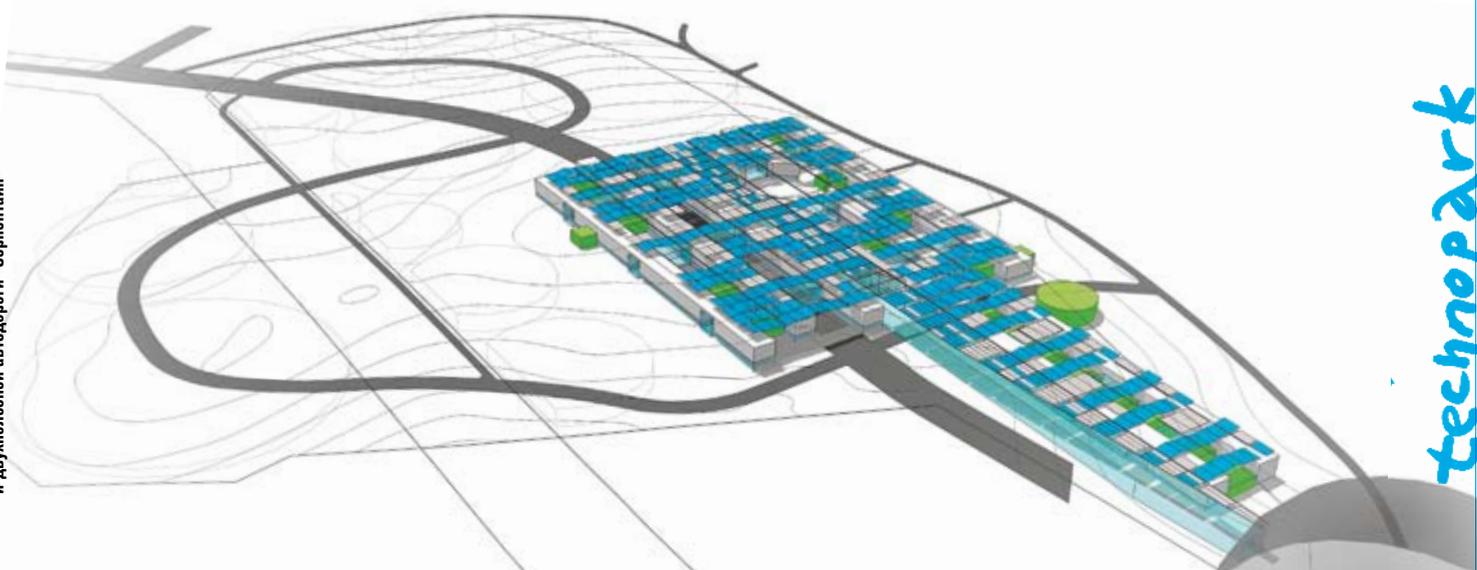
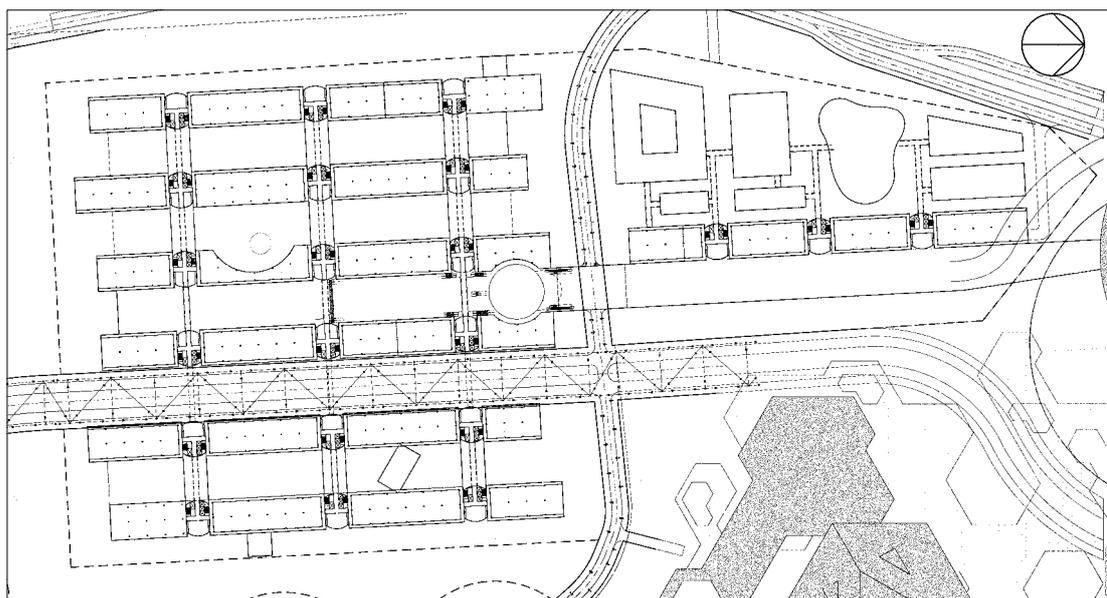

Схема функционального зонирования территории ИЦ «Сколково»

technopark

technopark

Планировка типового этажа технопарка. Выстроенные в ряд 350-метровые корпуса связывает множество надземных переходов

³ Среди них: «Рождественка», ПТАМ Михаила Хазанова, «Витрувий и сыновья», архитектурное бюро Тимура Башнаева, «Поле-Дизайн», ПТАМ Юрия Виссарионова, архитектурное бюро Михаила Мамошина / Among them: Rozhdestvenka Studio, Mikhail Khazanov Studio, Vitruvius & Sons, Timur Bashkaev Studio, Pole-Design, Yuri Vissarionov Studio, Mikhail Mamoshin Studio.

⁴ Позднее таунхаусы на этом участке заменили многоквартирными домами / Subsequently, the townhouses on this plot of land were replaced with apartment houses.

по тропке – по бокам деревья, впереди и позади тоже, между деревьями что-то такое проглядывает, но пока не до конца ясно что – и вдруг он оказывается на таком вот острове, в окружении стекла, бетона и металла. Деревья как кулисы, за которыми прячется архитектура – здорово. Другое дело, что деревья еще вырасти должны. На сегодняшний день территория «Сколково» представляет собой голое поле...

Комплекс технопарка спроектировали кураторы зоны D2 – Valode & Pistre и Мохсен Мостафави. Что до жилой застройки, то ее решено было отдать на открытый конкурс. Победителей огласили 12 марта. Ими стали Архитектурная группа ДНК (руководители Даниил Лоренц, Наталья Сидорова, Константин Ходнев), авторский коллектив под руководством Дмитрия Буша, Архитектурно-художественные мастерские архитекторов Величина и Голованова, «А-Б Студия» (рук. Михаил Лабазов, Андрей Савин, Андрей Чельцов), БРТ РУС (рук. Юрий Журавлев), Agence d'Architecture Anthony Vechu (Франция, рук. Антони-Эммануэль Бешю), UNK project (рук. Юлий Борисов, Николай Миловидов, Юлия Тряскина), архитектурная мастерская «Атриум» (рук. Антон Надточий, Вера Бутко), Алексей Яблоков и Евгений Кицелев, а также «Портнер» (рук. Дарко Стиепич).

Конкурс проходил в два тура. Несмотря на некоторый скепсис, с которым наши архитекторы встретили проект зоны технопарка, как, впрочем, и проект «Сколково» в целом, от России на конкурс поступило 450 заявок, причем многие из них от известных и востребованных бюро ³. В итоге конкурс собрал 337 проектов. Из них в финал прошло всего тридцать. Проанализируем результаты.

Если в первом туре под проектирование дали всего три островка – круги под номерами 1 (многоквартирные дома), 6 (таунхаусы ⁴) и 11 (коттеджи), то финалистам достались уже все десять участков.

Участникам первого тура было дано право представить на конкурс предложения по всем трем типологиям. И многие архитекторы этим правом воспользовались. Однако от одного участника в финал мог пройти только один проект. В итоге жюри, которое возглавил сопредседатель Градостроительного совета Фонда «Сколково» и куратор зоны D2 Жан Пистр, отобрало для участия во втором туре

At the present time Skolkovo is nothing more than bare countryside...

The Technopark complex has been designed by Valode & Pistre and Mohsen Mostafavi, the curators of Zone D2. As for the residential buildings, it was decided to make these the subject of an open competition, the winners of which were announced on March 12th. The winners are: Dmitry Bush; Alexei Yablokov and Yevgeny Kitselev; Dmitry Velichkin and Nikolay Golovanov; Agence d'Architecture Anthony Bechu, A-B Studio, UNK project, BRT RUS, Portner, Atrium, DNK^{AG}.

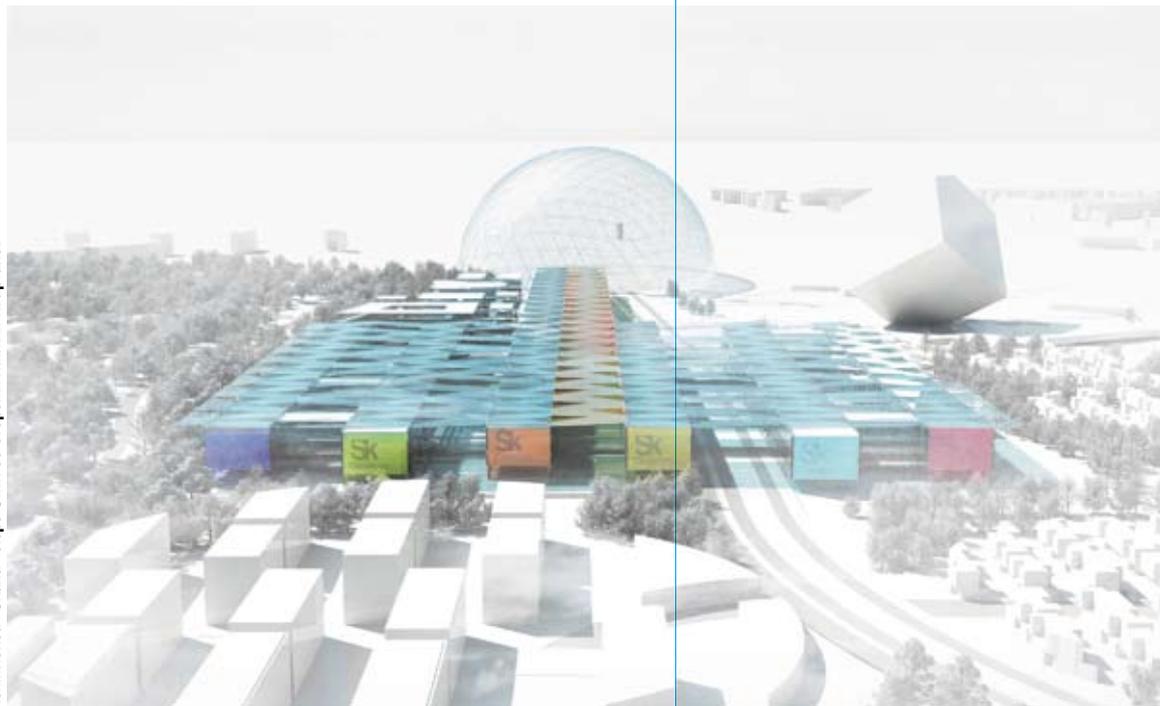
The competition consisted of two rounds. Notwithstanding the scepticism with which Russian architects greeted the proposals for the Technopark zone – as, in fact, the proposals for Skolkovo in general – there were more than 450 declarations submitted by local firms, including many firms with well-established reputations. ³ In the end 337 projects were submitted. Thirty were shortlisted. Let's look at the results.

Whereas participants in the first round were asked to plan only three of the islands – circles 1 (apartment houses), 6 (townhouses), ⁴ and 11 (single-family dwellings), the finalists had all 10 plots of land at their disposal.

Participants in the first round were entitled to submit proposals for all three types of neighbourhood. And many architects took full advantage of this freedom. However, each finalist was allowed to submit only a single project. As a result the jury – which was headed by Jean Pistre, co-chairman of the Town-Planning Council of the Skolkovo Foundation and curator of Zone D2 – selected for the second round 17 designs for apartment blocks (out of 163), 9 designs for townhouses (out of 116), and 4 designs for single-family dwellings (out of 58). The finalists were divided into 10 groups of 2-4 teams. Who was fighting against whom in each 'arena' can be seen on the diagram showing distribution of plots of land reproduced on the following page.

The principal problem with which participants in the competition were confronted was requirements concerning density of development on plots of land with apartment blocks and townhouses. These requirements are excessive. Judge for yourselves. In the first round the situation was as follows: the density of plots of land with 7-storey apartment houses was supposed to be at least 25,000 square metres per hectare, while the density of plots with three-storey townhouses was to be at least 13,800 square metres per hectare. Compare this with the maximum densities for countryside outside Moscow. Under Resolution N 547/29 of the Government of Moscow Region of July 14th, 2010 'On normative requirements in urban planning for Moscow Region' the maximum density of development in a settlement with a population of between 15,000 and 50,000 ⁵ is for seven-storey apartment houses 13,500 square metres per hectare and for 3-storey townhouses 11,000 square

Вид технопарка, купола бюро SANAА и многофункционального комплекса «Скала» бюро OMA со стороны жилых кварталов

Визуализация пассажа, связывающего технопарк с куполом бюро SANAA

17 проектов многоквартирных домов (из 163), 9 проектов таунхаусов (из 116) и 4 проекта коттеджей (из 58). Финалистов поделили на десять групп – по 2–4 команды на участок. Кто с кем на какой «арене» сражался, видно на схеме распределения участков, представленной в нижнем правом углу страницы.

Главной проблемой, с которой столкнулись участники конкурса, стали требования касательно плотности застройки на участках с многоквартирными домами и таунхаусами. Они и впрямь запредельные. Судите сами. В первом туре ситуация обстояла следующим образом: плотность участка с многоквартирными 7-этажными домами должна была быть не ниже 25 тыс. кв. м на 1 га, плотность участка с 3-этажными таунхаусами – не ниже 13,8 тыс. кв. м на 1 га. Рассмотрим для сравнения подмосковные нормативы. Согласно постановлению областного Правительства от 14 июля 2010 г. № 547/29 «О нормативах градостроительного проектирования Московской области», предельная плотность застройки в населенном пункте с населением от 15 до 50 тыс жителей ⁵ составляет: для многоквартирного жилья высотой 7 этажей – 13,5 тыс. кв. м на 1 га, для таунхаусов высотой 3 этажа – 11 тыс. кв. м на 1 га. Во втором туре требования к плотности блокированной застройки существенно снизили, а вот с многоквартирными домами легче

не стало: составители конкурсной программы в лице Valode & Pistre сократили объемы жилых площадей, но в то же время урезали допустимое количество этажей до пяти. Наши нормативы – это, конечно, не образец рациональности, но здесь такой отрыв, что игнорировать его трудно. С другой стороны, возможно, именно благодаря завышенной плотности проекты финалистов получились такими интересными. Ведь недаром, надо полагать, говорят: чем жестче рамки, тем острее решение.

Правда, у отдельных финалистов остроты явно через край. К примеру, Дмитрий Буш сделал такое жилье, что жюри, которому проект Буша очень понравился по своей архитектуре, присудило ему победу, но с оговоркой, что такого жилья быть не может и потому здесь будут офисы.

Итак, битва за острова завершилась. Проекты ее участников будут выставлены на Московской архитектурной биеннале в ЦДХ этой весной. Следующий в очереди сколковский конкурс – на жилую застройку в зоне D3. Продолжение следует...

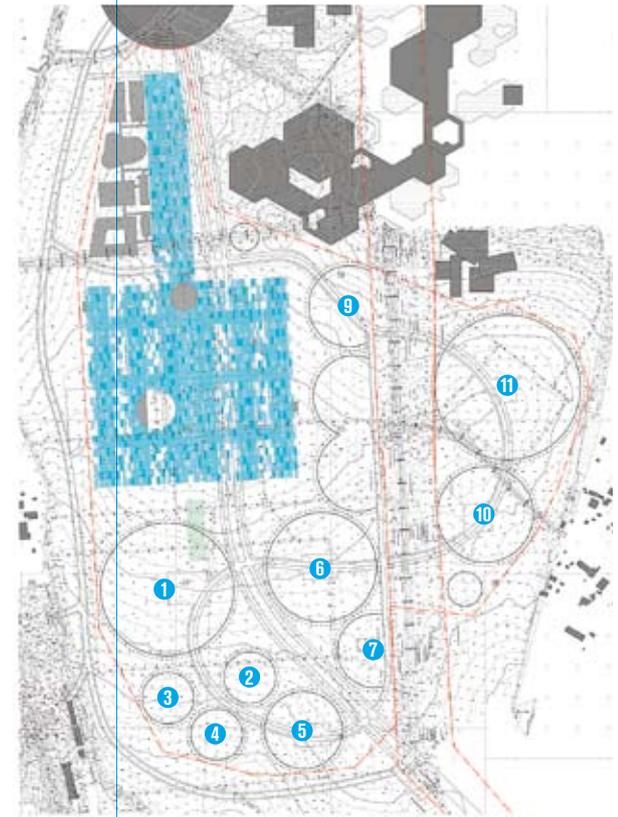

Схема распределения участков между финалистами

- Круг № 1 Никита Богачкин, Георгий Снежин, Архитектурная группа ДНК, Проектная группа А2
- Круг № 2 «Портнер», Игорь Каширин
- Круг № 3 Архитектурная мастерская «Атриум», «Архи-До»
- Круг № 4 Алексей Яблоков, Алексей Невзоров, ПТАМ архитектора Михаила Хазанова
- Круг № 5 Дмитрий Буш, «Паритет Поволжья», TOTEMENT/PAPER
- Круг № 6 Евгений Жабров, Павел Никишин, Архитек-

- турно-художественные мастерские Величкина и Голованова, Saltans Architects International Ltd. (США) + Jaeger and Partner Architects Ltd. (Германия)
- Круг № 7 Борис Крутик, Алексей Сорокин, «А-Б Студия»
- Круг № 9 Михаил Белов, Валентин Олейник, БРТ РУС
- Круг № 10 Виталий Ананченко, «Гинзбург Архитектс»
- Круг № 11 Антони-Эммануэль Бешю (Франция), UNK project, Артем Стаборовский, АБ Сергея Скуратова

⁵ Расчетная численность населения «Сколково» – 20,6 тыс. человек / Skolkovo has a planned population of 20,600.

Фрагмент главного фасада технопарка с уходящими вглубь комплекса пассажирами

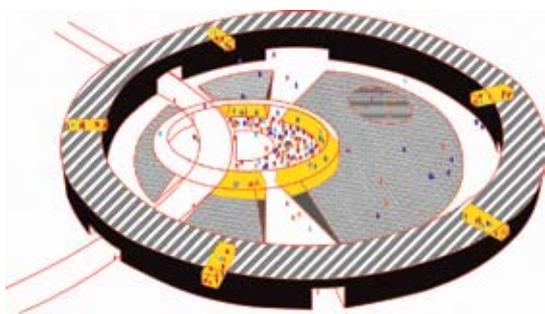

квартал № ДНК^{ar}

1

Даниил Лоренц, Наталья Сидорова и Константин Ходнев оставили центральную часть острова свободной, сконцентрировав застройку по периметру. Все установленные заданием жилые площади собраны в кольцевой пятиэтажный объем. Наружный фасад отделан прозрачными и непрозрачными панелями с зеркальным стеклом, визуально умножающими окружающий лесной массив. В нескольких местах кольцо разрывают широкие прямоугольные арки, обеспечивающие доступ пешеходов и транспортных средств во внутренний двор. Посреди двора располагается центральная площадь квартала – круглое заглубление в невысоком озелененном холме, названное авторами проекта «кратером». Периметр площади формирует социальная и обслуживающая инфраструктура, спрятанная в упомянутом холме – мини-маркет, кафе, фитнес-зал и т.п.

Пространства социальной активности – общие террасы и центральная площадь

Генеральный план участка. С вершины искусственного холма к центральной площади спускается пандус для пешеходов и велосипедистов

block № 1 DNK^{AG}

Daniil Lorenz, Natalya Sidorova, and Konstantin Khodnev have left the central part of the 'island' clear and concentrated the buildings around the perimeter. All the residential space specified by the competition brief has been collected in a five-storey ring structure. The external façade is clad in transparent and non-transparent panels of reflective glass, which has the effect of seeming to multiply the surrounding forest. In several places the ring is interrupted by wide rectangular arches which admit pedestrians and vehicles into the interior courtyard. In the middle of the courtyard is the neighbourhood's central space – a circular depression in a shallow hill planted with vegetation. The architects call this depression 'the crater'. The perimeter of this space consists of social and service infrastructure – a mini-market, café, fitness centre, and so on – concealed in the hill.

Фасад жилого комплекса. Зеркальное остекление зрительно умножает количество растущих вокруг деревьев

в результате чего образуются дворы квадратной формы (26 x 26 м), раскрывающиеся в сторону парка. Жилые помещения обращены в эти каре, а галереи, которые связывают квартиры с лестнично-лифтовыми блоками, – в ромбовидные дворы-колодцы. В цоколе расположенных по периметру острова блоков размещаются медиатека, фитнес-центр, детский центр, танцевальная студия. Максимальная длина модуля составляет 60 м. Нижним концом каждый модуль опирается на фундаменты, верхним – на конструкции соседнего модуля в точке их пересечения.

block № 5 Dmitry Bush

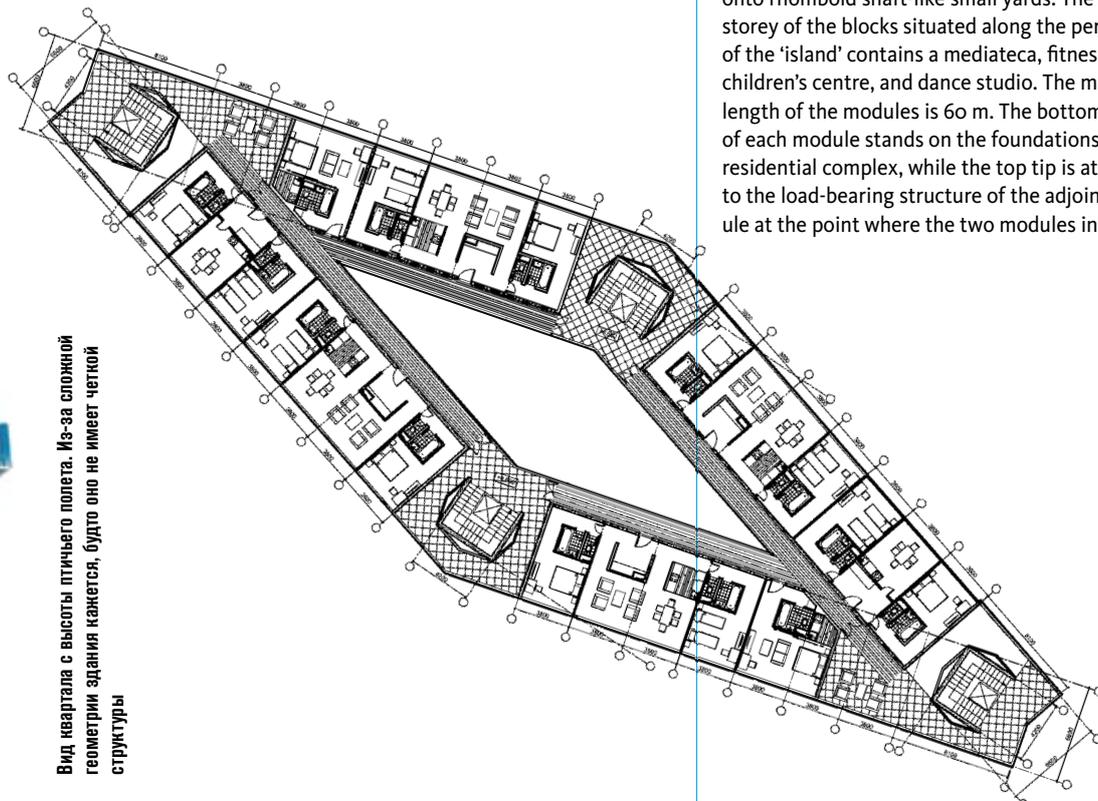
The street block designed by Dmitry Bush is a sophisticated geometrical combination consisting of 32 residential modules in the form of tetrahedral prismatoids whose upper and lower edges are slanted at angles of 15 and 15 degrees respectively in relation to the horizontal. Four modules together form a rhomboid block – which links with other such blocks to form square courtyards (26 x 26 m) whose open sides face the park. The residential spaces overlook these interior courtyards, while the galleries linking the apartments with the blocks containing staircases and lifts face onto rhomboid shaft-like small yards. The socle storey of the blocks situated along the perimeter of the 'island' contains a mediateca, fitness centre, children's centre, and dance studio. The maximum length of the modules is 60 m. The bottom tip of each module stands on the foundations of the residential complex, while the top tip is attached to the load-bearing structure of the adjoining module at the point where the two modules intersect.

квартал № Дмитрий Буш

5

Квартал Дмитрия Буша – это хитроумная геометрическая комбинация из 32 жилых модулей в форме четырехгранных призматойдов, чьи верхние и нижние грани наклонены к горизонту под углами 9 и 15 градусов соответственно. Четыре модуля объединяются в ромбовидный блок, который, в свою очередь, стыкуется с другими такими же блоками,

Вид квартала с высоты птичьего полета. Из-за сложной геометрии здания кажется, будто оно не имеет четкой структуры

Ромбовидный жилой блок, собранный из четырех призматойдных модулей

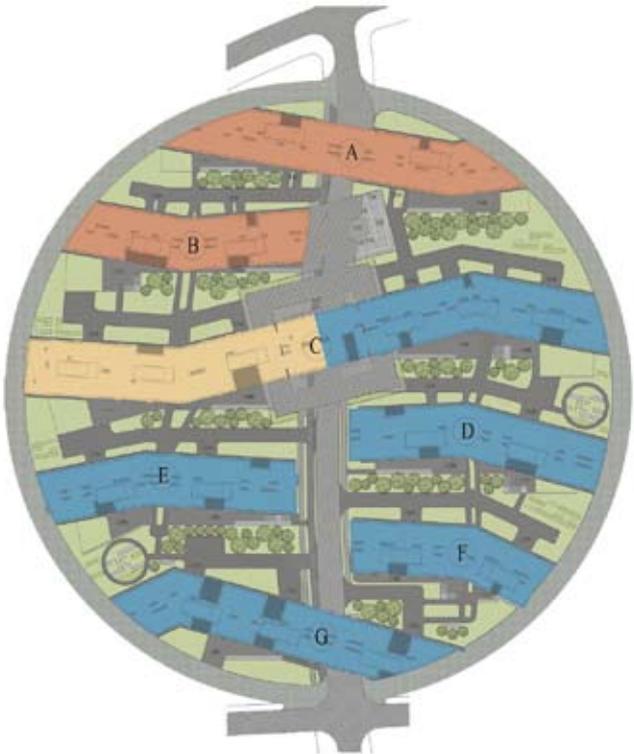
6.

квартал №
АХМ Величкина и Голованова

Категории жилья

SA (3-комнатные квартиры для размещения разных домохозяйств в одной квартире)
L (квартиры для преподавателей, сотрудников технопарка и ключевых партнеров)

M (квартиры для студентов, преподавателей университета и сотрудников технопарка)

Жилые корпуса выстроены перпендикулярно проходящей с запада на восток автодороге. Между корпусами проходят маленькие бульвары, связывающие квартал с парковой зоной иннограда. В местах пересечения корпусов с автодорогой в зданиях устроены прямоугольные арочные проемы высотой от двух до трех этажей. Под аркой центрального корпуса размещается квартальная площадь. В случае проведения массовых мероприятий основной проезд перекрывается, а движение транспорта осуществляется по резервной дороге вокруг квартала. Жилье подразделяется на три категории – L, M и SA (см. схему зонирования).

technopark

block № 6
Velichkin and Golovanov

In order to satisfy the insolation requirements, the seven five-storey residential blocks stand perpendicular to the road running east-west. Between the blocks are small boulevards linking the neighbourhood with Skolkovo's park spaces. Where the blocks intersect with the road, the buildings have rectangular arches whose height varies from two to three storeys. Under the arch of the central block there is a district square. The main thoroughfare can be closed off for mass events and traffic can be redirected to the reserve road which passes around the street block. There are three categories of housing: L, M, and SA (housing for students).

Вид арки центрального корпуса (корпус С) с расположенной под ней площадью

7.

квартал №
А-Б студия

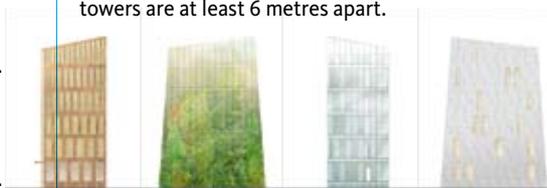
Фрагмент генерального плана. Застройка состоит из двух с лишним десятков жилых корпусов башенного типа, расположенных в шахматном порядке. На каждом этаже – от одной до двух квартир

Квартал насчитывает 21 здание башенного типа (одна-две квартиры на этаже, габариты в среднем 9 x 14 м). Объемы сужаются кверху и завершаются озелененными площадками. Отличительной особенностью архитектурного решения является то, что фасады каждой из башен решены по-разному – в зависимости от того, к какой стороне света они обращены. Северные фасады с минимальным количеством окон отделаны природным камнем, западные облицованы тройным низкоэмиссионным стеклом, южные имеют ту же стеклянную «кожу», но вдобавок к этому еще озеленены, а восточные частично обшиты деревом. Дома расположены в шахматном порядке, благодаря чему из каждой квартиры открывается вид на окрестности. Минимальное расстояние между башнями – 6 м.

block № 7
A-B Studio

This street block comprises 21 tower-type blocks (structures with one to two apartments on each floor; average dimensions: 9 x 14 metres). The blocks narrow towards the top and culminate in open spaces planted with greenery. Key to the architectural approach here is that the facades of each of the towers differ depending on which direction the facade faces. The northern facades have minimal numbers of windows and are finished in natural stone; the western facades are clad in triple-glazed low-emission window units; the south-facing facades have the same glass 'skin', but are also dressed in vegetation; and the eastern facades are partly clad in wood. The houses are placed in chequer pattern, which gives each apartment a view of the surrounding landscape. The towers are at least 6 metres apart.

Фасады каждого корпуса облицованы разными материалами

Вид квартала с высоты птичьего полета

квартал № БРТ РУС

9.

Ночной вид квартала с высоты птичьего полета. Центральная площадь раскрывается прямо на купол бюро SANAA

Квартал № 9 расположен при въезде в зону D2 со стороны гостевой зоны Z1, между комплексом технопарка и многофункциональным комплексом «Скала» бюро ОМА. Можно сказать, что по своему местоположению это стратегически важный участок. Из трех проектов (конкурсантами российского филиала крупного гамбургского бюро были Михаил Белов и Валентин Олейник) жюри выбрало самый нейтральный по архитектуре. Прямоугольные жилые корпуса собраны в некое подобие шахматной композиции, которую разбивает двухполосная автодорога районного значения, идущая в юго-восточном направлении. Количество квартир на одном этаже варьируется от двух до четырех. В облицовке фасадов чередуются стекло и бетонные панели, армированные стекловолокном. Кровли озеленены и оборудованы солнечными батареями.

Фрагмент генерального плана квартала. Планировки первых этажей жилых корпусов

block № 9 BRT RUS

Street block No. 9 is situated at the entrance to Zone D9 on the side nearest to the visitors' zone (Z1), between the Technopark complex and OMA's Rock mixed-use complex. Its location makes this plot of land strategically important. Of the three projects for this plot (the Russian branch office of a large German architectural firm was competing against Mikhail Belov and Valentin Oleynik), the jury chose the most neutral in terms of layout and appearance. The rectilinear residential blocks have been put together into a kind of checkerboard pattern, which is split by a local two-lane road lying south-east. The number of apartments on each floor varies from two to four. The façades are clad in a pattern of alternating glass and concrete panels reinforced with glass fibre. The roofs are planted with vegetation and fitted with solar panels.

Вид центральной площади с угловым одноэтажным зданием фитнес-зала

квартал № Портнер

2

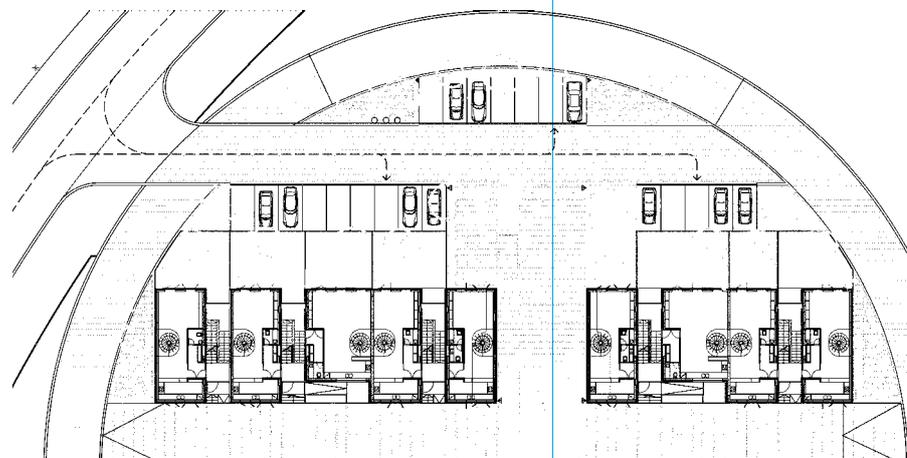
Визуализация одной из блок-секций. Фасады жилых зданий обшиты деревянной рейкой. Двухэтажные квартиры разделяют открытые лестницы

Команда сербских архитекторов под руководством Дарко Стиепича не мудрствуя лукаво выстроила здания таунхаусов в цепочки. Ряды домов ориентированы по направлению север-юг – таким образом, окна квартир обращены на запад и на восток. Заезд на территорию осуществляется с западной стороны. Парковка расположена вдоль внутриквартальной дороги, предназначенной для движения транспортных средств. Объемно-пространственное решение блок-секций отсылает к архитектуре современного финского социального жилья: дома прямоугольные, их разделяют открытые лестницы (правда, скорее всего, их все-таки будут стеклить – жюри сочло, что для наших климатических условий вариант с открытыми лестницами не очень подходит), фасады обшиты деревянными рейками, в некоторых местах облицовка штукатурная, оконные ставни обшиты теми же рейками, так что в закрытом виде они полностью сливаются с наружными стенами.

block № 2 Partner

The team of Serbian architects led by Darko Stijepic decided not to do anything too clever, but simply to string the townhouses together into a line. The rows of houses are arranged in a north/south direction, which means that the windows of the apartments face west and east. Vehicle access to the neighbourhood is from the west. Parking is along an interior road intended for vehicle use. The layouts of the sectional blocks are reminiscent of modern Finnish social housing: the houses themselves are rectangular and are separated from one another by open staircases (admittedly, the staircases will probably be glazed over; the jury took the view that open staircases are not ideal for the Russian climate); the façades are clad in strips of wood (in places the facing is of plaster); and the shutters on the windows are finished with the same strips, so that, when shut, they merge with the exterior walls entirely.

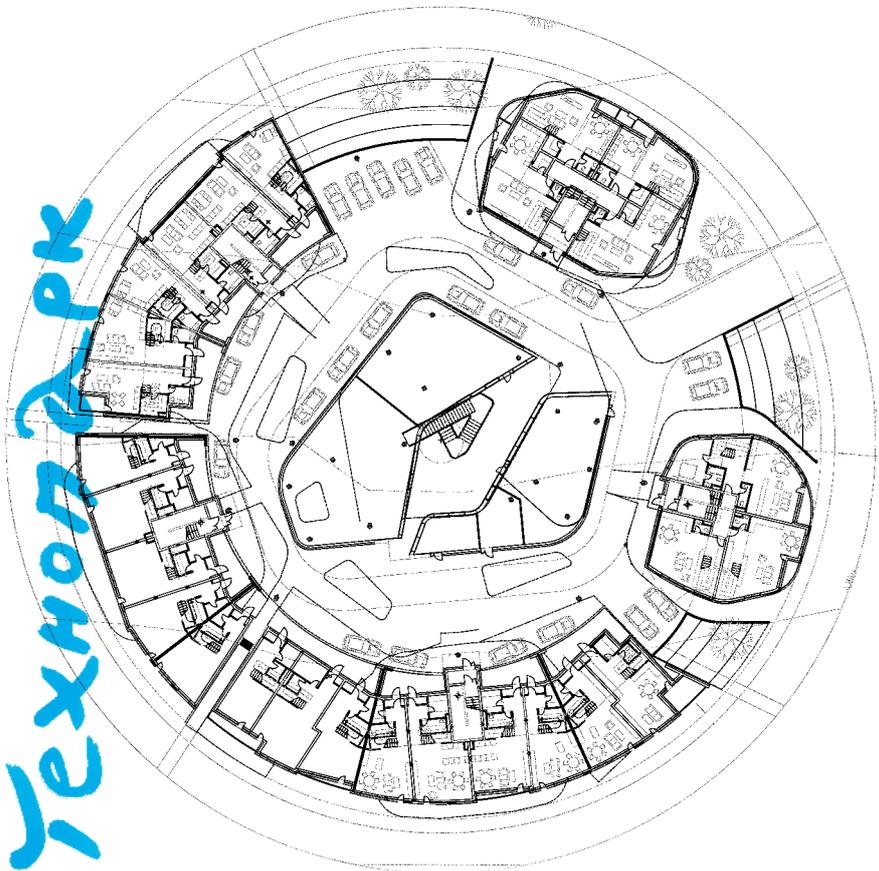
Фрагмент генерального плана квартала. Планировки первых этажей жилых блок-секций

квартал №
Атриум

3

Генеральный план квартала. Жилые площади распределены по пяти корпусам, расположенным у границ участка. Западные корпуса покоятся на полукруглом стилобате и частично нависают над землей

Проект Антона Надточего и Веры Бутко напоминает одновременно проекты ДНК^{AG} и UNK project. Жилые площади распределены по пяти корпусам, расположенным у границ участка. Западные корпуса покоятся на полукруглом стилобате, вмещающем разноразмерные жилые ячейки, и частично нависают над землей. В центре территории – общественная зона в виде озелененного искусственного рельефа, внутри которого находятся минимаркет, кафе и проч. Основная идея проекта – разделение транспортных и обслуживающих потоков с рекреационными зонами. Подъездная дорога заходит на участок со стороны бульвара и заворачивается в кольцо, скрытое упомянутым рельефом. Там же – под озелененной шапкой – располагаются автомобильные парковки.

block № 3
Atrium

The proposals by Anton Nadtochy and Vera Butko resemble the projects by both DNK^{AG} and UNK project. The residential spaces are distributed over five blocks placed on the edges of the site. The western blocks rest on a semi-circular plinth which accommodates residential units of various sizes and partly overhangs the ground. In the centre of the neighbourhood is a public space in the form of a manmade mound planted with greenery; the mound contains a minimarket, cafes, and so on. The main idea of this project is to separate the flows of traffic and service vehicles from the recreational areas. The driveway enters the site from the direction of the boulevard and turns into a ring, which is hidden behind the manmade hill. Under this same greenery-covered mound is a car park.

technopark

Общий вид квартала. Подъездная дорога заходит на участок со стороны бульвара и заворачивается в кольцо, скрытое искусственным рельефом

квартал №
Алексей Яблоков и Евгений Кицелев

4

Молодые архитекторы из Санкт-Петербурга поделили участок на две основные зоны – жилую и общественную. Последняя, в свою очередь, состоит из двух элементов: небольшого рекреационного пространства (садик с фонтаном) и общественного центра, который

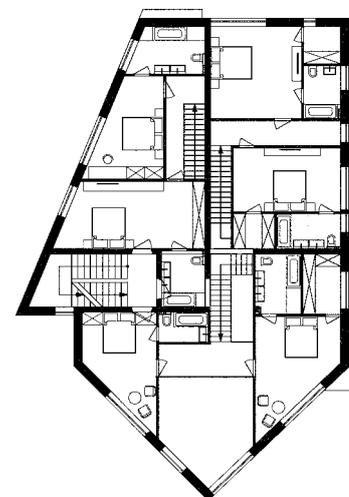
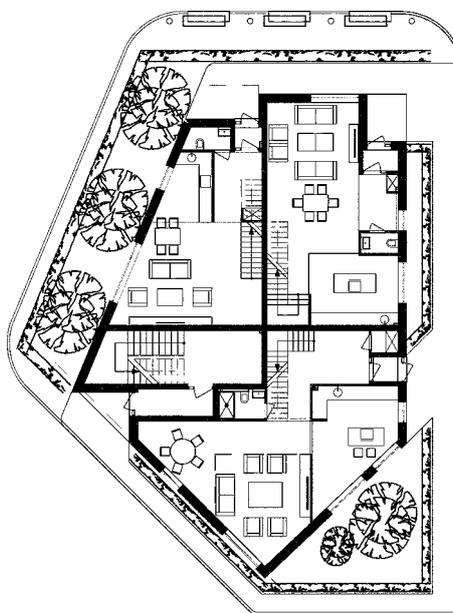
включает магазины, предприятия общепита и т. п. Все семь четырехэтажных жилых корпусов сосредоточены в юго-западной части территории. Это обусловлено тем, что с северной стороны проходит автодорога «Серпентайн» – почти по касательной к острову. Общественный центр решено было разместить при въезде на территорию квартала, чтобы создать визуальную преграду между жилым пространством и проезжей частью. Архитектурно-планировочное решение всех жилых корпусов одинаковое: это пятиугольные в плане модули, собранные из шести двухуровневых квартир.

block № 4
Alexei Yablokov and Yevgeny Kitselev

These young architects from St Petersburg divided the site into two principal zones (residential and public). The public zone in turn consists of two components – a small recreational space (a garden and fountain) and a public centre consisting of shops, public-catering services, and so on. All seven four-storey residential blocks are concentrated in the south-western part of the site – due to the fact that to the north the Serpentine road almost touches this 'island'. The neighbourhood's social infrastructure has been placed at its entrance in order to create a visual barrier between the residential space and the road. The architecture of all the residential blocks is identical. These are pentagonal modules consisting of six two-level apartments (with three apartments on each storey).

Ночной вид квартала с высоты птичьего полета. Крыши домов дружатские – такая конфигурация не случайна: преломление кровли обеспечивает дополнительную инсоляцию

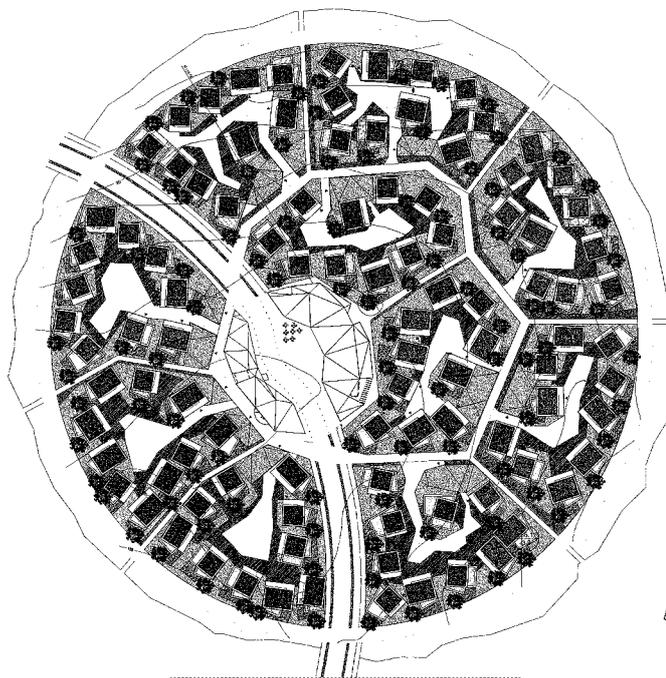
Планировки первых двух этажей стандартного жилого модуля. Квартиры на первом этаже имеют отдельные входы с улицы

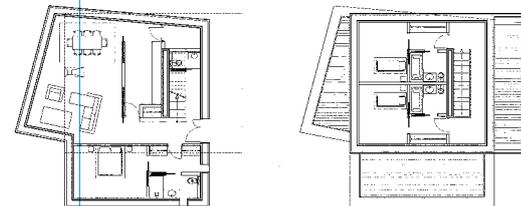
11

квартал № Антони-Эммануэль Бешу

Квартал поделен на десять участков. На каждом из них располагается по десять двухэтажных коттеджей с открытыми деревянными террасами и озелененными кровлями. В глубине квартала размещается округлая площадь с небольшим общественным центром, который включает автомобильную парковку, стоянку для велосипедов, мини-маркет, пост охраны и спа. Расстояние от упомянутой площади до коттеджей у самых границ квартала не превышает ста метров. Вокруг площади организована объездная дорога, обеспечивающая доступ транспортных средств ко всем десяти участкам.

Генеральный план квартала. Территория поделена на десять участков. На каждом из них располагается по десять двухэтажных коттеджей

Пример планировки жилого дома – первый и второй этажи

block № 11 Anthony Emmanuel Béchu

This street block is divided into ten individual plots. On each there are ten two-storey single-family dwellings with open wooden terraces and roofs planted with vegetation. The central part of the street block contains a circular public space with a small public centre containing a car park, bicycle stand, mini-market, security post, and spa centre. The maximum distance from the above public space to the houses at the edges of the street block is 100 metres. Fringing the public space is a ring road giving transport access to all ten plots of land.

Вид коттеджной застройки с высоты птичьего полета. Вторые этажи жилых домов сдвинуты относительно первых, благодаря чему образуются небольшие открытые террасы

11

квартал № UNK project

Вид квартала с высоты птичьего полета. Общественная и частная зоны разграничены по уровням – за счет искусственного перепада рельефа

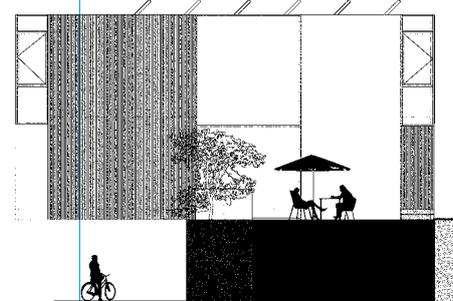
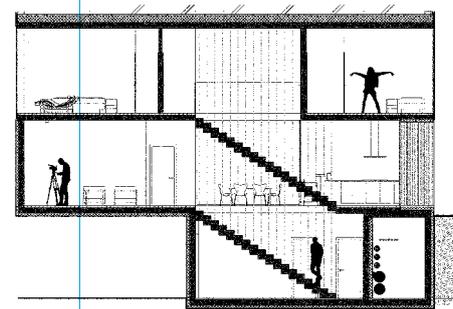
Общественная и частная зоны квартала разграничены по уровням – за счет искусственного перепада рельефа. Таким образом, структура поселка представляет собой череду линий из жилых домов и внутренних озелененных аллей. В нижнем уровне, врезанном в рельеф, расположены нежилые помещения, закольцованные проезды для автомобилей, велосипедные дорожки, аллеи, детские площадки. В верхнем уровне – жилье с частным придомовым пространством (террасы, садики и элементы благоустройства). Дома состоят из двух частей: стилобата (1-й этаж) и консольного объема (2–3-й этажи), нависающего над нижним уровнем. В центре квартала размещаются спа, мини-маркет, ресторан и т. п.

block № 11 UNK project

The public and private zones in this street block are on separate levels – due to a manmade drop in the lie of the land. This means that the structure of the housing estate is a succession of lines consisting of residential buildings and internal alleys planted with vegetation. On the lower level, which is partially embedded in the landscape, are non-residential spaces, circular thoroughfares for cars, bicycle paths, alleys, and children' playgrounds. The top level contains residential spaces with private areas (terraces and small gardens) attached to each dwelling. The houses consist of two parts: a plinth (1st storey) and a console (2nd and 3rd storeys) overhanging the lower level. The centre of the block contains service infrastructure, including a spa centre, mini-market, restaurant, and so on.

19

Перспектива одной из внутриквартальных аллей. Жилые дома стоят на своето рода подпорных стенках, частично нависая над тротуарами

Вверху: разрез по одному из жилых домов. Внизу: проекция бокового фасада этого дома, показывающая принцип разграничения частных придомовых пространств и общественной зоны

Наша задача – создать для отдыха людей все условия

Общественные пространства – то ключевое место, где происходит брожение умов. Сама идея «Сколково» базируется на надежде на это брожение. Если в инновационном городе все начнут разбредаться по своим офисам, никакой синергии не получится. Но если как следует перемешать людей разных специальностей, знаний и возрастов, обязательно возникнет атмосфера, в которой, мы надеемся, родится множество новых идей. Поэтому наша задача – сделать так, чтобы такой «плавильный котел» работал без перебоев.

Надо сказать, эта идея общественной жизни в прошлом веке уже достигла своего пика. Вспомним хотя бы конструктивистские дома-коммуны с их фабриками-кухнями. Там из частного, приватного у людей оставались лишь сами жилые комнаты. Я видел много таких домов в Екатеринбурге, где сохранилась невероятная палитра конструктивизма. Не меньше семи-восьми кварталов, застроенных самими разными зданиями. В них общественному пространству уделялось огромное значение. Потом время доказало, что толкотня на общей кухне не столь уж радужна. Дома-коммуны стали достоянием прошлого. Общественная и частная жизнь все меньше пересекались...

Сейчас мы пришли к выводу, что общественные пространства просто необходимы. Тут ведь есть еще один важный момент. За последние годы сильно изменился баланс рабочего времени. В начале девяностых человек тратил на труд 2100 часов в год. Сейчас, по данным госстатистики, он тратит 1800. Куда уходят 300 часов? На спорт, на досуг.

И задача муниципалитета, наша задача – создать для этого отдыха, движения, все условия. Начиная с открытых пространств – уютных скверов, площадей, бульваров, где люди смогут гулять, заниматься спортом, сидеть в уличных кафе – и заканчивая крытыми площадками и фитнес-клубами.

Если конкретно, то в «Сколково» будет построен кинотеатр. Один, но с несколькими залами. Не меньше 15–20 кафе, причем рассчитанных на средний кошелек. Мы пока

Виктор Маслаков
сити-менеджер Центра
инноваций «Сколково»,
доктор экономических наук

не загадываем, какими именно будут эти места. Откроем, через год–два станет ясно. Будем пробовать разную кухню, ведь люди приедут к нам из разных регионов. Думаем активно развивать уличный фастфуд, привлечь сетевые иностранные компании.

У нас много зон с атрибутами парка. Там обязательно появятся деревянные настилы, шезлонги. Отдельно прорабатываем вопрос с летними площадками для концертов и лекций. Но главное – это активный отдых. В скверах и парках мы планируем установить уличные спортивные системы, организовать велосипедные дорожки, теннисные корты, места для сквоша. Вообще, город будет очень спортивным. С несколькими крупными фитнес-центрами: в технопарке, Сбербанке, университете (езде, где наблюдается скопление людей под одной крышей). Построим и общегородской спортивный центр с 50-метровым бассейном. Плюс к этому небольшие спортзалы в жилых резиденциях.

Но атмосфера в городе порой зависит от совершенно других вещей. Мы, например, планируем организовать в центральной зоне фермерский рынок. Колоритный, яркий, живой. Несколько цветочных площадей. Хотим город сделать уютным.

Наталья Почечуева

Общее место

Герои Островского любили гулять по городскому бульвару. Герои «Покровских ворот» любили там сражаться в домино. Герои наших дней преодолевают расстояния от работы до дома и обратно, стиснув зубы или руль, кому как повезет. И чем меньше затрачено времени на прохождение этого пути, тем лучше. А чему тут удивляться?! Городская среда не располагает к неспешному променаду. Как, впрочем, и к утренним пробежкам, а также детским играм во дворах и сидению стариков в скверах. Даже если повезет вернуться от машины, обязательно наткнешься на какой-нибудь вновь возведенный забор, воздвигающий: «Проход закрыт! Только для своих!» Мы еще не до конца осознали, чем это обернется в будущем. Каким вырастет поколение, не знающее, что такое дворовая жизнь и привыкшее передвигаться из школы в теннисную секцию в сопровождении водителя.

«Сколково» обещает сломать этот стереотип. Образ утопающего в зелени города-сада, в котором люди лежат на траве, непрерывно продуктивно общаются и, главное, без конца генерируют новые идеи, кажется настолько идеальным, что хочется разобраться в этом получше. Понять, как именно будут организованы в городе общественные пространства. Об этом мы решили спросить у Юрия Григоряна, члена Градсовета иннограда.

Я заметила, что саму мысль превратить город в котел, где плавятся общие идеи, поддерживают далеко не все. Даже в Градостроительном совете «Сколково» есть энтузиасты, а есть скептики, которые считают, что если человек работает, то ему некогда расслаживаться в кафе. Вы к какой группе относитесь?

Мне в этом проекте вообще интересно другое. Я не рассматриваю «Сколково» как какой-то специальный инновационный город науки, где общественные пространства должны подпитывать чью-то мозговую активность. Для меня важна попытка построить поселение с нуля. Создать место, у которого есть центр, название, что-то, что его идентифицирует как город, и тогда там, конечно, не обойтись без общественных пространств, где люди могут ходить, гулять и т. д. У нас ведь в стране ни один проект (не то что комплексный, на уровне города или района, но даже небольшой архитектурный) не реализован с достаточной долей убедительности – ни частный, ни уж тем более государственный.

Построить город на 20 тыс. человек – это заслуживающая внимания амбиция. Поэтому ей нужно помогать состояться. Это очень важный эксперимент, полигон для проверки наших возможностей. Вызов, который интересно принять.

Как изменятся общественные пространства в связи с изменением генплана «Сколково»?

Изначально был генеральный план AREP с пятью деревнями, который всем очень понравился (см. *i+U* № 1). Потому что французы создавали мелкий масштаб, мелкое городское пространство, приятные переулочки, милые дачки... Но этот план кураторами различных

зон затем почему-то был разрушен. Думаю, все дело в центре – в гостевой зоне. «Деревни» вышли симпатичными, а центр с плавающими зданиями неубедителен. Несколько парадно-схематично нарисован: пересечение двух эспланад, две мегаструктуры, аллеи домов. Чувствуется во всем этом какой-то провинциальный пафос...

Нужно отдать должное французам. Их урбанистика всегда выглядит очень четко и ясно. Точные схемы, которые отлично работают. Мне как члену жюри конкурса этот проект сразу понравился. Еще на первом просмотре. Я понял, что именно его и надо делать. Он дико функциональный: две дороги (общественная и обеспечивающая) связывают пять «деревень». Все очень просто. Сейчас этот проект выглядит иначе, потому что архитекторы создали более монументальные композиции, чем предполагалось изначально. Гораздо более монументальные. При взгляде из Гугла, возможно, это выглядит впечатляюще, узнаваемо, но как это отразится на городских пространствах, сказать пока трудно. Ясно одно – характер пространств существенно изменился, бульвар размылся. Какие-то мелкие площади вообще перестали существовать. Я обсуждал это с Мишелем Девинем, который отвечает за ландшафт и призван ландшафтной тканью все это соединить. Именно ландшафтной, потому что «Сколково» – это все-таки не город, а пригород, субурбия. Я не считаю его Москвой, потому что Москвой тогда можно считать вообще все что угодно. Это ближайшее Подмосковье.

Значит, в организации общественных пространств «Сколково» нужно опираться на какие-то другие, по сравнению с городом, принципы?

Конечно. Должен быть контраст между московскими общественными пространствами, которые тоже сейчас находятся не в лучшем состоянии (я бы сказал, в постсоветском) и новыми, зелеными. По сути дела, главное общественное пространство «Сколково» – это ландшафт.

Довольно странно слышать это от архитектора...

Считаю, что в «зеленом» городе, который призван стать эталонным, одним бульваром не обойдешься. Застроенность нашей территории очень низка. Огромный парк по периметру. И внутри много зелени. Тут очень важна роль ландшафтного архитектора. Мне очень понравилась концепция Девиня. Он потрясающий художник и тончайший пейзажист. Для этого проекта он просто необходим, но с ним до сих пор нет контракта, что в общем понятно: у Девиня маленькое художественное бюро и нет возможности охватить такой объем. Но он разработал довольно красивую стратегию постепенного превращения территории в парк, когда на месте каких-то домов будут питомники для деревьев – чтобы процесс строительства выглядел как невероятная ландшафтная интервенция, а не как «свиной» с кранами и грузовиками с глиной на колесах. Чтобы все было элегантно.

Девинь – человек, который пытается честно и глубоко посмотреть на тот ландшафт, который ему достался. Для определения его концепции больше всего подходит французское слово *embellissement* – что-то среднее между приукрашиванием и благоустройством. То есть украшение существующего. Девинь обладает редким даром смотреть на то, что есть, и видеть это уже красивым. Фотографирует существующий пейзаж, убирает оттуда какие-то деревья, а потом добавляет несколько берез туда, плотный лес сюда. Стратегия таких «легких прикосновений». И это будет именно русский ландшафт. Он не хочет разбивать на сколковском поле французский регулярный парк. Не дай бог! Это наши ландшафтники сразу начинают рисовать какие-то боскеты или альпийские горки. Он вообще так не мыслит. Он – художник. И это важно. Причем с собственным языком. У него перемещение по ландшафту – это перемещение внутри разной плотности посадки деревьев. Где-то опушка, где-то сгущение из разных пород. Он моделирует эту плотность, примеряет, как человек будет углубляться в парк, как будет проходить через посадки разной плотности. Он это рассматривает во времени, понимает, что молодняк можно сажать густо. Через него нельзя ходить, потом его будут разрезать, пересаживать. Это как картина, вернее коллаж, но не случайный, а глубоко продуманный, который при этом выглядит очень естественно. Девинь – архитектор пейзажа. Я бы сказал, что он француз, который работает в традициях английского парка.

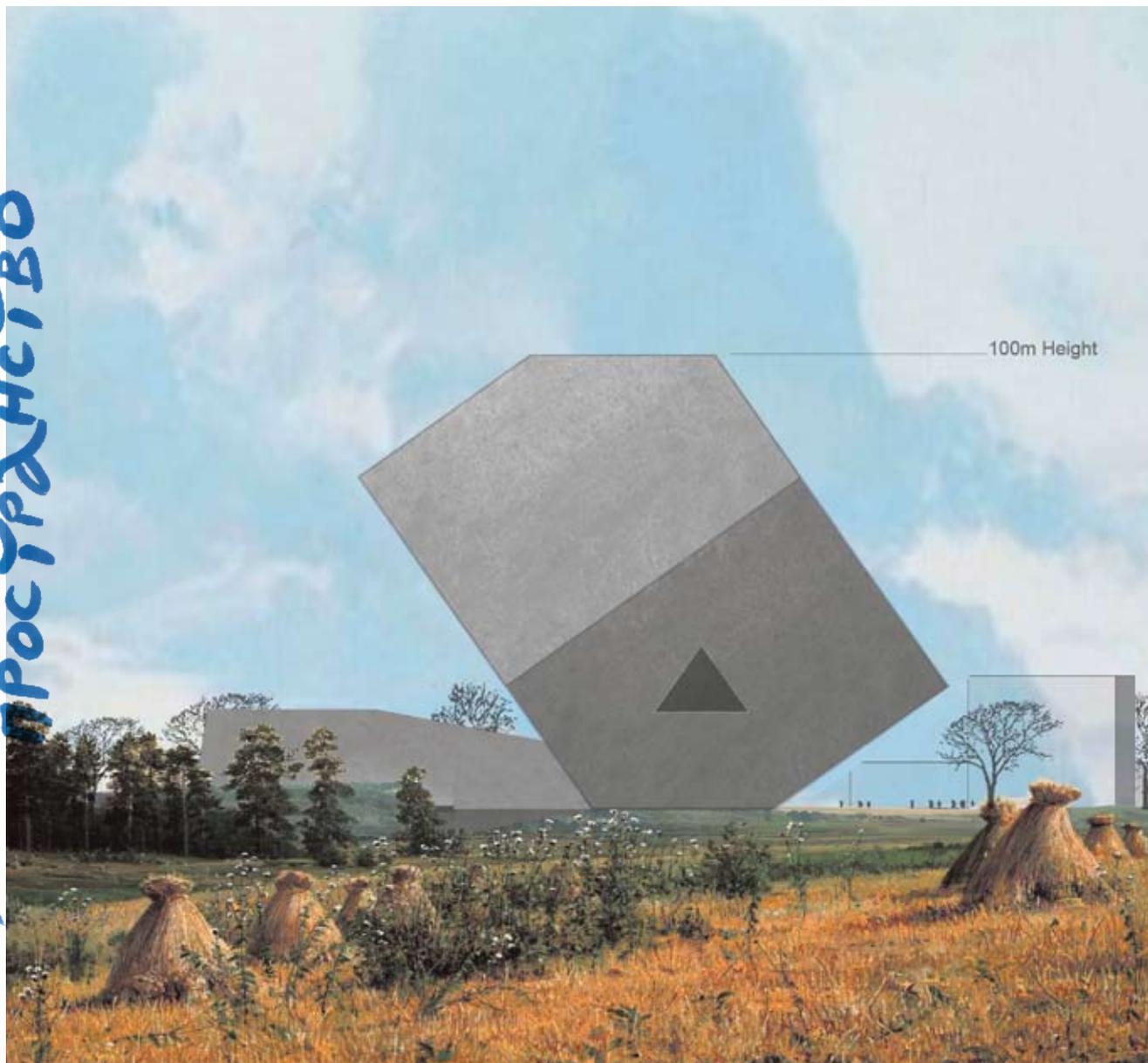
С зеленью я поняла, а чем еще будет отличаться «Сколково» от больших городов?

Масштаб совсем другой, много небольших домов, и я надеюсь, эта высотность (2–3 этажа и совсем немного пятиэтажных) и плотность сохранятся. Плюс совсем другие отношения между улицей и зданием. Тут очень важна размытость главного бульвара.

Что значит размытость?

Город – это когда дома стоят по «красным» линиям, а деревня – когда дома стоят в садах. В старой Москве дома никогда не стояли по красным линиям. Была усадебная застройка.

Многофункциональный комплекс «Скала» включает апартаменты, кинотеатр, магазины, рестораны и художественную галерею. Бюро OMA

По такому же принципу организованы Суздаль и другие старые русские города. Бульвар в «Сколково» не должен быть похож на коридор, обрамленный стенками домов, как на Гоголевском бульваре, он должен быть обрамлен мягкими линиями.

В проекте для кластера D4, сделанном нами совместно со Стефано Боери и Микеле Брунелло (см. *i+U* № 2), мы как раз в качестве ключевой темы взяли глубокую проработку общественных пространств: публичных и полупубличных. Мы создали новый поперечный парк, микробульвары поперек главного бульвара, микроплощади внутри

полосок жилых домов. Главный бульвар проходит через череду полос. Какие-то из них его фиксируют, другие до него не доходят, образуя скверы. Нам казалось, что отличие пригородного бульвара от городского кроется именно в этом. Кстати, нам сейчас предложили заняться «дизайн-кодом» всего бульвара. Огромная работа. Бульвар – это позвоночник, на который нанизываются разнообразные артефакты. Он пронизывает цепь общественных пространств, включая примыкающие площади, парки, вход в университет, остановки общественного транспорта.

Стилистика у этого «позвоночника» будет единая?
 Не стилистика, а скорее видение будет единое. Стилистика, возможно, в разных зонах будет меняться, но не спонтанно, а неким художественным образом.

Масштабный проект. Вы не боитесь ответственности?
 Вы про цену ошибки? Я считаю, что риски в «Сколково» невысоки. Ошибки в градостроительстве там можно, во-первых, компенсировать зеленью или архитектурой, а во-вторых, мы тут все мастера жить среди градостроительных ошибок. Получится что-то лучше или хуже, это не вопрос жизни и смерти, потому что компанией AREP заложена такая сильная структура с обслуживающей дорогой сзади и бульваром в центре, такая простая схема проникновения ландшафта в городскую среду, что дома, хочешь не хочешь, как-то «сядут». Каркас настолько мощный, что даже общими усилиями его полностью уничтожить не удалось.

И потом я рассматриваю «Сколково» как проект коллективный. Не просто кто-то «выпи-

“Этот памятник превратил всю Москву в своего рода общественное пространство, потому что он возбудил массу различных эмоций: от ненависти до любви”

Памятник Петру Первому в Москве скульптора Зураба Церетели. Самый высокий монумент в России и один из самых спорных. Вопрос о его сносе поднимался неоднократно

лил» себе какую-то работу. Это общий ответ на вызов. В течение двух лет, что я участвую в советах, контактирую с коллегами, я многому научился. Было интересно наблюдать, какие идеи предлагают западные рейтинговые компании, как борются за самый центральный дом в самом центральном месте. Оказывается, архитекторы везде одинаковы. Еще был забавный момент. Когда стали пересматривать проект AREP, сделали большой макет. Все принесли свои объекты и поставили их туда (кстати, у нас с де Мероном один из вариантов совпал), и было интересно наблюдать, как город моментально собрался. А по поводу гипермасштаба купола и «Скалы» мне вспомнилась одна история.

В прошлом году, в рамках курса по общественным пространствам, я вел на «Стрелке» дискуссию. Мы пригласили туда замечательных экспертов, в том числе философа Бориса Гройса. Завершая обсуждение, я попросил всех назвать свое любимое пространство в Москве. Гройс долго уклонялся от конкретики, а потом неожиданно сказал: «А вот памятник Петру Великому Зураба Церетели...» Я даже опешил, думаю: «Ничего себе, увливал, увливал и набрел на такое начало фразы, куда же он дальше будет рулить?» А дальше он продолжил удивительным образом. Сказал: «Этот памятник превратил всю Москву в своего рода общественное пространство, потому что он возбудил массу различных эмоций: от ненависти до любви. И он таким образом объединил огромное ментальное пространство и стал его центром». Понимаете, Гройс попытался показать, что общественное пространство – это не только банальная единица площади, огромная комната под открытым небом, пустая или

Юрий Григорян
Главное общественное пространство «Сколково» – это ландшафт

Парк в «Сколково». Одна из визуализаций, предложенных ландшафтным бюро Мишеля Девиня

Гостевая зона «Сколково» (бюро OMA). На заднем плане - стеклянная полусфера Dome (бюро SANAA)

Вид Гостевой зоны «Сколково» зимой

наполненная людьми. Он показал, что можно смотреть на это под каким-то другим углом, другим способом. А возвращаясь к «Сколково», скажу, что эти два гигантских монумента – купол и «Скала» – сделали из всего город. Именно за счет своей знаковости и размерности они его очень сильно собрали и дали ему вот эту идентичность.

А сами вы как ответили на вопрос о любимом пространстве в Москве?

Нескучный сад. Бульвары. Переулки среденские. Чудесные переулки между Арбатом и Пречистенкой. Уголки, закоулочки... Но город – это ведь не одно место, важна сама структура, организация. В этом смысле хорош весь центр. Еще я очень люблю пешеходные мосты. Они для Москвы так же важны, как Millenium Bridge для Лондона, как Риальто или мост Академии для Венеции. Это удивительное переживание, потому что толпы людей ходят, сталкиваются, фотографируются. Мосты как площадки над рекой. Но главное общественное пространство в Москве – это, конечно, Москва-река, все набережные. Оттуда ты город видишь лучше всего, большие пустые пространства без машин. Река петляет, и за каждым поворотом открывается что-то неожиданное. Плавать – это наслаждение, никогда город не увидишь так, как когда пересекаешь его по этой ленте.

Вернемся к «Сколково». Это город для временного проживания. Как это отразится на его лице?

Да, люди там будут жить временно. И строго говоря, там все пространства можно считать общественными. Даже квартиры. Один большой отель, в котором живут и работают. В этой ситуации общественное пространство играет несколько иную роль. Многие считают, что ученые там будут лежать со своими айфонами на травке и творить. Но ученые живут наукой, может быть, они и не заметят, на траве они лежат или на асфальте. Надо признать, что мы пока не знаем, где они будут лежать и будут ли. Вообще, это совсем непросто сценарий чужой жизни прописать. Это тяжелая работа. Тысяча слоев, каждый из которых требует кропотливой проработки и продумывания. Нужно учесть все мелочи: мощение, освещение, подогрев каких-то дорожек. Если на все это хватит сил, уже полдела. И самое главное, архитектурой не всегда можно жизнь организовать. Вот директор Музея архитектуры Давид Саркисян, покойный, был мастером организации жизни из ничего. У него никогда не было денег на выставки, но он вечно приносил какую-нибудь прозрачную ткань, она колыхалась, на нее какую-нибудь проекцию можно было сделать красивую. Саркисян умел наладить в музее художественную жизнь. И вокруг него всегда интересно было и красиво. Это к вопросу о том, что в городе важен хозяин. Хозяин – это Фонд. Если хозяин со вкусом, то и все в городе будет хорошо.

Рабочие будни инноваторов

Адлерсхоф среди европейских ученых место вполне известное, успешное и служащее образцом для подражания, особенно для постсоциалистических стран. Это инновационный город, созданный из Академии наук ГДР в 1993 году.

Это была страшная реформа и страшная процедура. Всего в Академии наук работали шесть тысяч человек. Четыре с половиной уволили как коммунистический балласт, из полутора тысяч насильственно образовали восемьдесят фирм и предоставили возможности развиваться. Эта санация оказалась успешной – сегодня, через двадцать лет, там восемьсот фирм. Госдотаций Адлерсхоф уже 10 лет не получает. Основные специализации города – оптические технологии и фотоника, новые материалы и микросистемные технологии, информационно-коммуникационные, экологические, био- и энергетические технологии. За исключением компьютерных, которые закладывались в начале проекта и не оправдали надежд (слишком высокая конкуренция), все остальные направления входили в первоначальный замысел и успешно развились. В среднем, по словам Харди Шмитца, директора компании Wista-Management GmbH, управляющей Адлерсхофом, разоряются одна-две и приходят 10–15 новых фирм в год. Сегодня, помимо немецких, там есть индийские, американские, голландские фирмы – Адлерсхоф стал международным центром. То есть все получилось, проект успешен и может служить образцом для подражания. Харди Шмитц говорит, что они там теперь хотят создать институт иннограда и экспортировать ноу-хау о создании таких городов – в менеджерском, экономическом и архитектурном аспектах.

Понятно, что у «Сколково» и Адлерсхофа идеология проекта разная – у нас не было санации Академии наук, проект инициировался не сразу же после падения СССР, но через двадцать лет, когда способные и предприимчивые люди уже давно нашли свое место в научных индустриях других стран, наша цель – не сохранение в новых реалиях того ценного, что осталось от советского времени, а создание новой индустрии идей и технологий. Отсюда у нас отсутствует хотя бы приблизительная бизнес-концепция проекта, и вообще Россия не Германия, и вряд ли мы выйдем на те же показатели. Однако у «Сколково» и Адлерсхофа много общего в урбанистических параметрах. В отличие от американских и азиатских инно-

градов, Адлерсхоф не представляет собой автономного поселения, а существует при Берлине – оттуда до Адлерсхофа ехать полчаса. «Сколково» придумано так же. В Адлерсхофе 15 тыс. постоянных жителей и столько же приезжает на работу из Берлина, для «Сколково» планируются аналогичные цифры – на уровне 20 тыс. постоянных и 10 тыс. приезжих. Помимо инновационных фирм и двух «инкубаторов» (офисов для стартапов), ядро города образует кампус университета Гумбольдта (6,7 тыс. студентов и преподавателей). В «Сколково» та же структура.

Вопрос, который интересовал меня в Адлерсхофе, насколько новая архитектура и урбанистика способны провоцировать атмосферу инноваций. С момента, когда Ричард Флорида ввел понятие «креативный класс», урбанисты уже десять лет проповедуют идеи, в соответствии с которыми между характером города и уровнем креативности его жителей есть зависимость, и хотя пока мы не вполне понимаем, какая, в качестве рабочей гипотезы принимаем, что чем креативнее урбанистика и архитектура, тем более удачной окажется и интеллектуальная работа в поселении.

Генеральный план Адлерсхофа создал профессор Гильдебрандт Махляйт (Hildebrandt Machleidt), скромный человек, общаясь с которым невозможно заподозрить, что это архитектор, построивший инноград. Он провел для меня многочасовую экскурсию по городу, рассказал всю его концепцию, и я, пользуясь случаем, выражаю ему глубокую благодарность за потраченное время. Логика его урбанистики, как мне кажется, ближе всего к тому, что изначально имел в виду Александр Скокан под средовым подходом, хотя приложена она к крайне необычному материалу.

Изначально Адлерсхоф – это военный аэродром. В 1912 году там построили клуб воздухоплавателей, в 1920–1930-е – аэродинамическую трубу и стенд для испытания двигателей. После войны территория оказалась в ГДР, но прямо на границе с ФРГ, у стены. В зоне повышенной государственной безопасности за тремя КПП. Внутри располагались казармы и полигон Штази, Академия наук и Гостелерадио ГДР. Наука, госбезопасность и пропаганда в одном лагере за колючей проволокой, все очень по-советски. Кстати, в свое время в Физическом институте Академии наук работала канцлер Германии Ангела Меркель.

Гильдебрандт Махляйт счел, что важнее всего сохранить следы прошлого. Город имеет два центра: огромное поле бывшего аэродрома, на котором сегодня разбит газон и пасутся овцы, и большую площадь вокруг бывшего аэроклуба, превращенного в сверхдемократическое по московским меркам кафе. Махляйт в высшей степени внимательно отнесся к остаткам технических сооружений, все оси этого центра («аэропарка») устроены так, что в перспективе открывается то аэротруба, то здание для испытания двигателей, то водокачка, то казармы Штази. Все отреставрировано, умыто, припудрено, будто это не брошенный аэродром, а следы города Юлия Цезаря на Женевском озере. Не знаю, как это воспринимают инноваторы, но Гильдебрандт Махляйт и Харди Шмитц страшно гордятся и очень любят свою древнюю аэротрубу. Мне же урбанистический музей останков технических сооружений показался каким-то вымученным, хотя и достойным всяческого уважения.

В остальном город спроектирован достаточно просто. Восточная часть с прямоугольной квартальной сеткой застроена офисами. Она лома-

ется только в зоне аэроклуба, поскольку здесь сохранились старые дороги. В южной части города, вдоль реки, предполагалось построить жилье, но оно пока не построено, поскольку нет спроса. Вообще следует заметить, что жилищная программа Адлерсхофа – единственное, что здесь не удалось. При объединении Германии предполагалось, что Берлин резко, едва ли не вдвое, увеличит свое население, а этого не произошло вовсе. Жилье в Берлине одно из самых дешевых в Европе, и люди предпочитают снимать квартиру в Кройцберге, а вовсе не в Адлерсхофе. Соответственно, никак не развивалась инфраструктура – здесь нет школ, детских садов и поликлиник, которые требуют наши градостроительные нормы, за всем этим люди ездят на трамвае в Берлин.

Небольшой жилой поселок развился только в западной части города, отделенной от офисной безмерным газоном аэропорта. Здесь как горох насыпаны небольшие домики с участками по четыре сотки, построенные без признаков архитектурной мысли. Махляйт предполагал более упорядоченную застройку, но соблюсти генплан при распределении участков не удалось. Этот район города больше всего напоминает советский дачный кооператив, жители которого разбогатели настолько, что заменили свои летние домики маленькими коттеджами с туалетами и горячей водой.

Город построен примерно на 60 процентов, множество территорий оставлено под развитие, когда стартапы заматеруют настолько, что смогут себе построить отдельные здания. Первые дома Адлерсхофа, когда это еще была правительственная программа, возводились по конкурсам и с явным стремлением создать запоминающуюся архитектуру. Самое модное здание – Физический институт Университета Гумбольдта с колоннадой на фасаде, которая колыхается под разными углами, как молодой лесок на весеннем ветерке. Его построили в 2003 году по проекту берлинской фирмы Augustin und Frank Architekten. Это здание и расположенная рядом минималистская офисная пластина со сплошным остеклением Института фотоники (1998, Ortner & Ortner Baukunst) в свое время всюду публиковались в архитектурных журналах. Первая очередь строительства этого Института, здание с изгибающимся планом в форме свободной кляксы (1998, Sauerbruch Hutton Architekten), выглядит несколько тяжело, что, впрочем, характерно для всего немецкого маньеристского неомодернизма. Почти заводское, лаконичное здание Центра информатики с прекрасным атриумом, построенное голландцами (1997, Architekten CEPEZED), подходит меланхолическому характеру места. Простым и честным, как идеалы Баухауза, кажется и здание знаменитого института имени Макса Борна, перевод которого в Адлерсхоф был самой большой стратегической удачей этого проекта (1998, Burckhardt Fischer).

В Адлерсхофе принято гордиться своей центрифугой, и, вероятно, для научных разработок эта вещь очень важна, но в городе она выглядит не особенно привлекательно, как, впрочем, все крупные сооружения в форме шайбы в квартальной застройке (1997, Brenner & Partner Architekten). После 2003 года государственное участие в строительстве Адлерсхофа прекратилось, прекратились и конкурсы, и хотя пятнадцать-двадцать научных фирм в городе оказались настолько успешными, что начали себе строить отдельные офисы, здания уже лишены признаков журнальной архитектуры. Инноваторы так устроены, что не считают нужным вкладываться в представительность

Григорий Ревзин
специальный корреспондент
ИД «Коммерсантъ», член
Градостроительного совета
Фонда «Сколково»

Поле бывшего аэродрома превращено в газон с пасущимися овцами. Это один из двух центров города. К нему примыкает небольшой жилой поселок

Физический институт Университета Гумбольдта. Его построили в 2003 году по проекту берлинской фирмы Augustin und Frank Architekten

Здание Центра информатики с прекрасным атриумом (1997, Architekten CEPEZED)

Тщательно отреставрированные останки авиационной лаборатории превращены в местную достопримечательность

Полностью остекленные фасады здания Института фотоники (1998, Ortner & Ortner Baukunst) в свое время всю публикувались в журналах

Второй центр города – большая площадь вокруг здания бывшего аэроклуба, превращенного сегодня в кафе

здания, они предпочитают простые коробки для сотрудников и ангары для оборудования. В целом город поэтому производит странное впечатление – он еще не построен до конца, но при этом его главные здания довольно сильно устарели и кажутся памятниками провинциальной моде прошлого десятилетия.

Но не в архитектуре заключается самое интересное. Я приехал в этот город в полдень в будний день. Там широкие улицы и отдельно сделанные дорожки для велосипедистов и пешеходов, и все это очень внимательно продумано, чтобы не дай бог нигде не образовалось никакого затора. Но ему не из чего образовываться. Там не было ни одного велосипедиста и ни одной машины, да и пешеходов, честно сказать, тоже не было. Вообще на улицах не было людей, просто никого. В кафе в бывшем здании аэроклуба сидел один стартаповец и ел несъедобные макароны по-флотски за три евро, в промежутках между жеванием что-то задумчиво тюкая в своем издавшем лучшую жизнь Hewlett-Packard'e. Никакого желания вступить в инновационное общение он не проявил.

«А где же люди? – спросил я у Харди Шмитца. – Отчего на улицах никого нет?» Он очень удивился и говорит: «Как где? Они на работе. Чего им сейчас ходить по улицам?» И выразительно посмотрел на часы, как бы мягко указывая мне на глупость моего вопроса. «А вечером они ходят по улицам?» – «Они идут домой, конечно». – «А пабы, рестораны, клубы у вас есть?» – «Нет, этого у нас нет. За этим они ездят в Кройцберг». – «А кино, музеи, выставки?» – «Этого тоже очень много в Кройцберге. У нас здесь не развлекаются. Это город для работы». – «А вот у вас осталось множество людей от бывшего Гостелерадио, 145 фирм,

которые делают программы, с журналистами, дизайнерами и т.д. Может они общаются с инноваторами?» – «Нет, ну что вы. Журналисты – это другая профессия. О чем они могут поговорить с учеными?» – «А как же неформальные связи инноваторов, которые должны роиться в общественных пространствах?» – «Это было. Вот в бизнес-инкубаторе была одна оптическая фирма, они сидели в комнате 327a, и у них возникли неформальные инновационные связи с электронщиками из 325-й комнаты. Хотя это была совсем другая фирма. И у них даже возник общий проект, который теперь успешно развивается».

Как ни странно, он совершенно не заинтересовался проблемами креативной среды для креативного класса. «Понимаете, – говорил он мне, – у нас в основном физики, химики, электронщики. Они не очень любят развлекаться. Вот у нас есть поселок коттеджный, а напротив через дорогу там деревня. Там у них был колхоз во времена ГДР. И они очень надеялись, что наши инноваторы будут ходить к ним на их фольклорные праздники. Знаете, у них там праздник урожая, танцы, какие-то другие события. Я сам не был там, но они утверждают, что бывает очень весело. Так вот, мы уже десять лет тут живем. Еще ни разу никто не был. Говорят, компьютерщики другие, любят развлекаться, им это нужно. Может быть, поэтому у нас не пошло компьютерное направление. Была одна фирма, они изобрели программу навигации iGo, ею теперь весь мир пользуется. Ну и как только изобрели, так сразу съехали в Кройцберг. А вы думаете, их можно было удержать? Мне иногда говорят, что у нас не хватает современного искусства. Как полагаете, современное искусство их бы удержало?»

Поразительное место. Когда изучаешь этот город со стороны – как бизнес-проект и опыт менеджмента, то думаешь, что это просто идеал, что к этому необходимо стремиться, но, вероятно, невозможно достичь. А когда ходишь по этому городу, начинаешь опасаться, как бы у нас не случилось такого идеала в «Сколково».

Гильдебрандт Махляйт
Самым главным является сохранение следов прошлого

ЭКСПО: Время пошло

Время до открытия Экспо-2015 в Милане уже пошло.

Оглашение Международным бюро выставок (BIE) четыре года назад решения о том, что Всемирная выставка 2015 года будет проведена в Милане – после долгого соперничества с турецким Измиром, дало «всей Италии повод для гордости», было воспринято как награда за «совместные усилия всех уровней власти» ❶, а также как подтверждение того, что «превосходство Италии безоговорочно признано на международном уровне». Кандидатура Милана активно поддерживалась тогдашним мэром города Летицией Моратти и всеми политиками, независимо от партийной принадлежности.

Заявленная тема Экспо в Милане звучит так: «Накормить планету. Энергия для жизни». Перед лицом надвигавшегося финансового кризиса миланская Всемирная выставка не в последнюю очередь рассматривалась как возможность преодолеть, хотя бы до некоторой степени, грядущую экономическую нестабильность. Более 70 тыс. новых рабочих мест, €20 млрд инвестиций, 29 млн посетителей – вот некоторые цифры, приведенные сторонниками проведения Экспо в день оглашения решения BIE ❷. Большие амбиции и непростая задача для одноразового мероприятия, пусть и продолжающегося в течение четырех месяцев ❸.

Проведение крупномасштабных международных мероприятий стало привычным механизмом стимулирования городского строительства. Возникший в 1980-х годах в США и набравший новые обороты в Европе после успеха Олимпиады в Барселоне (1992), этот механизм стал повсеместным способом привлечения инвестиций. Однако самые удачные из данных инициатив всегда были встроены в комплексные стратегии развития, претворение которых в жизнь ни в коем случае не останавливалось после проведения церемонии закрытия

Франциска Инсульца
архитектор, урбанист,
куратор. Живет в Монреале

Проведенное Ассоциацией архитекторов исследование по изучению плюсов и минусов прежних Всемирных выставок, таких как Экспо-1992 в Севилье и Экспо-2000 в Ганновере, и последовавшая за ним петиция, подписанная полутора тысячами граждан, с просьбой создать «рассеянный в пространстве и приведенный в соответствие с масштабом территории проект» ❹, привели к отмене первоначального генплана ❺. Во избежание ошибок прошлых Экспо, в январе 2009 г. мэром города созвана Архитектурно-консультативный совет. В задачи Совета из пяти экспертов из разных стран (Стефано Боери, Жака Херцога, Ричарда Бердетта, Уильяма Макдонаха и Жоана Бускетса) входили выбор основных принципов Экспо-2015 и предложение общей концепции генплана. Менее чем восемь месяцев спустя – в сентябре 2009 года – концепция была представлена публике.

Она одновременно изысканна и проста. Прямо отвечая теме выставки, связанной с питанием и пищевой индустрией, концепция подразумевает создание «планетарного сада», в котором «люди мира смогут увидеть, потрогать и попробовать на вкус плоды [с разных концов] земли» ❻.

Ортогональная сетка, подобная той, что используется при межевании сельхозугодий, окруженная системой судоходных каналов, разделяет территорию на участки меньших размеров, которые должны быть заполнены как организаторами, так и представителями стран-участниц Экспо. Две основные оси, парафразирующие древнеримские кардо и декуманус, задают главные маршруты перемещения по выставке. Участки группируются по принципу биоклиматической близости – по соседству оказываются представительства стран со сходными свойствами окружающей среды. На своих наделах, каждый из которых выходит на декуманус, названный проспектом Мира (World Avenue), всем странам предлагается показать характерную для них культуру ведения сельского хозяйства и производства продовольствия: продемонстрировать всю технологическую цепочку, начиная от возделывания почвы вплоть до приготовления и дегустации различных блюд. На участке могут располагаться грядки и фрагменты сельхозугодий, сады, теплицы и проч. Несмотря на единообразное решение фасадов павильонов, участки, простираясь вглубь территории на разное расстояние, образуют паттерн переплетающихся между собой пространств, создавая непрерывный, разнообразный и насыщенный сельскохозяйственный ландшафт.

В восточной части Экспо воспроизводятся климатические, экологические и ландшафтные свойства основных климатических зон мира. Тропический лес, саванна и пустыня заключаются в большие павильоны с регулируемым климатом, тогда как пространства, отведенные Средиземноморью и регионам с умеренно-холодным климатом, остаются открытыми. Дополнительные тематические павильоны, посвященные продовольственному дефициту, недоеданию, генетическим модификациям, пригородному сельскому хозяйству, отходам, биокультурам и т.д., а также зрелищные и служебные сооружения сгруппированы в серии независимых друг от друга объемов, разбросанных по сетке.

В дополнение к этому концепция предусматривает реализацию еще двух проектов, позволяющих расширить влияние Экспо на весь город, соединить «глобальное» с «муниципаль-

ным», путем вовлечения в процесс различных миланских сообществ. Первый проект основан на восстановлении 59 находящихся в собственности государства и полузаброшенных на сегодняшний день традиционных ферм или *Cascine* ❽, одна из которых находится на участке Экспо, чтобы на базе местных коммунальных образовать из них сеть опытных предприятий для исследований и практической работы в области сельского хозяйства и производства продуктов питания. Сеть *Cascine*, расположенных сразу за границей городского центра и связанных с участком Экспо при помощи системы каналов, развивает тему Экспо, символизируя собой новые взаимоотношения между городом и деревней ❾. Второй проект также направлен на то, чтобы «выплеснуть» Экспо в общегородское пространство. В городскую ткань Милана вплетается объединяющий различные памятники истории и культуры «путь знаний», вдоль которого планируется проведение самых разных мероприятий, связанных с основной темой выставки.

Представленная в 2009 г. концепция Экспо-2015 – новаторский, во многом революционный проект, способный кардинально изменить традиционные подходы к организации крупномасштабных выставок и смотров. В отличие от стратегий прошлого, когда генпланы ограничивались схематической разметкой территорий, а затем эта сетка механически заполнялась павильонами, концепция миланской Экспо-2015 создает неразрывный симбиоз между пространственной структурой и собственно самой темой выставки. Появляющийся на северо-западной окраине Милана «Планетарный сад» – это эффективная, но лишенная претенциозности картина, как непохожие друг на друга культуры производят сегодня продукты питания. Проект Экспо-2015 «переворачивает само понятие монументальности: вместо гигантских сооружений, таких как Эйфелева башня на Всемирной выставке 1889 года в Париже, в Милане будет создан новый ландшафт, монументальный по своей легкости и природной красоте» ❿. Ландшафт, добавим от себя, который будет находиться в процессе непрерывного становления. Важность фактора времени в данном проекте, безусловно, напрямую связана с той ролью, которую в нем играют природа и растительность. Но помимо этого, по задумке авторов, в будущем «планетарный сад» призван стать площадкой различных инициатив, позволяющих проявить себя архитекторам, дизайнерам, художникам, агрономам из всех уголков мира.

Важно также и то, что равномерная планировка просто-таки не позволяет следовать логике традиционных Всемирных выставок, когда размер территорий или павильонов, занимаемых странами-участницами, напрямую связан с их экономической и политической мощью ❿❶. И хотя размеры участков разнятся по глубине, что, в принципе, дает возможность более богатым получать более крупные наделы, со стороны главного «проспекта» Экспо каждая страна представлена одинаково.

Своей выдающейся смысловой и пространственной связностью концепция во многом обязана вкладу Карло Петрини, основателя и руководителя некоммерческой организации Slow Food, и Сельскохозяйственному факультету Миланского политехникума, сотрудники которого, основываясь на идеях равенства и устойчивого развития, помогли разработать теоретический каркас, необходимый для создания архитектурной композиции.

2009 год был напряженным для Экспо. По всему городу прошло большое количество публичных обсуждений. Презентации организовывали одну за другой. В том числе и для Международного бюро выставок (BIE). Были созданы комитет по вопросам проведения Экспо и специальная планировочная мастерская, ответственная за разработку генплана, – команда из 15 недавних выпускников архитектурных вузов, пяти опытных градостроителей и двух координаторов. Позитивной стороной, однако, вскоре был нарушен политическими склоками, административными препонами и самой острой из проблем – проблемой собственности на участок для Экспо.

Последние двадцать лет Милан рос и развивался исключительно высокими темпами. Избавившись в конце 1990-х от последних промышленных зон в историческом центре, город смог привлечь инвестиции под несколько крупномасштабных проектов. Лишенная какой бы то ни было целостной стратегии развития, зато исполненная наивной веры в то, что частный капитал, если ему не мешать, мало-помалу разрешит все проблемы, городская администрация почти не вникала в руководство проектами и тем более не пыталась извлечь из них общественную пользу. Тем не менее был принят закон о «доле города», обязывавший девелоперов «возвращать» что-то Милану. Миниатюрные озелененные пространства и автомобильные парковки, а также малочисленное социальное жилье – вот реальная выгода, которую получил город в эпоху строительного бума, когда в период с 1998 по 2006 г. было возведено более 13 млн кв. м новых площадей. Нет нужды говорить о том, что, как и в других местах, по причине кризиса многие из запланированных проектов не были завершены. В результате этого некоторые новостройки оказались в окружении заброшенных строительных площадок, часть из которых, возможно, угасла навсегда.

Как уже упоминалось выше, в заявке на проведение Экспо, поданной в 2006 г., фигурировал проект на участке площадью 1,1 кв. км, находившемся в частном владении. Согласно процедуре, которая тогда казалась почти естественной, концепция финансируемой государством Всемирной выставки должна была быть признана отвечающей интересам как муниципалитета, так и частных лиц. В результате чего участок мог быть передан организаторам Экспо в пользование на время проведения мероприятия, а затем возвращен хозяину, снабженный совершенно новой инфраструктурой. Однако, в обмен на предоставление территории во вре-

менное пользование, землевладельцы пожелали получить право на ее застройку в будущем коммерческой недвижимостью общей площадью 1 млн кв. м. Под серьезным нажимом общественности разгорелись дебаты. Если архитекторы вместе с огромной частью населения Милана ¹¹ хотели, чтобы и в будущем участок сохранил свою публичную парковую функцию, то представители частного сектора настаивали на застройке большей его части. Заинтересованные стороны по очереди выдвигали и отвергали самые разные варианты. Возможно, эта нудная перепалка была неизбежна, хотя бы для очистки воздуха, однако на нее было потрачено драгоценное время.

Баталии вокруг участка парализовали развитие проекта почти на два года. Задержка не только ослабила первоначальные ожидания и вызвала скептическое отношение миланцев к самому событию, но, по-видимому, постепенно дискредитировала и большинство позитивных аспектов, содержащихся в основных принципах генплана. С приходом нового мэра и последующим изменением состава Архитектурно-консультативного совета ¹² от первоначального проекта, кажется, мало что осталось. Никто не отрицает того факта, что новая администрация получила непростое наследство, но события последних месяцев не вселяют больших надежд.

С точки зрения простого обывателя, довольно сложно разобраться в том, что же происходит на самом деле. Шумиха вокруг участка утихла, и организаторы Экспо сосредоточились или делают вид, что сосредоточились на том, чтобы снова взяться за дело. Однако информация поступает разная и часто противоречивая. Из последних заявлений, например, следует, что: сеть каналов значительно сокращена; Всемирная выставка на тему сельского хозяйства в глобальном мире никому не интересна; концепция «Планетарного сада» недостаточно для того, чтобы «продать» Экспо; 51% всего участка Экспо в итоге станет общественным парком, а 19% будет отдано под строительство муниципального жилья; задержка в подготовке выставки делает невозможным проведение архитектурных конкурсов, и проект будет создан «своими силами»; единственный способ избежать продовольственной ярмарки – сочинить альтернативную Экспо, рассеянную по разным уголкам Милана. Однако сказать, что именно из перечисленного осуществится, не представляется возможным.

Между тем на официальном сайте Экспо-2015 опубликован отчет о последней презентации

проекта: изображения частично повторяют рендеры из концепции – в качестве фона, однако доминируют картинка с гораздо более плотной и крупномасштабной до грандиозности застройкой, и там, где предлагалось «отказаться от устаревшей идеи выставки, построенной вокруг гивантских архитектурных монументов» ¹³. При этом возникающие между отдельными фрагментами презентации противоречия никак не комментируются. Кроме того, в качестве вариантов для стран-участниц приводятся изображения впечатляющих по своей архитектуре павильонов Экспо-2010 в Шанхае, большие служебные здания и тематические кластеры, которые тоже выглядят на редкость нелепо в контексте принципов старой концепции. И ни слова о «Планетарном саде».

Проведение крупномасштабных международных мероприятий стало привычным механизмом стимулирования городского строительства. Возникший в 1980-х годах в США в качестве реакции на сокращение муниципального финансирования проектов и набравший новые обороты в Европе после успеха Олимпиады в Барселоне (1992), этот механизм стал повсеместным способом привлечения инвестиций. Однако самые удачные из данных инициатив всегда были встроены в комплексные стратегии, претворение которых в жизнь ни в коем случае не останавливалось после проведения церемонии закрытия. Наличие долгосрочных планов как раз и обуславливает эффективность Всемирных выставок, Олимпиад и других подобных мероприятий для дальнейшего успешного развития принявших их городов.

Экспо-2015 имела все шансы на успех: и в силу простоты и ясности своей концепции, и в силу единодушной поддержки со стороны горожан. Миланцы видели в этом событии шанс для своего города. Если Всемирная выставка не оправдает возлагавшихся на нее надежд, политики начнут обвинять друг друга, а организаторы – ссылаться на привнесенные обстоятельства...

Архитекторы и урбанисты знают, как никто другой, что никакая, даже самая лучшая концепция сама по себе не может гарантировать успех. Смелые проекты нуждаются в смелых лидерах. Нам остается только надеяться, что Милан не ударит в грязь лицом и выступит на должном уровне.

Перевод с английского Ивана Третьякова

¹ Пресс-бюллетень президента Италии Джорджио Наполитано от 31 марта 2008 г.

² Цит. по: газета *Il Sole 24 Ore* от 31 марта 2008 г.

³ Спустя почти девять месяцев после решения BIE, 1 декабря 2008 г., была основана Управляющая компания Миланской Экспо-2015 [Società di Gestione Expo Milano 2015] со смешанным государственным и муниципальным участием.

⁴ Battisti, Emilio, 'Expo: Cronologia di una Disastrosa Deriva', in *ArcepilagoMilano*, December 6th 2011. Онлайн версия: <http://www.arcepilagomilano.org/archives/15581>.

⁵ Кандидатура Милана была утверждена вместе с генпланом, созданным итальянской фирмой 5+1. Изобразительный ряд первоначального проекта можно найти на сайте <http://images.5piu1aa.com/?p=1491>.

⁶ Архитектурно-консультативный совет. Введение к Концептуальному генплану Экспо-2015. Неопубликованный буклет к проекту. Июль 2009 г.

⁷ Проект Cascine di Milano на Expo 2015 был разработан multiplicity lab, научно-исследовательской лабораторией при Миланском политехникуме, в сотрудничестве с такими организациями, как Coldiretti, Consorzio Sir, Slow Food, Vita, при поддержке Исследовательского центра межкоммунального планирования городских территорий [Centro Studi PIM] и правительства Милана. Подробнее о проекте см.: VVAA, *Le Cascine Di Milano Verso e Oltre Expo 2015*, Comune di Milano, 2009, а также Boeri, Stefano, *BioMilano*, Corraini Edizioni, 2011.

⁸ См. на эту тему: Boeri, Stefano, *BioMilano*.

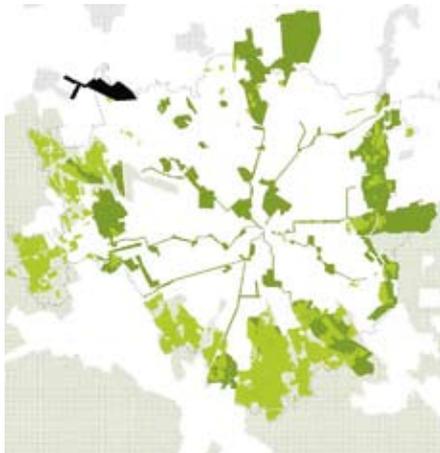
⁹ Пресс-релиз Архитектурно-консультативного совета, выпущенный по случаю презентации проекта 8 сентября 2009 г. См.: <http://en.expo2015.org/press-area/press-releases/feeding-planet-energy-life-conceptual-master-plan-and-planning-office>.

¹⁰ В связи с этим Алексей Муратов задается вопросом, к которому я не могу не присоединиться: «Но согласятся ли мировые державы, как старые, так и новые, играть по таким демократическим правилам?» См.: Muratov, Alexei, 'Stefano Boeri's dual world,' in *2G*, n. 62: Stefano Boeri, 2012.

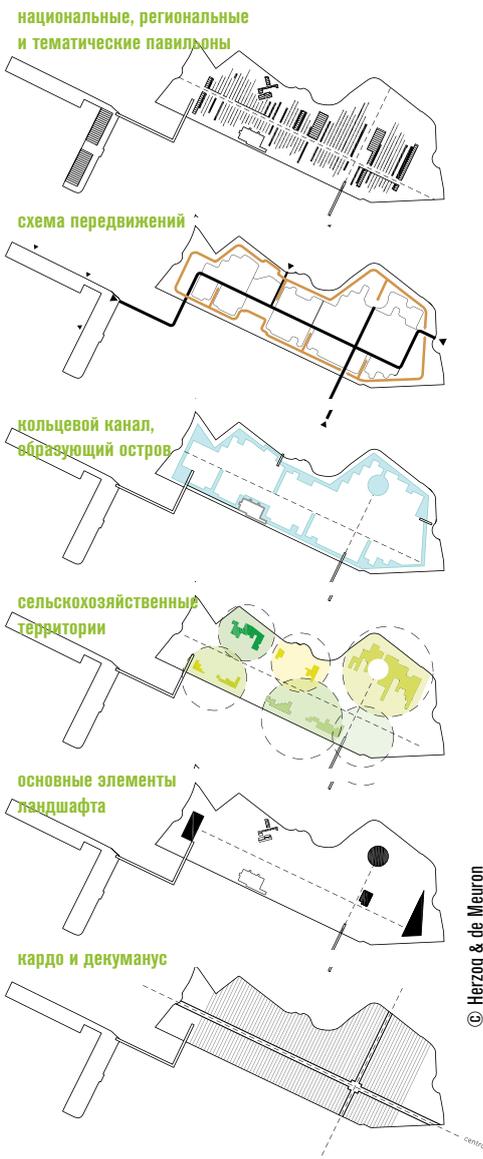
¹¹ По результатам референдума, проведенного в июне 2011 г., 95,5% респондентов согласились с тем, что для Экспо-2015 нужно создать «Планетарный сад», влеченный в систему городских озелененных и водных пространств.

¹² В своем первоначальном составе Архитектурно-консультативный совет просуществовал до презентации генплана в начале 2010 г. На этом этапе Совет покинули Уильям Макдонах и Жоан Буснетс, а Стефано Боери, Ричард Бердетт и Жак Херцог продолжили работу в качестве независимых консультантов. В сентябре 2010 г. Стефано Боери оставил Совет для участия в праймериз на пост мэра Милана от левоцентристской коалиции. Впоследствии он был избран в Городской совет Милана, где ныне занимает пост советника по культуре.

¹³ Пресс-релиз Архитектурно-консультативного совета от 8 сентября 2009 г.

Расположенный по соседству от комплекса Международной миланской ярмарки (Fiera di Milano), «Планетарный огород» вносит свою лепту в восстановление целостности зеленого защитного пояса города

ЭКСПО-2015 в Милане. Планетарный огород

Опираясь на опыт проведения ЭКСПО в Ганновере (2000) и Сарагосе (2008), который показал, что традиционный формат Всемирных выставок уже не способен вызвать энтузиазм у европейской публики, авторы концепции выдвигают инновационную идею – превратить

пустырь на северо-западе Милана в «планетарный огород». Для демонстрации различных способов ведения сельского хозяйства и производства продуктов питания каждая из ста пятидесяти стран-участниц получает полосу земли. Здания павильонов, ранее доминировавшие на Всемирных выставках, отступают на второй план: поставленные в глубине участков, они призваны либо стать нейтральным обрамлением ландшафта, либо раствориться в нем. Внимание посетителей концентрируется не на «минеральной», а на природной компоненте; не архитектурное соревнование среди национальных павильонов, а совместное возделывание сада – процесс, в котором по крайней мере с эпохи раннего романтизма (Вольтер, Карамзин, Державин и др.) гармоничное обустройство мира связывалось с дружбой

как самой совершенной формой отношений между людьми – должно объединить представителей разных стран в одном заботливо оберегаемом пространстве. «Огород» организован по принципу римского города: его планировочный каркас сформирован двумя перпендикулярными осями, кардо и декуманусом. По сторонам от более протяженной оси (длина 1,5 км) располагаются национальные павильоны – независимо от геополитического веса все страны получают примерно равные

наделы. Малый перпендикуляр фланкирован Итальянским павильоном, а также павильонами различных провинций страны-хозяйки. На северо-восточной границе «огорода» выстроен комплекс теплиц, в каждой из которых воссоздан климат того или иного региона с характерным для него кусочком природы – как

дикой, так и окультуренной аграрной деятельностью. Выставка апеллирует к полисенсорному восприятию – у посетителей задействуются все органы чувств, в том числе нюх и вкус, ведь «планетарный огород» подразумевает наличие «планетарной кухни». По завершении ЭКСПО ее территория превратится в первый в мире научный парк-огород, совмещающий функции питомника и места прогулок.

Стефано Боери

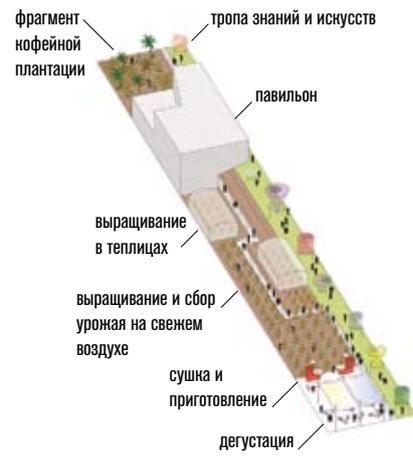
Наш проект – это прототип качественно новой сельской среды

конференц-центр

28

Бразильский павильон – производство кофе
общая площадь 2392 кв. м
площадь павильона 717 кв. м,
из них в теплом контуре 358 кв. м

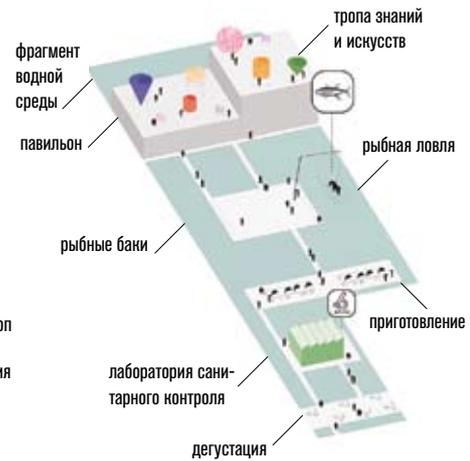
Павильон Мадагаскара – рисоводство
общая площадь 1399 кв. м
площадь павильона 620 кв. м,
из них в теплом контуре 210 кв. м

Канадский павильон – производство изделий из клена, в том числе сиропа
общая площадь 3385 кв. м
площадь павильона 1016 кв. м,
из них в теплом контуре 508 кв. м

Японский павильон – разведение рыбы и водорослей
общая площадь 6011 кв. м
площадь павильона 1202 кв. м,
из них в теплом контуре 601 кв. м

Алексей Муратов

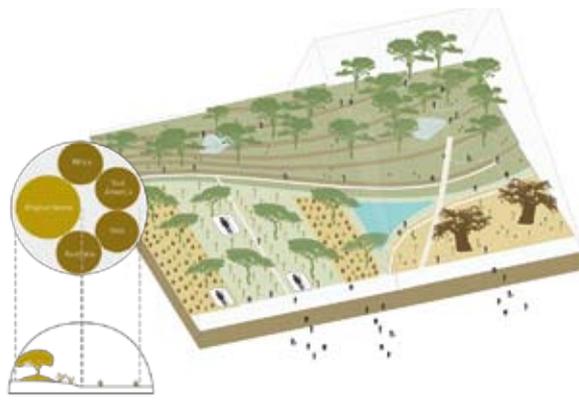
старая ферма, переоборудованная в Музей еды и образовательный центр

тематические павильоны

декуманус – проспект Мира

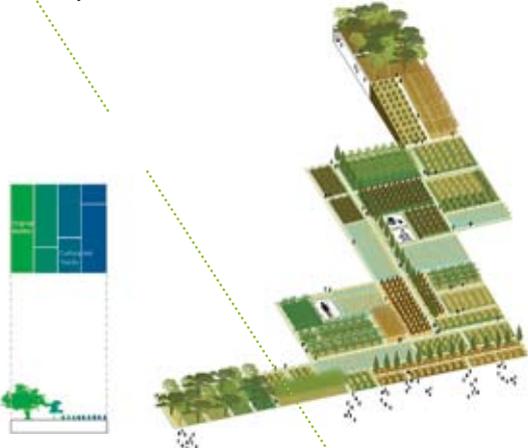
1 ВЛАЖНЫЕ ТРОПИКИ
тропический лес

2 СУХИЕ ТРОПИКИ
саванна

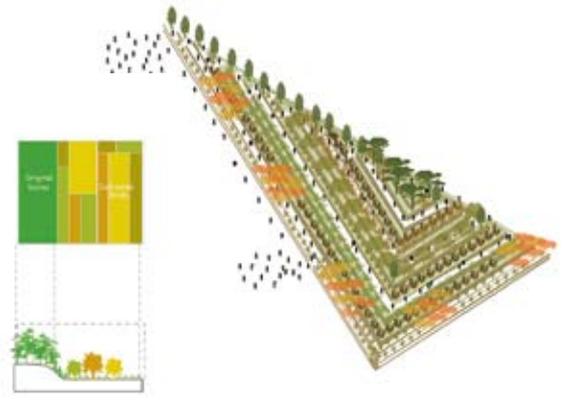

3 БЕЗВОДНЫЕ ТРОПИКИ
пустыня

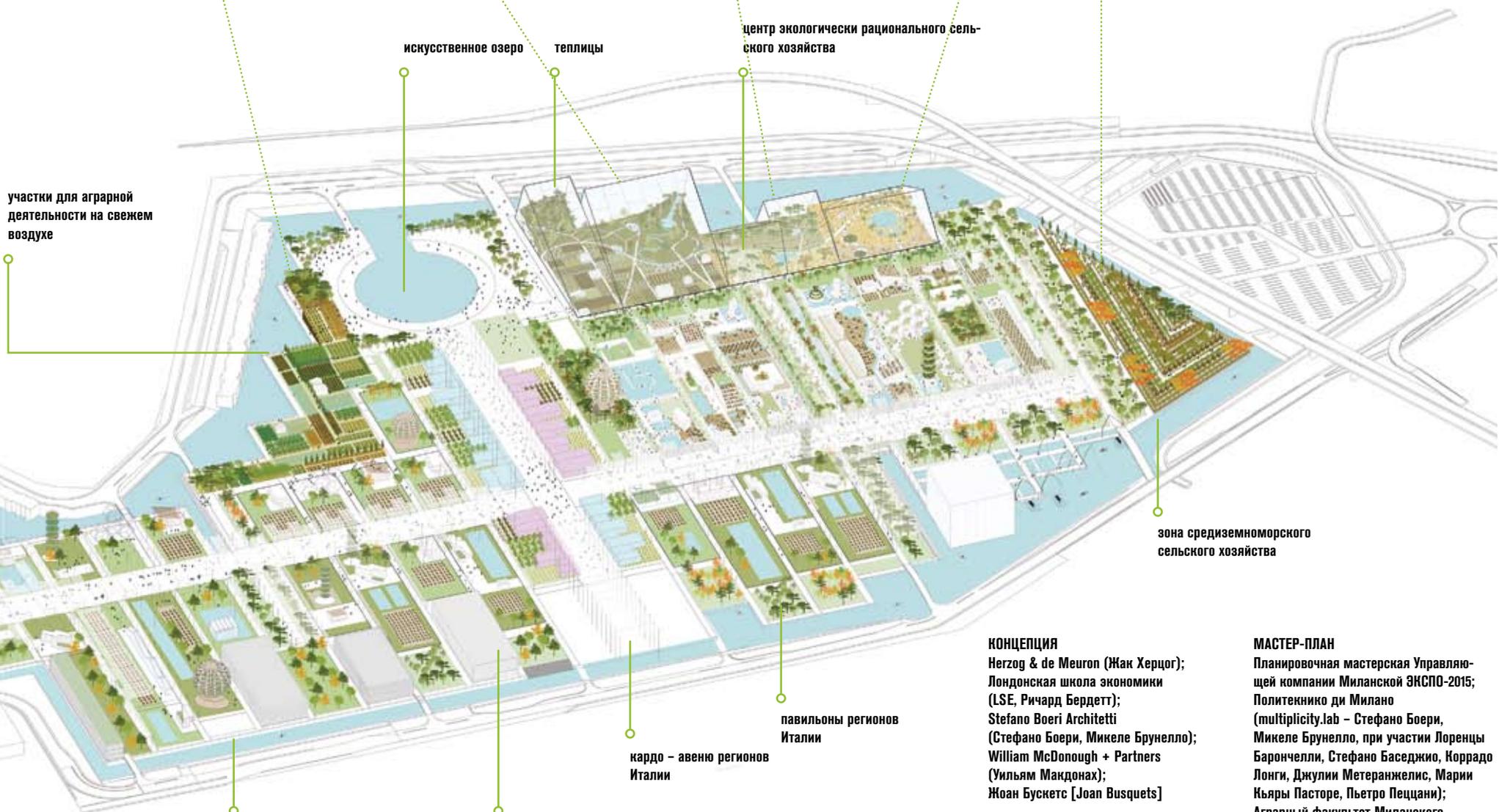

4 УМЕРЕННЫЙ КЛИМАТ
Северная и Центральная Европа

Биоклиматические теплицы, внутри которых воспроизводятся условия различных климатических зон. Цепочка данных теплиц фланкирует северо-восточную границу «огорода», ее площадь составляет более 5 тыс. кв. м. После закрытия ЭКСПО комплекс станет экспериментальной площадкой для пилотных проектов по экологически рациональному ведению сельского хозяйства

5 ЖАРКИЕ СУБТРОПИКИ
Средиземноморье

участки для аграрной деятельности на свежем воздухе

искусственное озеро

теплицы

центр экологически рационального сельского хозяйства

зона средиземноморского сельского хозяйства

тематические павильоны

павильон Италии

кардо – авеню регионов Италии

павильоны регионов Италии

КОНЦЕПЦИЯ
Herzog & de Meuron (Жак Херцог);
Лондонская школа экономики (LSE, Ричард Бердетт);
Stefano Boeri Architetti (Стефано Боери, Микеле Брунелло);
William McDonough + Partners (Уильям Макдонах);
Жоан Бускетс [Joan Busquets]

МАСТЕР-ПЛАН
Планировочная мастерская Управляющей компании Миланской ЭКСПО-2015; Политекнико ди Милано (multiplicity.lab – Стефано Боери, Микеле Брунелло, при участии Лоренцы Барончелли, Стефано Баседжио, Коррадо Лонги, Джулии Метеранжеллис, Марии Кьяры Пасторе, Пьетро Пеццани);
Аграрный факультет Миланского университета (Клаудия Сорлини, Стефано Бокки, Джакомо Элиза, Наталия Фумагали, Клаудио Гандольфи, Алессандро Точчолини, Джованна Санези, Джакомо Альтамурра, Стефано Гомараска, Андреа Порро, Роберто Спигароло)

Площадь территории – 971 000 кв. м

© Stefano Boeri Architetti

Рецепт зеленого города

Все ждут от «Сколково», что он станет цветущим городом-садом. Казалось бы, чего проще – разбил парк, подстриг газон, поставил дом на опушке. Живи и радуйся, бегай трусцой от работы до дома по дорожке с подогревом, проложенной между рощами и дубравами. Но этот романтический, даже поэтический образ – только верхушка айсберга, тоненький зеленый коврик, расстеленный на огромной глыбе, которая состоит из нормативов, инженерных сетей, источников возобновляемой энергии и технических инфраструктур... Всех тех скучных вещей, без которых современный город не сможет отвечать высочайшим требованиям экологичности, комфорта и энергоэффективности.

В начале 2012 года датская компания Ramboll завершила разработку «Зеленого кодекса», созданного по заказу Фонда «Сколково». Этот документ представляет собой детальный свод правил и рекомендаций, призванных помочь архитекторам в подготовке градостроительной и проектной документации. В нем собраны и сбалансированы все параметры, которые должны учитывать проектировщики в работе над генеральным планом и отдельными объектами. Инноград, наконец, получил свой собственный эталонный «зеленый метр». К этому документу участники проекта шли долгих два года. И с каждым шагом образ иннограда становился все менее расплывчатым.

ШАГ ПЕРВЫЙ В самом начале «зеленая» тема присутствовала в проекте лишь как абстрактная идея. Теоретически все понимали, что нужно соблюсти принцип «энергоэффективности», вошедший наряду с экологичностью, эргономичностью и экономичностью в концепцию «4Э», декларированную Борисом Бернаскони и Виктором Маслаковым на самом начальном этапе создания иннограда. Но что для этого нужно сделать конкретно, было неясно.

ШАГ ВТОРОЙ Появилась установка, что выбросы вредных веществ в городе должны быть максимально снижены, еще лучше – сведены к нулю, а отходы полностью переработаны. Эта установка получила визуальное воплощение на этапе выбора градостроительной концепции, принесла победу бюро AREP Ville и его «пяти «деревням».

ШАГ ТРЕТИЙ Работа над проектами районов продолжилась. При этом основой для планировочных поисков стало дружелюбное отношение к природе и человеку.

Одновременно с этим началась разработка ландшафтного дизайна и благоустройства. Акценты, разумеется, расставлялись в сторону сохранения природы в первозданном виде.

ШАГ ЧЕТВЕРТЫЙ Специалисты Фонда начали активно собирать информацию о возможных инженерных, технических, стратегических и структурных решениях, которые отвечали бы мировым экологическим и энергоэффективным стандартам, а также были способны обеспечить функционирование всей городской системы в соответствии с принципами устойчивого развития. Аккумулировался опыт и пер-

спективные наработки со всего мира, которые потенциально могли быть задействованы при реализации проекта «Сколково».

ШАГ ПЯТЫЙ Для того чтобы заставить две параллельные вселенные – архитектурно-градостроительную и инженерно-технологическую – пересечься, на этапе перехода от концепции к реальному проектированию понадобился инструмент, способный перевести цифровые показатели на язык, необходимый и понятный проектировщикам. Таким инструментом и должен был стать «Зеленый кодекс» «Сколково». Его подготовку поручили датской проектно-консалтинговой компании Ramboll, с успехом работающей по всему миру и имеющей четыре офиса в России.

Александр Малютин, директор Sustainable Design & Development компании Ramboll:

«Едва начав работу, мы столкнулись с необходимостью интегрировать новую терминологию, которая в русской лингвистике отсутствует как класс. Это было непросто, потому что некоторые понятия, например, holistic или sustainability, не имеют адекватных аналогов в русском языке. Их предстояло найти. В России крайне мало тех, кто может объяснить, что такое sustainability, еще меньше среди них проектировщиков. Это понятие многозначно и всеобъемлюще, каждый под ним понимает что-то свое. Обычно люди ограничиваются только самой упрощенной его трактовкой применительно к использованию тех или иных энергосберегающих гаджетов, не видят за ним целостной парадигмы, объединяющей в единую структуру экономику, эстетику, качество, экологию, энергоэффективность и социофункциональность. В этом и состоит суть sustainability – направленность на сбалансированное сочетание всех элементов для увеличения жизненного цикла объекта. Только если удастся совместить все кусочки, получится действительно «устойчивый» объект, удовлетворяющий требованиям любых систем сертификации».

ШАГ ШЕСТОЙ При разработке «Зеленого кодекса» специалисты Ramboll провели огромную аналитическую работу по сведению воедино нескольких разноплановых документов и нормативных баз: международного законодательства в области проектирования и строительства; свода норм, регламентов и правил, действующих сейчас в России; положений зеленых стандартов BREEAM (BRE Environmental Assessment Method) и LEED (Leadership in Energy & Environmental Design Standards). Последний, точнее, его разновидность LEED AP Neighborhood Development (американский стандарт проектирования и развития жилых районов), и стал основой для разработки «Зеленого кодекса», поскольку Фонд «Сколково» намерен сертифицировать генеральный план инновационного центра именно по этому стандарту. При разработке Кодекса также учитывался мировой опыт реализаций сходных по концепции и масштабу проектов.

ШАГ СЕДЬМОЙ Собранные данные прове-

рили на соответствие утвержденному генеральному плану иннограда, его программе, концепции «зеленого» транспорта, типологии жилой застройки, принципам инженерного оснащения и многим другим специфическим аспектам проекта. То есть применили многоуровневый фильтр. В результате в работе остались только те решения, которые соответствовали градостроительной концепции «Сколково» или могли быть трансформированы под нее. Эта адресность отличает «Зеленый кодекс» от большинства аналогичных документов, разработка которых слишком сложна и затратна, чтобы настолько узко локализовать область их действия.

ШАГ ВОСЬМОЙ Для подготовки «Зеленого кодекса» специалисты Ramboll впервые собрали воедино данные по всем факторам, необходимым для строительства города, соответствующего мировым параметрам sustainability и российским нормативам.

В «Зеленом кодексе» гармонично сочетаются положения, касающиеся архитектурно-планировочной, технической, инженерной, и даже социальной сферы этого города.

Александр Малютин: «В результате получился документ, отличный по содержанию и предназначению от своих источников. Нормативы носят обязывающий характер, а «Зеленый кодекс» – рекомендательный. Он не содержит оценочную матрицу, как система LEED, которая позволяет лишь классифицировать достигнутый результат, но при этом не дает ответа на вопросы, как его добиться. Мы стремились к тому, чтобы превратить наш документ в пособие, ориентированное на практиков. В нем собраны и сбалансированы все параметры, которые должны учитывать разработчики генерального плана и проектов планировок отдель-

ных территорий: характеристики застройки, транспортной и инженерной инфраструктур, ландшафта и т. д. Но это не жесткие, категоричные рамки, а тщательно выверенная система маяков, ориентируясь на которые проектировщик может сам определять способ достижения поставленной цели. Самое главное – передать ему понимание принципов и ограничений,

корреспондирующих с конкретными положениями системы LEED и концепции «зеленого» города «Сколково». В нашем документе есть своя философия. Мы хотели, чтобы «Зеленый кодекс» передал образ будущего иннограда. От того, удастся ли донести до проектировщика логику системы, зависит, насколько полно он сможет ее применять».

«Зеленый кодекс» состоит из семи глав:

- 1) Общие принципы и положения в области устойчивого градостроительного проектирования «Сколково»;
- 2) Адаптация к климатическим изменениям;
- 3) Основные функциональные зоны. Условия планировочной организации территории;
- 4) Озелененный ландшафт;
- 5) Сбалансированная транспортная инфраструктура;
- 6) Комплексная безопасность;
- 7) Техническая инфраструктура.

Первые главы посвящены общим вопросам обустройства будущего города, расстановке приоритетов в его застройке. Постепенно от обсуждения генерального плана, авторы переходят к детальному анализу совокупности качеств и требований, обеспечивающих устойчивое развитие города. Нормируется состав и параметры всех типов застройки: общественно-деловой, научно-производственной, жилой, социально-бытовой и культурной. Подробно перечисляются разновидности и характеристики зданий каждого типа. Отдельный раздел посвящен благоустройству, ландшафтному дизайну и оформлению общественных пространств, которым в концепции иннограда уделено большое внимание как наиболее наглядной демонстрации социального и экологического комфорта формируемой урбанистической среды.

Естественные и искусственные озелененные ландшафты «Сколково» составят не менее 40% от общей площади территории Инновационного центра. Высокий процент объясняется не только градостроительной концепцией AREP, но и требованиями LEED, в частности жестко регламентирующими водоохранные зоны, устанавливая запрет на строительство в радиусе 50 м вокруг водных и 15 м вокруг водно-болотных объектов.

В транспортной системе будут господствовать пешеходы и велосипедисты (50%). С помощью общественного транспорта резиденты и гости иннограда будут осуществлять 35% перемещений, а посредством автотранспорта – 15%. Допуск на территорию «Сколково» транспорта с двигателями внутреннего сгорания ограничивается спецтехникой: каретами скорой помощи, пожарными и снегоуборочными машинами, мусоровозами и проч. В Кодексе нормируются не только параметры улично-дорожной сети (определены габариты всех категорий улиц, проездов и проходов), но и транспортно-пересадочных узлов с перехватывающими парковками, логистическими центрами и мультимодальными хабами. Отдельным блоком выделены решения по защите территории «Сколково» от внешних источников шума и загазованности.

Одним из самых объемных разделов Кодекса является глава «Техническая инфраструктура». В ней говорится о комплексе мер для выполнения двух задач: обеспечения 50% общего объема энергопотребления города за счет возобновляемых источников; достижения показате-

лей потребления энергии, которые находятся ниже значений, предусмотренных международными стандартами. Для этого намечены четыре основных направления работы. Во-первых, в «Сколково» нужно обеспечить высокий уровень энергосбережения, а потребление электроэнергии снизить до минимума. Во-вторых, на территории иннограда следует создать высокоэффективные мощности по производству энергии, позволяющие комбинировать системы теплоснабжения, электроснабжения и холодоснабжения (система тригенерации). В-третьих, нужно развивать источники возобновляемой энергии. В-четвертых, технические решения энергосистемы не должны оказывать негативного воздействия на уровень комфорта резидентов и гостей «Сколково».

Кроме этих параметров, в «Зеленом кодексе» подробно описаны система утилизации отходов, водоснабжения и водоотведения, а также интеллектуальная инфраструктура управления инженерными системами.

Появление «Зеленого кодекса» в России трудно переоценить. Его значение выходит далеко за рамки проекта «Сколково». Кодекс должен активизировать процесс внедрения в российскую строительную практику принципов «устойчивой архитектуры». Пока что они проявлены у нас лишь на уровне использования энергосберегающих лампочек и установки счетчиков воды. А методы проектирования и строительства остаются прежними, в лучшем случае, отслеживается экологичность материалов. Количество объектов, претендующих на сертификацию по мировым стандартам, растет крайне медленно. Но чем лучше профессионалы будут понимать, что такое «зеленая» архитектура, тем шире будут распространяться эти принципы.

Поэтому так важно, чтобы требования «Зеленого кодекса», реализовываясь в «Сколково», повлияли на общую ситуацию в России. Особенно, если работа продолжится, и будет выпущен аналогичный документ, регламентирующий проектирование отдельных зданий и сооружений на территории «Сколково». Но уже сейчас в разработанном Кодексе есть три вещи, которые делают его актуальным для всего архитектурного сообщества: он ориентирован на проектировщиков, его рекомендации конкретны и реалистичны, они соответствуют российским нормативам.

Александр Малютин: «Мне кажется, сейчас российским проектировщикам важно научиться подходить к проектированию как к целостному процессу, в котором все взаимосвязано. Я надеюсь, что разработанный нами документ и те документы, которые, мы планируем подготовить в продолжение «Зеленого кодекса» применительно к проектированию отдельных зданий, а потом и к эксплуатации построенного иннограда, станут достоянием профессионального сообщества. «Сколково» – это площадка для апробации инновационных решений и для внедрения их в широкую практику. Наш «Зеленый кодекс» тоже может рассматриваться как инновация, а в дальнейшем стать поводом для обсуждения и даже основой для разработки национальных нормативов».

Новая градостроительная модель: Пермский период

Справка Пермь – город в предгорьях Урала, порт на реке Каме. Столица Пермского края. Население 991 тыс. человек (2010). Крупный промышленный, научный, культурный и политический центр Урала. Отличается инновационной градостроительной политикой. Первый город в России, имеющий стратегический мастер-план, который лег в основу генерального плана, ставшего документом территориального планирования на среднесрочную перспективу

Парадиз микрорайонного города. Авторский коллектив под руководством Бориса Рубаненко. Проект застройки Набережных Челнов, 1960–1970-е гг.

Государственный научно-исследовательский музей архитектуры им. А.В. Щусева

Градо – Россия

Происходящий в Перми эксперимент по разработке и внедрению в практику принципиально новой для России градостроительной модели вызывает у отечественных архитекторов и планировщиков или неподдельный интерес, или резкое отторжение – настолько это не похоже на все, что делалось в отечественном градостроительстве до сих пор. Присутствует в профессиональной среде и искреннее недоумение: зачем вообще эти инновации, зачем позвали голландских планировщиков для разработки мастер-плана уральского города? ❶ Да и к чему сам мастер-план, не предусмотренный ни градостроительным кодексом, ни инструкциями по разработке документов территориального планирования? Зачем внедряется квартальная структура застройки и жесткая регламентация ее параметров? Кое-кто смотрит на происходящее как на чудачество местного губернатора – мол, побалуется, успокоится, и все вернется на круги своя; кто-то пытается углыть корыстный интерес – нет же в отечестве расценок на мастер-планирование!

Проблема, однако, в том, что старая модель градостроительства, внедренная в СССР аж в хрущевские времена и остающаяся, с некоторыми косметическими изменениями, и сегодня основой российского территориального планирования, давно уже не отвечает на стоящие перед муниципалитетами

задачи. Заимствованная на Западе в конце 1950-х годов советско-постсоветская градостроительная теория восходит своими корнями к идеям французского урбаниста Тони Гарнье, еще в 1904 г. впервые предложившего разделить город на функциональные зоны ❷. Идеи эти были подхвачены Ле Корбюзье и зафиксированы в 1933 году Международным конгрессом современной архитектуры (CIAM) в библии модернистского урбанизма – «Афинской хартии», из 111 пунктов которой наиболее важны два: свободно расположенный в пространстве многоквартирный дом должен рассматриваться как единственно целесообразный тип жилища; основой градостроительства должен быть принцип жесткого функционального зонирования городской территории – отдельно труд, отдельно быт, отдельно отдых, отдельно транспорт. Эта идеология вкпе с декларируемыми тем же CIAM принципами рационализации и стандартизации строительства хорошо согласовывалась с принципами советской плановой экономики. Беда лишь в том, что даже в условиях планового хозяйствования она была нежизнеспособной, в стране так и не появилось полностью завершенных строительством жилмассивов с комплексным благоустройством и соцкультбытом.

Принципы «Афинской хартии» продолжают довлеть над отечественными градостроителями.

Между тем, на рубеже 1950–1960-х гг. – ровно в то время, когда мы начали внедрять эти принципы у себя в стране – на Западе они стали объектом жесточайшей критики, повлекшей за собой переосмысление подходов к регулированию застройки городов. Стало ясно, что развитие города останавливается, если из него исчезает мультифункциональная среда, подразумевающая многовариантность сценариев жизни, смешение людей, идей и капиталов, если складывавшаяся веками традиционная объемно-пространственная структура заменяется искусственно спланированной, если автомобиль оказывается в привилегированном положении по отношению к пешеходу. В период после 1961 г., когда в США вышла перевернувшая многие представления о городе книга Джейн Джекобс «Смерть и жизнь больших американских городов» ❸, американское и европейское градостроительство прошло большой путь, перестав смотреть на город лишь как на машину для жилья и работы и начав воспринимать его как сложный организм. Отечественные же планировщики были надежно ограждены от «буржуазного влияния» завесой секретности. Градостроители сплошь были «невыездными», а идеологическая их непорочность, в том числе в профессиональной области, надежно оберегалась цензурой.

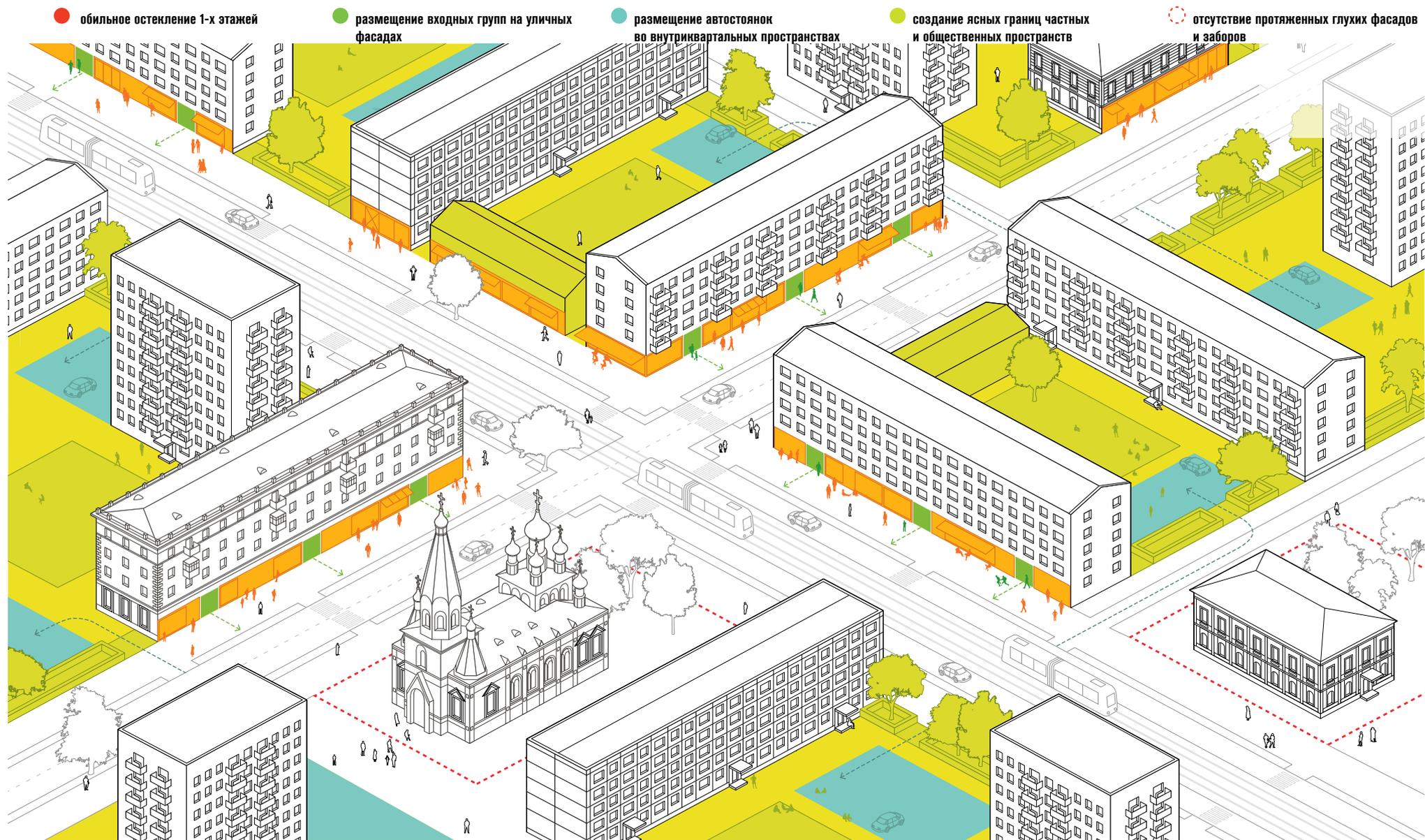
Генпланы в СССР не были доступны горожанам и разра-

батывались исключительно для обладающих соответствующими допусками чиновников Госплана и исполкомов местных Советов. В 1990-е такое градостроительство перестало быть востребованным даже чиновниками – любые проекты лишь мешали градорегулированию в «ручном» режиме, через личные указания глав администраций. Это продолжалось до тех пор, пока принятый в 2004 г. Градостроительный кодекс не установил запрет на выдачу разрешений на строительство при отсутствии правил землепользования и застройки (ПЗЗ) и на часть операций с землей для муниципалитетов, не имеющих документов территориального планирования. Норма получила неформальное название «Проблема-2008», поскольку ее планировалось задействовать в конце 2008 г., потом срок ее введения отодвинули до конца 2010-го, потом до 2012-го. Она стимулировала города и регионы к разработке градостроительной документации; беда лишь в том, что для проектирования достали все те же советские лекала, негодные в новых экономических реалиях.

Впрочем, чиновники муниципалитетов в тот момент по-прежнему не видели в генпланах и ПЗЗ инструментов, которые бы помогли в их деятельности. Хотя тем же Градкодексом еще пять лет назад был установлен запрет на требование согласований проектов, до настоящего времени

согласования остаются де-факто основным инструментом градорегулирования. Прописанная в законе возможность регламентации предельно допустимых параметров строительства через правила землепользования и застройки реально не задействуется. Муниципалитеты предпочитают минимизировать ограничения, предоставляя застройщикам и архитекторам формальную свободу творчества. В процессе подобного «творчества» и после окончания проектирования архитектурные решения становятся предметом торга с чиновниками, чему способствует не в последнюю очередь и запутанная система опять же советских по происхождению нормативов – СНиПов и СанПиНов, актуализированных в последние годы Минрегионом.

Город – сложный организм, развитие которого основывается на разрешении многочисленных конфликтов. Один из главных – перманентный конфликт между городским сообществом, заинтересованным в стабильности и эволюционном качественном развитии собственной среды обитания, и строительным, девелоперским бизнесом, для которого территория – в первую очередь средство получения прибыли. В этом конфликте важно соблюсти баланс интересов: горожане правы в своем желании спокойной жизни в комфортной среде, но кровь городов – деньги, и у них нет другого ресурса для развития,

Александр Карпов

Моделирование уличной активности. Рисунок, иллюстрирующий принципы организации городской среды, которых придерживается KСAP Architects & Planners – компания-разработчик мастер-плана Перми

1 В 2008–2010 гг. голландское бюро KСAP Architects & Planners под руководством Кейса Кристиансе разработало Стратегический мастер-план Перми, ставший первым подобного рода документом в России. См. подр.: Проект России. № 56. 2010. С. 57–122.

2 Фремптон К. Современная архитектура: Критический взгляд на историю развития. М.: Стройиздат, 1990. С. 148–155.

3 Дженобс Дж. Смерть и жизнь больших американских городов. М.: Новое издательство, 2011.

4 Национальный проект «Доступное и комфортное жилье – гражданам России» был провозглашен в качестве приоритетного президентом России В. В. Путиным в 2005 г.

кроме инвестиций. Блюсти баланс должна вроде бы власть, однако в последние десятилетия она чувствует себя свободной от обязательств перед горожанами, и ее представители действуют прежде всего в интересах бизнес-сообщества. Оттого в разрабатываемой муниципальной градостроительной документации, как правило, нет ничего, что способствовало бы повышению качества среды обитания, но обязательно присутствуют предложения по расширению территорий под капитальное строительство.

Доминирующая во властных кругах установка на наращивание объемов строительства и максимальное уменьшение его цены ведет к созданию преференций строителям, снижающим качество ради понижения стоимости. В формулировке «доступное и комфортное жилье» 4 вторая составляющая почему-то опускается. Активно возводятся жилмассивы из крупнопанельных многоэтажек на окраинах, возникают дома «малосемейки», в которых на один подъезд приходится по несколько сотен квартир-студий.

В полном соответствии со СНиПами в генпланах и проектах планировки задается жесткое разделение городской территории на функциональные зоны: спальные, деловые, промышленные, рекреационные. Не принимается во внимание при этом, что одни территории в данном случае активны днем,

но «вымирают» вечером, становятся небезопасными, а другие наоборот – активны утром и вечером, но пусты днем. Разделение города по функциональному принципу приводит к увеличению перемещений между его районами, усугубляя кажущуюся теперь уже вовсе неразрешимой транспортную проблему. Сам дух городской жизни убивается монофункциональностью, она не дает возможности для возникновения новых видов деятельности, новых бизнесов.

Наконец, имманентным свойством разрабатываемой в последние годы градостроительной документации является ее запредельная фантастичность. И в советское время генпланы городов исполнялись не более чем на 10–15%, сегодня же они превратились в фиктивно-демонстративные продукты, никак не связанные с реальными ресурсами бюджетов и возможностями привлечения инвестиций. Так, простой анализ действующего генплана Новосибирска показывает, что для заселения всех планируемых под застройку территорий численность жителей города должна как минимум удвоиться к 2030 г., а строительство запланированных дорог и мостов потребует ежегодных расходов в размере половины городского бюджета. Понятно, что этого не будет, и поскольку какая-то последовательность строительства генпланом не определена, дороги строятся

фрагментарно и связанной сети улиц не возникает. Очевидно, что не будет построено и шестидесяти предусмотренных генпланом станций метро (за предыдущие тридцать лет построено тридцать), но именно с их помощью предполагается решать транспортную проблему...

Эта фантастичность генпланов обусловлена тем, что они одновременно являются документами кратко-, средне- и долгосрочного планирования, причем все уровни планирования смешаны и никак не привязаны к реально имеющимся у города ресурсам. Генпланы разрабатываются на срок 20–30 лет. Обычно выделяется первый этап реализации (10–15 лет), и, согласно действующему СНиПу (разработанному аж в 1989 г.), градостроительный прогноз может охватывать 30–40 лет. И все «хотелки» губернаторов, мэров, их заместителей, приближенных к власти бизнесменов и самих градостроителей аккуратно врисовываются в проектную документацию.

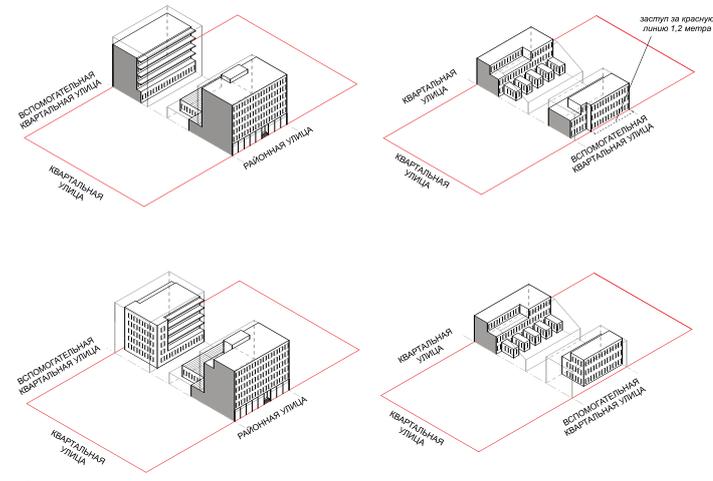
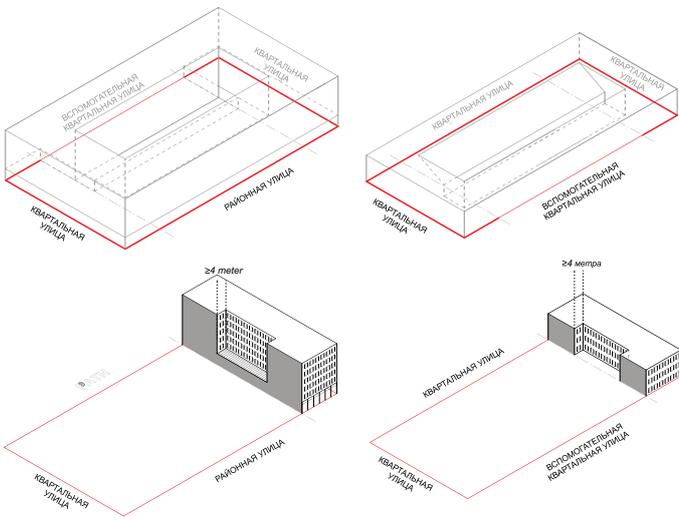
Пока градостроительная документация казалась мэрам неизбежным обременением, вопросов к ее качеству не возникало. Они появились, когда выяснилось, что «ручное управление» не работает, как прежде, а бюджеты приходится увязывать с планами территориального развития ... которых, по сути, нет! Еще больше вопросов появляется, когда мэры начинают задумываться над проблемами демографии, привлекательно-

сти города для жизни и бизнеса и о том, как качество городской среды может повлиять на эти факторы и как на них влияет градостроительное планирование.

Тогда становится понятным, что нельзя проектировать города по шаблону, под заказ домостроительного конвейера, что надо понимать уникальность поселений и каждый раз искать особые подходы, стремясь не просто заполнить территорию зданиями, но и получить ее новое качество, позволяющее, например, удержать на родине стремящихся в комфортную Европу молодых

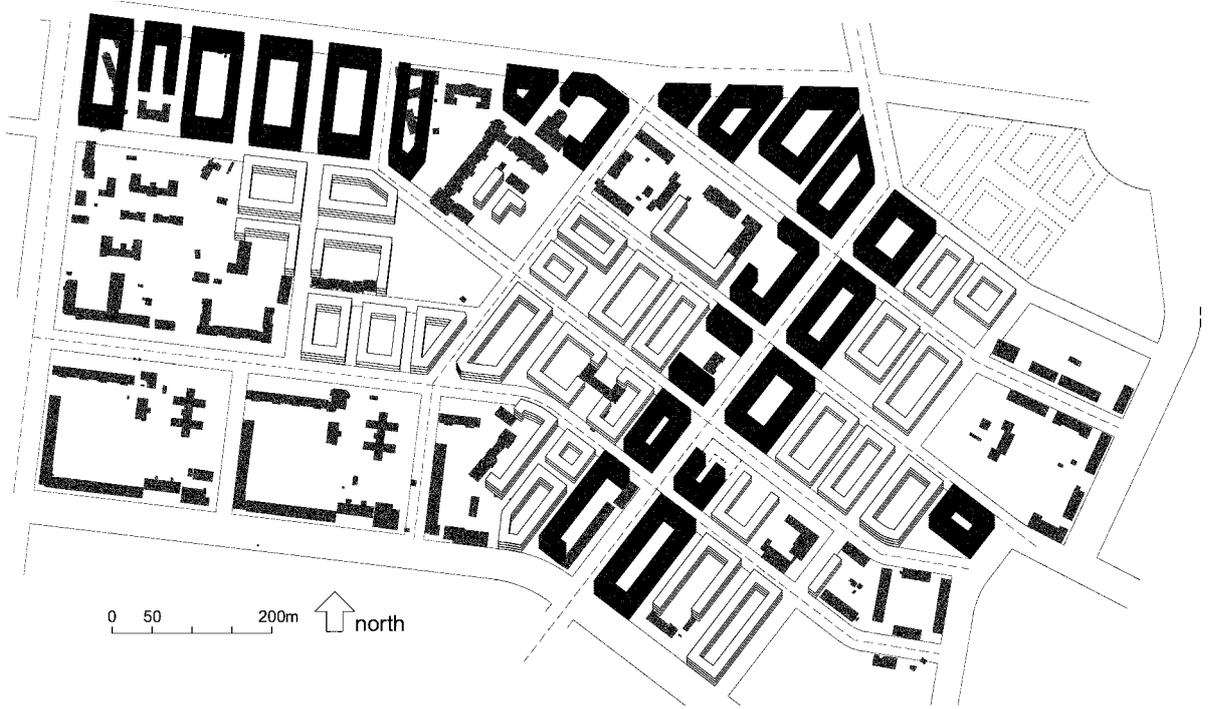
людей. Что нельзя проектировать «про запас» в расчете на рост населения, которое по факту сокращается, нельзя запускать проекты освоения новых территорий и развития инфраструктуры, не обеспеченные финансированием. Что необходимо отходить от зафиксированных в СНиПах норм социального равенства, переходя к нормированию параметров безопасности на федеральном уровне и установлению минимальных стандартов обеспечения благоприятных условий жизнедеятельности на муниципальном – гарантированной

**Александр Ложкин
архитектор, публицист,
куратор, Пермское бюро
городских проектов**

КСАР Architects & Planners. Мастер-план района Дворца культуры железнодорожников в Перми. Аксонометрия новой застройки

- 6 этажей, глубина корпуса 14 м
- 4 этажа, глубина корпуса 12 м
- 3 этажа, глубина корпуса 12 м

Схемы, иллюстрирующие регламентацию предельно допустимых параметров трех- и шестизэтажной застройки в проекте планировки района Дворца культуры железнодорожников в Перми. Застройка допускается с «нулевым» отступом от красных линий районных и квартальных улиц; фасады, выходящие на вспомогательные квартальные улицы, заменившие в новой типологии внутриквартальные проезды, могут отступать от красной линии не более чем на 1,2 метра, на столько же могут выступать за красную линию козырьки, крыльца или эркеры. Глубина застройки установлена в 16 м, на уровне 1-го этажа она может быть увеличена до 30 м для размещения торгового зала магазина или скрытой парковки с устройством двора на крыше. Высота помещений 1-го этажа, выходящих на районные улицы, устанавливается не менее 4 м для того, чтобы не возникало проблем с использованием их под нежилые функции

5 Разработан пермским муниципальным предприятием «Бюро городских проектов», выступавшим также заказчиком Стратегического мастер-плана города.

6 В момент принятия генплана еще не действовало положение Градостроительного кодекса, по которому минимальный срок действия генплана устанавливается в 20 лет.

7 Maccreanor Lavington Architects (Нидерланды, Великобритания), Leon Wohlhage Wernik Architekten (Германия), Architecten Cie (Нидерланды), DKV Architecten (Нидерланды), Fink + Jocher Architects and Urban Planner (Германия), SeARCH (Нидерланды) и Arons en Gelauuff (Нидерланды).

не на словах, а на деле социальной справедливости. Наконец, вряд ли сегодня каждый из муниципалитетов может рассчитывать на соответствующее аппетитам генпланов федеральное финансирование: олимпиад, универсиад и саммитов на всех не хватит, надеяться можно лишь на собственные источники доходов и ограниченные бюджетные трансферты.

Отказ от существующей в России парадигмы градостроительного проектирования – мера вынужденная, связанная с ее архаичностью и нежизнеспособностью. Пермь раньше других городов начала искать отличную от советско-постсоветской модель городского планирования. Этому способствовало и то, что здесь в числе первых в России в 2004 г. утвердили новый генеральный план и первыми отменили его. В апреле 2007 г. по иску трех горожанок, возмущенных застройкой городских лесов, районный суд признал генеральный план Перми недействующим. После этого началась разработка принципиально нового для нашей страны документа – Стратегического мастер-плана города, к работе над которым привлекли одного из ведущих мировых урбанистов голландца Кейса Кристиансе и его компанию КСАР. Мастер-план взял на себя роль «градостроительного прогноза» – стратегического видения будущего города, предложив его идеальную модель, а также набор стратегий, с помощью

которых можно прийти к идеалу. Главной задачей мастер-план провозгласил улучшение качества жизни за счет улучшения качества городской среды. Достичь этого, по мнению разработчиков, можно за счет отхода от традиционного для отечественного градостроительства экстенсивного развития, связанного с микрорайонной застройкой свободных полей и лесов на окраинах, и перехода к реконструкции уже застроенных районов путем повышения плотности урбанистической ткани, ее консолидации на основе традиционной сетки кварталов с четким разделением пространств на private и общественные. Повышая качество общественных пространств, можно добиться роста инвестиций в прилегающие земельные участки. Типология строящегося жилья должна быть существенно расширена, причем приоритет необходимо отдать не доминирующим сегодня 16–25-этажкам и не малоэтажным коттеджам, а гуманной среднеэтажной застройке. Важно, чтобы не возникали монофункциональные зоны; чтобы город имел проницаемую, хорошо связанную структуру улиц, удобных, прежде всего, для пешеходов; чтобы возникла сбалансированная система общественного транспорта, более качественного и быстрого, чем индивидуальный, и способного заставить автомобилистов отказаться от своих машин.

Идеи мастер-плана было предложено реализовывать

посредством девяти стратегий. Стратегия красных и зеленых зон разделила все городские земли на те, в пределах которых допускается и поощряется городская застройка (красные зоны), и те, где она невозможна (зеленые зоны – ландшафты и общественные пространства). Стратегия ландшафта направлена на сохранение и улучшение состояния природного окружения города. Стратегия приоритетов определяет с учетом имеющихся потребностей и ресурсов, в какой очередности могут быть реализованы положения мастер-плана. Стратегия транспорта ищет

пути достижения оптимального баланса между различными видами передвижений, снижения напряженности на дорогах, создания более безопасных улиц. Стратегия общественных пространств обращает внимание на роль, своеобразие, качество функциональной программы и характер публичных территорий. Стратегия смешанного использования делает акцент на важности перехода от старой парадигмы зонирования по функциям к модели землепользования, основанной на многофункциональном характере пространств. Цель стратегии кварталов заключается в улучше-

нии качества городской среды за счет установления четких пространственных границ между частными и публичными территориями, регламентации застройки на различных уровнях. Стратегия наследия развивает идею необходимости сохранения памятников для восстановления целостности застройки и поддержания ее исторического своеобразие. Наконец, стратегия периферийных территорий дает рекомендации по переносу основных принципов мастер-плана на отдаленные районы города.

Мастер-план решает задачу «горизонта планирования»,

Вид с птичьего полета квартала, строящегося на месте старого пермского речного порта по проекту победителей международного конкурса – немецкого бюро KSP Engel und Zimmermann Architekten

Рекомендации КСАР по устройству первых этажей

1. Граница частного и общественного

Граница частных и общественных территорий должна быть четко физически определена. Она не может быть виртуальной. Возможны решения этой границы в виде зданий, перепадов высот, прозрачного ограждения, разных типов благоустройства, кустарника

2. Открытость и взаимодействие

Первые этажи зданий должны вносить вклад в формирование оживленной городской среды, иметь достаточно открытый характер, чтобы стимулировать оптические и физические взаимодействия между интерьером и открытым общественным пространством, а также способствовать повышению социального контроля за тем, что происходит на улицах

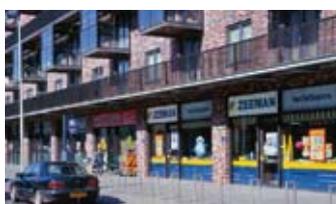
3. Высота этажа

Первые этажи призваны быть более высокими, чем остальные. В зависимости от категории улицы их высота может колебаться от 3,5 до 4,5 м. Исключением являются этажи, расположенные в цокольной части

4. Входы

Входы в здания должны быть акцентированы. Возможные перепады высоты между тротуаром и полом первого этажа решаются внутри здания. То есть тамбур находится в одном уровне с улицей. Исключение могут составлять боковые улицы, когда элемент входа, например крыльцо, располагается вне общего объема здания, но в пределах красных линий

5. Реклама

Общее правило заключается в том, что место и вид рекламы должны быть заданы архитектором во время проектирования здания. Тип и размер рекламы должны соответствовать категории улицы, на боковых улицах возможны только именные таблички

По проекту КСАР Architects & Planners на месте психиатрической больницы в Перми должна появиться по-европейски плотная смешанная застройка, обеспечивающая разнообразие архитектуры и комфортность городской среды

прогнозируя возможное благоприятное развитие города на достаточно долгий, даже, можно сказать, неопределенный срок. Реальные планы по развитию города в ближайшей обозримой перспективе сформулированы в разработывавшемся параллельно с мастер-планом и на его основе документом, который называется вполне традиционно: «Генеральный план города Перми» ⑤. В отличие от упоминавшихся выше генпланов, пермский максимально конкретен и опирается только на имеющиеся в распоряжении муниципалитета ресурсы и на те инвестиции, которые реально возможно привлечь в город. Срок реализации первого, детально прописанного и просчитанного этапа – шесть лет, закончить реализацию второго этапа предполагается через двенадцать лет ⑥. Продолжительность этапов генплана кратна срокам, принятым у нас в бюджетном планировании, – трехлетним финансовым планам. Таким образом, Стратегический мастер-план решает вопросы долгосрочного планирования, генплан – средне- и краткосрочного; уровни планирования разведены и различаются по степени стратегирования и конкретности. Работа над Стратегическим мастер-планом Перми была закончена в мае 2010-го, в декабре того же года был утвержден генплан. Через план реализации генплан достаточно безболезненно увязывается с бюджетными реалиями.

Важно, что в новой градостроительной модели удалось уйти от иерархической, «матрешечной» системы территориального планирования, когда проекты разрабатываются последовательно и документ более низкого уровня лишь конкретизирует положения документа, разработанного ранее. В системе градостроительной документации Перми, в строгом соответствии с идеологией Градостроительного кодекса России, каждый документ решает собственную задачу. Так, система зонирования в генеральном плане отличается от системы зонирования правил землепользования и застройки. По генплану все территории города, где возможна жилая застройка, классифицированы в восемь стандартных территориальных нормирования. Далее эти параметры транслируются в местные нормативы градостроительного проектирования и регламенты,

но ровно в той мере, в которой это необходимо и возможно. Все нежилые территории города отнесены к территориям ситуативного проектирования. Здесь есть зоны, основное назначение которых может меняться (например, «промышленно-торговая»), и зоны, в принципе не предназначенные для застройки – рекреационных и специальных объектов или сельскохозяйственного использования.

Сейчас в Перми идет разработка местных нормативов градостроительного проектирования и регламентов застройки. В результате должна возникнуть универсальная система предельно допустимых ограничений, исключающая возникновение произвольных, не обусловленных характером существующей застройки зданий и сооружений, позволяющая регламентировать новое строительство без полузаконных согласований с главным архитектором города и градостроительным советом, без «ручного» вмешательства в процесс. В конце концов, градостроительный план земельного участка может быть установлен проектом, как предусмотрено градостроительным кодексом, а не выдаваться по запросу, как это практикуется сейчас.

Новые принципы и регламенты, а также новые бизнес-модели, при помощи которых может вестись реконструкция застроенных территорий, проверяются в четырех пилотных проектах планировки. В двух из них (Порт Пермь и Крас-

План типового этажа с классификацией проектируемых зданий

- Бизнес-плюс
- Бизнес
- Эконом
- Существующие здания

ные казармы) есть генеральные инвесторы, готовые комплексно осваивать принадлежащие им земельные участки. В 179-м квартале, на месте бывшей психиатрической клиники, застройка будет вестись по принципу «корпорации развития». Территория разбита на кварталы, к участию в проектировании которых приглашены семь архитектурных бюро из Европы ⑦. Далее кварталы будут предложены под строительство разным инвесторам, уже с готовыми проектами и обеспечением инфраструктурой. Еще один проект планировки (район Дворца культуры железнодорожников) предполагает более гибкий подход: реконструироваться могут как кварталы в комплексе, так и отдельные земельные участки, муниципалитет определяет лишь предельно допустимые параметры, способствующие появлению здесь городской среды надлежащего качества, застройщик же сам выбирает архитектора и класс недвижимости, которая может возникнуть.

Такое многообразие вариантов освоения реконструируемых территорий позволяет найти свою нишу на строительном рынке города не только крупным компаниям, но и малому и среднему бизнесу. Это, а также снижение рисков и сокращение сроков предпроектной и проектной стадий строительства, возникающее благодаря формализации требований к параметрам зданий, не может в конце концов не ска-

заться благоприятно на стоимости работ. А не это ли одна из провозглашенных государством задач?

Есть ли проблемы с реализацией новой градостроительной модели в Перми сегодня? Безусловно. Есть непонимание определенной части архитектурного сообщества, не желающей работать в рамках четко прописанных регламентов. Есть неуверенность в экономической эффективности среднеэтажной застройки у многих девелоперов, реализующих сегодня только проекты большой этажности. Есть, в конце концов, излишняя регламентация в федеральных нормах различных параметров, не имеющих отношения к безопасности. Однако все это решаемые проблемы. Важнее, что внедрение новой модели обеспечено политической поддержкой на уровне города и края, у руководства которых есть четкое понимание, что без изменения качества среды обитания и при продолжении экстенсивной градостроительной политики, проводившейся в 1990–2000-е гг., город будет лишь деградировать. Сегодня Пермь имеет четкую и детально прописанную программу выхода из тупика и последовательно идет по этому пути.

Высшая мера

В фокусе – **Образование**

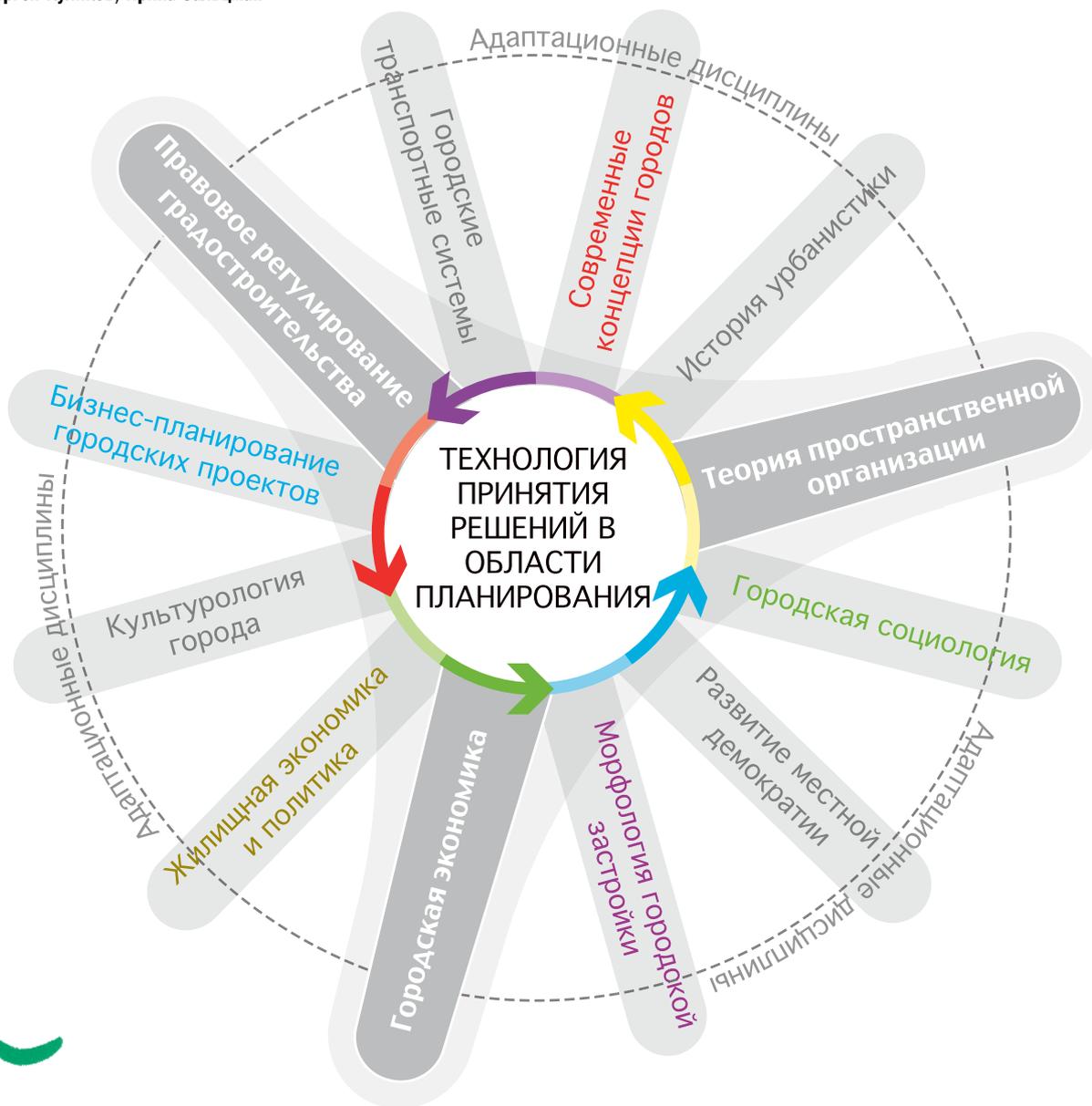

Схема представлена Высшей школой урбанистики – Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Специальности «урбанист», равно как и специализации «городское планирование» (urban planning) в реестре отечественной высшей школы нет, при том что фактическое отсутствие профессионалов такого рода ощущается даже на районном уровне. Первым шагом, призванным изменить данную ситуацию, явилось инициированное Вячеславом Глазычевым открытие кафедры территориального развития на факультете государственного управления Российской академии народного хозяйства. Но пока самой масштабной попыткой такого рода следует признать образование летом 2011 г. Высшей школы урбанистики при Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики». Пока прошел только один семестр, и говорить о результатах рановато, тем не менее *i+U* решил обсудить с деканом ВШУ Александром Высоковским учебную программу этой институции и стратегию выхода из кризиса урбанистической специальности в России.

В чем разница между градостроительным образованием в МАРХИ и в ВШЭ?

Разница в мировоззрении. Советское градостроительство и архитектура понимались как деятельность, имеющая один общий корень – строительство. Архитекторы делали проект, а градостроители формировали проектную ситуацию для этого здания.

Можно ли сказать, что кафедра в МАРХИ несостоятельна и требует преобразований?

Нет, нет и нет. В нашей деятельности есть промежуточный масштаб, в котором роль архитектора, работающего над крупными городскими фрагментами, важна и принципиальна, и без него ничего не сделаешь. Другое дело, что у архитектуры и урбанизма, как у двух полюсов, совершенно разные основания. Урбанистическая деятельность, градостроительство – это деятельность в рамках не строительства, а управления. Это управление развитием территорий, составляющими которого являются различные процессы, связанные с человеком: социальные, экономические, технологические, в том числе и строительство. Если архитектура работает с формами и объектами, наполняя их в ходе эксплуатации человеческим содержанием, то урбанизм «выращивает» места, «выращивает» людей, связанных с тем, что их окружает.

Но между двумя крайними точками зрения есть некоторая промежуточная сфера. Можно сколько угодно обсуждать, какими механизмами, средовыми и планировочными действиями вы должны оформить территорию и как ее развивать, но наступает момент, и всему, что вы придумали, надо придать форму. И эта форма придается путем архитектурного проектирования. Это и есть градостроительство –

промежуточный масштаб между архитектурой и урбанизмом.

То есть традиция пластического градостроительства, которой следуют в МАРХИ, и сейчас сохраняет свое прикладное значение?

Да. У них совершенно другая «делянка», которая очень важна. Я бы хотел напомнить одну любопытную вещь. Мишель Фуко показал, что современные урбанистические теории появились примерно в XVIII в., но их придумали не те, кто занимался строительством и прорисовыва-

вал пластическое тело города, а парижские врачи-гигиенисты, которые обратили внимание на зависимость качества жизни от санитарии. Именно тогда стали появляться первые канализационные системы в масштабе города, тогда же была выявлена палочка холеры в воде и стали заниматься очисткой источников водоснабжения, проветриванием и т. д. Родилась новая наука – гигиена, оказавшая серьезное влияние на организацию города, стимулировавшая первые градостроительные действия, связанные

с зонированием города, определением мест размещения стоков, кладбищ и т. д. Тогда же Шодерло де Лакло, будучи еще и офицером-артиллеристом, придумал нумеровать дома по четной и нечетной стороне. Позже барон Осман проложил магистрали в Париже, чтобы солдаты из периферийных казарм могли быстро, по прямой, дойти до центра. Последнюю точку в истории появления на свет современной урбанистики поставил замечательный журналист Фридрих Энгельс, который показал зависи-

мость между социальным классом и условиями организации пространства и сделал это настолько ярко, что его книга «Положение рабочего класса в Англии» стала основным учебником градостроителей на сто с лишним лет вперед. Вот эта линия осмысления города в экономических, экологических, гигиенических терминах – очень важна.

На каких принципах построена ваша учебная программа, и как она структурирована?

Программа строится на четырех принципах:

1) Исследование процессов в пространстве. Если есть пространственная составляющая, если процесс меняется в зависимости от местоположения, если он разложен так, что мы видим, что происходит в центре, а что на периферии – это и есть урбанистика. Если вы изучаете какой-то процесс и фиксируете, что на уровне города статистика убийств три на тысячу жителей в год, это еще не урбанистика. А если вы скажете, что в центре это одно убийство на тысячу, а на периферии – пять, то здесь уже появился пространственный аспект;

2) Обязательность сочетания гуманитарных дисциплин с техническими. Урбанистика подразумевает знание и проявление таких технических дисциплин, как строительная инженерия, коммуникация, транспорт и т. д. Но все это имеет смысл, только если мы одновременно принимаем во внимание ценности людей, проживающих на территории, понимаем, к чему они стремятся, каковы стереотипы их культуры, какие смыслы порождаются в результате произведенных нами проектных действий. Гуманитарное и техническое знания сцеплены и идут бок о бок. Гуманитарные дисциплины – это антропология и культурология, куда входят история урбанистических течений и история города в антропологическом аспекте. Если человек не читал, например, Макса Вебера, то ему не стоит считать себя урбанистом;

3) Междисциплинарность. Не просто рассмотрение двух-трех дисциплин, а принципиальная возможность одно и то же явление интерпретировать в разных предметных проекциях. Этому мы учим студента, и он должен эти навыки воспроизвести;

4) Количественный и качественный методы исследования. Учебный процесс структурирован следующим образом. Сначала идут адаптационные дисциплины. К нам приходят бакалавры из разных вузов – от гуманитариев (лингвисты, юристы) до экономистов, архитекторов и географов. Их надо подравнять. Адаптационный курс позволяет гуманитариям подучить математические методы описания и анализа (как составлять таблицы, считать корреляции и т. п.), мы учим всех рисовать в компьютерных программах, учим пространственному географическому анализу. Ключевым для нас является курс

экономики, основы экономической теории. Дальше идет блок базовых дисциплин: а) история урбанистических учений и культурология города; б) территориальное планирование; в) правовое регулирование; г) экономика города. Плюс муниципальное управление. Дисциплины все короткие, кроме территориального планирования. Помимо этого большой шлейф дисциплин (около десятка), которые студенты выбирают сами и которые позволяют специализироваться. Например, гражданские инициативы и организация местной жизни, социологические исследования, культурный ландшафт города, транспортные системы, инженерные коммуникации, морфология застройки. Я читаю теоретический курс пространственной организации и структуры городов, который помогает поставить мышление о городе. Все дисциплины мы стремимся давать не столько в учебно-методическом ключе, сколько в практическом. При этом все должно быть очень свежее, сегодняшнее, то, что нельзя прочитать в учебнике.

Как административно устроена ВШУ при ВШЭ?

Раньше «Вышка» имела два типа подразделений: факультеты (учебные подразделения) и институты (научные подразделения, в которых нет учебного процесса). Теперь появились еще и школы, сочетающие обучение с исследованиями. Урбанистика – одна из подобных школ. Она самостоятельна, наряду с факультетами и институтами; тут нет кафедр, а структурирующим элементом является программа, т. е. школа создается для того, чтобы делать учебные магистерские программы и вести исследования теми силами, которые осуществляют программы.

Среди двадцати преподавателей в какой пропорции представлены специалисты из разных областей и кто какую область репрезентирует? Какие есть знаковые фигуры?

У нас все знаковые. Это наиболее компетентные в своих дисциплинах люди в стране. Экономику города и жилищную экономику читают Надежда Борисовна Косырева и Александр Сергеевич Пузанов, руководитель Института экономики города. Герман Юрьевич Ветров ведет курс муниципального управления, Эдуард Константинович Трутнев – разработчик Градостроительного кодекса – ведет курс экономики города. Сергей Борисович Сиваев читает инженерную инфраструктуру. Это базовый костяк специалистов Института экономики города. У нас также преподает Олег Артемович Баевский – автор Генерального плана Москвы, про транспорт читает Михаил Яковлевич Блинкин, про культурный ландшафт – Алексей Викторович Новиков, управляющий директор Standard & Poor’s в России и СНГ. Есть преподаватели из ВШЭ – Виктория Константиновна Антонова, доктор социологических наук, Елена Сергеевна

Шомина, доктор политологии, а также Алексей Валентинович Крашенинников из МАРХИ, ведущий курс градостроительной морфологии.

Каков состав студентов, если говорить об их предыдущей специализации?

На двадцать бюджетных мест поступило 56 заявлений: четверть – архитекторы, дальше равномерно распределены социологи, лингвисты, экономисты, географы и менеджеры. Пришел даже один теоретический физик. Москвичей и жителей области примерно половина. В результате мы приняли 26 человек – по представленным портфолио, куда вошли статьи, проекты и исследования. Один из важных принципов нашего обучения – принцип практической работы. Мы учим не теориям, а компетенциям – наш студент должен приобрести определенные умения и знать, куда эти умения приложить. Поэтому мы будем пытаться приучить людей к работе в междисциплинарных командах, составленных из архитекторов, экономистов, социологов.

Сколько делятся семинары, какие задействованы другие формы обучения?

Обучение длится два года. В первый год делается курсовая работа – мостик к магистерской диссертации, а на следующий год пишет собственную диссертацию. Основной упор мы стремимся сделать на проектные и теоретические семинары. Сейчас мы готовим совершенно новую систему преподавания, связанную с ГИС , с коллективной работой на компьютере. Каждый студент решает ту или иную задачу, моделирует поведение какой-либо социальной группы в городской среде, затем на центральном компьютере они все сводятся вместе. В результате студенты непосредственно видят все то, что им рассказывалось на лекции о поведении человека в городе. Получается своеобразный симулятор городской жизни, своего рода игра, где действующими лицами являются сами студенты. Это современная интерактивная процедура образования, разработанная мною и связанная с проникновением многомерной ГИС-системы.

При разработке программы ВШУ на какие западные курсы вы опирались, или использовались наработки нашей высшей школы?

Центральным ядром западных программ является курс *urban planning* или *urban studies*. Таких программ в США и Канаде около ста тридцати, из них только восемнадцать бакалавриатов. В самых известных курсах всего понемножку: и право, и пространственный анализ, и социология, и экономика, и управление, и транспорт. Мы же собрали все дисциплины вокруг одного общего стержня – пространственных решений. Это ключ нашей программы. Мы учим и даем людям умения и компетенции

в принятии именно пространственных решений. Это могут быть экономические решения, социальные, управленческие, строительные – неважно. Важно, что они сделаны с осмысленной пространственной составляющей.

Что будет написано в дипломе у ваших выпускников?

В ВШЭ пока нет градостроительной лицензии, поэтому в дипломе будет написано: менеджер в системе государственного муниципального управления. В 2012 году мы хотим начать новую программу. Она будет очно-заочная, платная и уже в рамках градостроительства, поэтому в дипломе будет написано: градостроитель.

Давайте поговорим о городе. Насколько динамично сейчас меняется город как организм? В какой мере теория отстает от реальной ситуации?

Последние 20–30 лет мы наблюдаем бум городского развития, это происходит и у нас, и на Востоке, и на Западе, и в Азии. Российский город за эти годы изменился невероятно. Не было такого количества кафе, магазинов, мест досуга, различных развлекательных центров. Однако российская специфика заключается в том, что от этого городская среда не стала лучше. Хищнические интересы бизнеса не сдерживаются городскими властями. Публичные пространства хаотично захватываются, распродают. Это одна из самых тяжелых на сегодняшний день проблем – выпадение публичных пространств из сферы муниципального интереса, не говоря о государственном, который в России традиционно сосредоточен на жилье. Таким образом, состояние российских городов во многом является противоречивым – со всеми транспортными, энергетическими и прочими проблемами, и важно определиться, почему это происходит. На мой взгляд, ключевой ошибкой, приведшей к такой ситуации, является несовершенство системы управления по всем позициям: по подготовке управленческих кадров, по наличию правильных мировоззренческих и методических установок, с помощью которых система управления могла бы принимать те или иные решения. Можно сколько угодно тратить деньги на улучшение городской среды – ничего не заработает, пока не будет грамотного специалиста в системе управления.

Насколько эффективно переносить западные наработки на нашу почву, или местные условия слишком специфические?

Да почему специфические? Есть позитивный опыт, который применяется в Мексике, Бразилии, Франции, США. Сам по себе ни один опыт нельзя взять и механически перенести. Но если брать отработанные схемы и начать их использовать, то они адаптируются. Вся система регулирования, правового зонирования родилась на Западе, но мы ее адаптировали к местному законодательству

и нашей системе. Другое дело, что наши специалисты не хотят ею пользоваться. При этом я не сторонник того, чтобы механически привлекать западных специалистов и брать готовые рецепты без предварительной адаптации, как это случилось, например, в Перми при разработке мастер-плана .

Можно ли сейчас говорить об отечественной школе урбанистики, которая зарождалась в 1920-е годы? Можно ли вообще говорить о школе отечественной урбанистики в современном понимании?

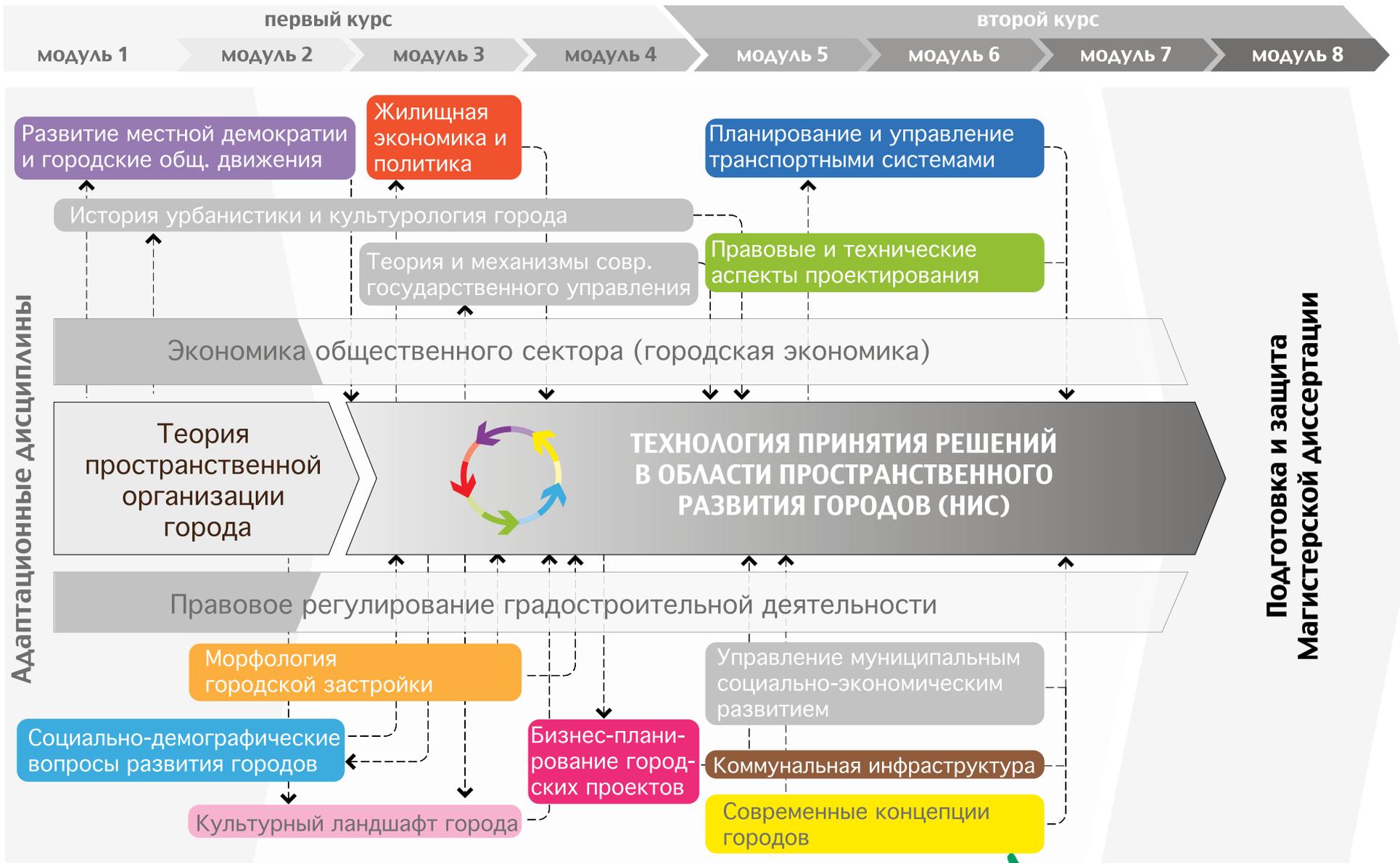
Я бы поостерегся. В советский период были крупные фигуры в градостроительстве, но школы как таковой не было. Да и западные школы – вещь не такая частая и сильная. Можно выделить Чикагскую школу, но это школа городской социологии, школа исследовательская, которая утверждала идею некой регулярности в пространстве города, ценности соседства и возможности планирования городского развития. Существует Лос-Анджелесская социологическая школа, которая сложилась на основе европейской философии иррегулярного пространства. Были крупные градостроительные идеи в 1960-е гг., связанные с экистикой Доксиадиса и моделями крупных агломераций в духе Патрика Аберкромби. В советском же градостроительстве были просто сильные, знаковые фигуры, такие как Илья Моисеевич Смоляр или Виктор Владимирович Владимиров, а школы собственно не было.

Как вы относитесь к довольно радикальному утверждению Глазычева об отсутствии у нас в данный момент городов как таковых? Насколько вы с ним согласны?

Не согласен – города есть, просто они другие. Они не похожи на то, что в западной культуре принято называть городом, а именно – на мощные сообщества, построенные на принципах выборности мэра, прямой демократии, то есть непосредственном участии социальных субъектов в принятии решений, на сообщества, которые постоянно и придирчиво контролируют процессы управления территорией и распоряжения бюджетом. Такого социального развития, продуктивного действия в отношении городского пространства у нас нет. Здесь другой город, и по-другому устроенная городская социальность. Когда руководитель города поставлен сверху и зависит только от вышестоящих начальников, а не от жителей, ему их интересы не так важны. Еще хуже устроен бюджетный процесс, когда основная доля всех доходов консолидируется наверху, а потом спускается тем, кто лояльнее, и не прямо зависит от доходов, зарабатываемых на этой территории. Парадокс в том, что у нас экономика может быть сколько угодно большой, а городская среда отвратительной. Я бы сказал так: Глазычев совершенно прав, когда в полемике говорит такие вещи, тем самым заостряя проблему, что городское

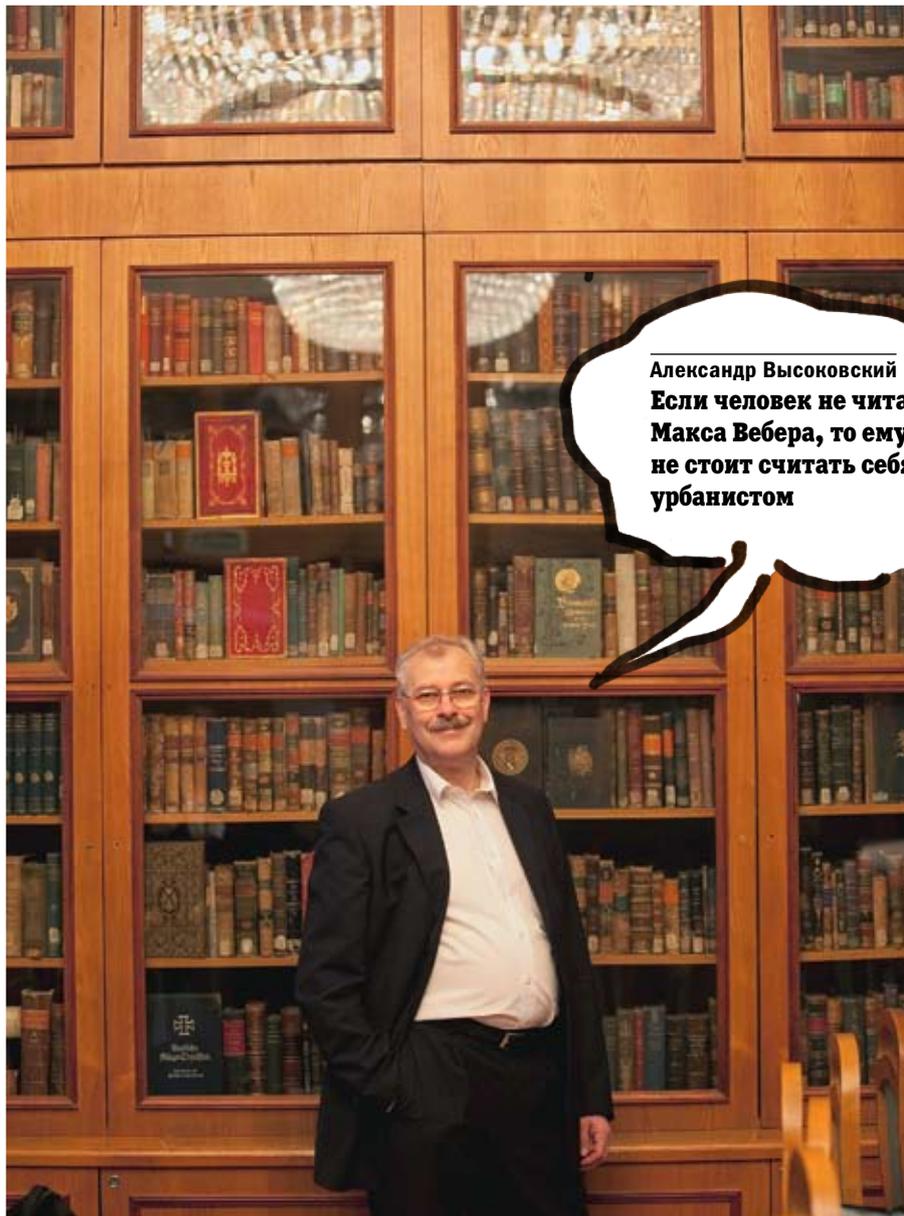
¹ Географическая информационная система (ГИС) – это 1) информационная система, предназначенная для сбора, хранения, обработки, отображения и распространения пространственно-координированных данных; 2) программное средство (оболочка), реализующее названные выше функции ГИС, включая пространственный анализ, картографирование и моделирование, классификацию, оценку, районирование территории и т. п. Первые ГИС были созданы в Канаде и США в сер. 1960-х гг. Ныне в промышленно развитых странах существуют тысячи ГИС, используемых в экономике, политике, экологии, управлении ресурсами и охране природы, кадастре, науке, образовании и т. д. ГИС содержат и интегрируют картографическую информацию, данные дистанционного зондирования и экологического мониторинга, статистическую отчетность и данные переписей, гидрометеорологические наблюдения, экспедиционные материалы, результаты бурения и др. Одна из гл. задач ГИС – обеспечение принятия эффективных управленческих решений (География. Современная иллюстрированная энциклопедия. Под редакцией проф. А. П. Горнина. М.: Росмэн. 2006).

² См. на эту тему: Высоковский А. Семь сюжетов из жизни голландского мастера-плана на пермской земле // Проект Россия. № 56 (2/2010).

Подготовка и защита
Магистерской диссертации

Магистерская программа открывается блоком адаптационных дисциплин (основы экономики, методы пространственного анализа на основе ГИС и др.), призванных восполнить пробелы в знаниях и умениях недавних выпускников различных вузов и специальностей. Ядром программы является проектно-исследовательская студия, ставящая своей задачей формирование у студентов понимания технологии принятия решений в области планирования. Работа студии проходит в рамках изучения обязательных дисциплин, таких как городская экономика, правовое регулирование, теория пространственной организации города и проч. Кроме этого, ряд дисциплин студенты изучают по выбору – в зависимости от интересов и приоритетов в плане специализации

Александр Высоковский
Если человек не читал
Макса Вебера, то ему
не стоит считать себя
урбанистом

Представлено журналом «Афиша». Фотограф Алексей Калинин

сообщество в России не складывается как сообщество. А раз нет городского сообщества, то сам факт города проблематичен. Но это все вовсе не значит, что здесь нет городов и нет социального «тела».

Вся советская идеология говорила о том, что у человека нет и не должно быть возможностей распоряжаться своей средой. Надо делать то, что скажут. А некий централизованный субъект (государство) знает, как сделать, и эта идеология настолько плотно была внедрена, что все по-прежнему продолжают так считать. Только-только кое-где процесс начинает сдвигаться с мертвой точки.

Джейн Джекобс обращала внимание на эту проблему. Она ругала Ле Корбюзье за то, что он думал за горожан, как им жить. Совершенно верно. Она сумела увидеть и описать опыт совершенно иной городской жизни – то, что Корбюзье и другие модернисты вообще не замечали как ценность: общественный контроль за территорией, взаимную выручку, поддержку, ощущение чувства локтя, тех положительных эмоций, которые дарит жизнь в сообществе. Корбюзье – гений, создавший современный язык архитектуры, – всю жизнь рисовал города и считал себя градостроителем, но к реальному городу его архитектурные фантазии отношения не имеют.

Комментарий

Александр Аркадьевич Высоковский утверждает, что в «Сколково» нет урбанистической мысли. Дескать, она, эта мысль, «перепрыгнута, как в Монголии перескочили из феодализма в социализм». А произошло это потому, что «Сколково» задумано как корпоративное, а не живое муниципальное образование, когда, проскакивая стадию выращивания места, переходят к архитектурному проектированию», – заявляет декан Высшей школы урбанистики ВШЭ.

Здесь Высоковский отчасти противоречит сам себе. В интервью журналу «Афиша» он говорит следующее: «Для того чтобы вырастить место, нужна архитектура, правильно организованная деятельность, помощь и поддержка властей, желание самих людей». Первый

Алексей Красновский

Что вы думаете о планах нынешней Большой Москвы с ее «юбкой»? Возможна ли вот такая «парабола Ладовского» сегодня? Я в это не верю. Мне кажется, что крупная геоантропоморфная система в принципе не рисуется. Когда я читаю о том, как изменил масштаб России план ГОЭРЛО, я всегда хочу добавить одно – отчасти. Расселенческие системы во многом инерционны, и как бы мы не пытались придать им новые вектора, они зиждаются на глубинных цивилизационных основах, которые можно поменять лишь только вместе с фундаментальной природой человеческого бытия. Поэтому агломерационное построение Москвы – это устойчивая вещь, но законы ее агломерационного развития людям, которые об этом говорят, непонятны. Эти законы неумолимо работают, развивая Москву в разных направлениях, специализируя каждое направление, диверсифицируя транспортные связи, нагрузки, бизнесы. В общем, я не сторонник такого надуманного одностороннего развития. Я считаю, что «юбка» – это всего лишь изменение юрисдикции, управленческое решение, меняющее режим развития определенной выделенной территории. А вот что будет на ней делать Москва – вопрос. Не должно здесь строиться нового города. Для меня как проектировщика важно, чтобы здесь складывались современные производства и современные офисы. Не нужно

делать то, что делается в Люберцах – 150 тыс. населения в панельных домах. Это методы 1980-х, так же были освоены бутовские «уши», Химки, Раменское, поля аэрации. Не «юбка» чудовищна, а чудовищна вот эта реализация старых планов. Уже нет людей, которые эти планы создали, нет этой философии, а их дело живет – размещение огромного количества населения там, где его быть не должно. Другое дело, если бы речь шла о выносе офисных и промышленных центров, но не в «юбку», а в подготовленные и продуманные многофункциональные центры, т.е. речь должна вестись о диверсифицированном полицентризме.

Что вы думаете о проекте «Сколково», над которым работают сейчас три притцкеровских лауреата и несколько еще очень известных архитекторов? Мне кажется, беда «Сколково» заключается в том, что там вообще нет урбанистической мысли. Ее как бы перепрыгнули, как в Монголии перескочили из феодализма в социализм. «Сколково» задумано как корпоративное, а не живое муниципальное образование, когда, проскакивая стадию «выращивания» места, переходят к архитектурному проектированию. А дальше одному притцкеровскому лауреату можно сделать Бразилиа, другому – какие-то кубики, третьему – кембриджскую деревню; у архитектурных решений нет гра-

и третий пункт в «Сколково», безусловно, присутствуют. О втором пункте судить пока еще рано. Критерием правильности–неправильности деятельности может быть только опыт. А это значит, что комфортности, эффективности и конкурентоспособности Центра инноваций следует давать оценку только тогда, когда тот начнет полноценно функционировать. Четвертого же пункта в «Сколково» просто нету. Что совершенно естественно, ибо инноград строится в чистом поле и жители на сегодняшний день у него отсутствуют.

Заметим при этом, что разработка мастер-плана предшествовали ряд количественных и качественных исследований, в том числе выполненных известной швейцарской компанией Махmakers, а также ряд встреч и публичных дискуссий с потенциальными резидентами Центра инноваций и представителями экспертного сообщества. Презентации и обсуждения проекта постоянно организуются и по сей день. Кстати, одну из таких встреч, которая прошла в Центральном доме архитекторов, а модерировал сам Александр Аркадьевич. Помимо этого, Фонд «Сколково» инициировал целый ряд исследований, связанных с организацией общественных пространств, западным опытом строительства технополисов, историей советских наукоградов. И даже, возможно кого-то это удивит, – с историей места, того «чистого поля», в котором строится инноград. Учитывая также то, что в течение последнего года Фондом и отдельными его подразделениями подписаны соглашения о сотрудничестве с РААСН, МАРХИ, Уральской архитектурно-строительной академией, можно не сомневаться, что подобная работа будет продолжена и впредь.

Еще один важный нюанс. Говоря о «девелоперском» подходе – о ситуации, когда градостроительство, то есть создание среды пластическими, архитектурными средствами, имеет приоритет над урбанистикой, то есть разработкой общих стратегических решений, – следует все-таки иметь в виду, что в данном случае речь идет

о поселении камерного размера – площадь иннограда составляет порядка 400 га, а население – 20 тыс. чел. Последняя цифра едва дотягивает до показателей для микрорайонов, заложенных в градостроительном СНиПе. Этим масштабом и объясняется приоритет архитектурно-строительного подхода.

А можно ли назвать строительство Петербурга Петром I девелоперским проектом? Он ведь тоже создавался на пустом месте, по образцу европейских городов, и также приглашались иностранные архитекторы. Это совершенно другое. Новые города и новые задачи, стоящие перед государством, не сравнить с такой рафинированной затеей, как инновационное производство. У Петра I стояла задача обустройства границ России, и одновременно с Петербургом возводились Азов и Таганрог, уже тогда была идея построить Одессу. Эти новые колониальные города, осваивающие новые территории, я бы не стал напрямую сравнивать со «Сколково». Явный инновационный порыв Петра I касался нового для России, но не нового для Запада города. Строился традиционный европейский город. Не было задачи создать город науки.

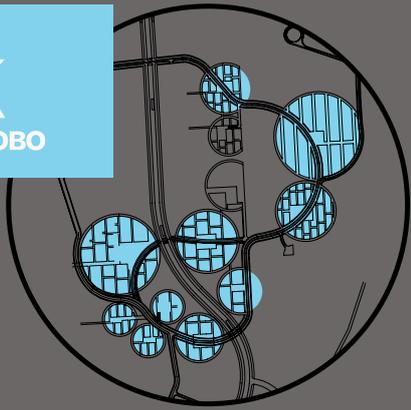
Какова основная стратегия выхода из кризиса, в котором пребывает отечественная урбанистика?

Нельзя также не отметить, что решение о строительстве иннограда было принято задолго до того, как и на федеральном, и на местном уровне всерьез стали говорить о стратегии развития столичного региона в агломерационном масштабе. Модели и принципы взаимодействия разных территорий региона будут выработаны, в лучшем случае, только через несколько лет. «Сколково» может лишь встраиваться в этот процесс, участвовать по мере сил, но не может задавать в нем тон. Подобные решения вырабатываются на самом высоком уровне, ведь речь, с одной стороны, идет о столице нашего государства, а с другой – о двух разных субъектах Федерации, Москве и области. В условиях существующей неопределенности путей развития всего региона, делать комплексную стратегию для какого-то одного его куса довольно бессмысленно. И жизнь подтверждает это. Еще недавно «Сколково» являлось Подмосковьем, а с Нового года стало частью Москвы со всеми вытекающими из этого правовыми, политическими, административными и техническими последствиями.

Мне кажется, наступило время, когда нет одного золотого правила, золотого ответа. Главный ответ – это повышение качества системы управления. А какие решения будут приниматься в каждом конкретном городе, тут я боюсь давать общие рецепты – они везде свои. Прежде всего, очень важно изменить профессиональное сознание в некоторых важных моментах. Например, до сих пор архитекторы–градостроители считают, что наш народ не созрел для участия в принятии решений – через комиссии, публичные слушания и т.д. Это не так. Они так же были не готовы сорок лет назад в Бразилии, где проведение публичных слушаний резко повысило эффективность принятия решений. Казалось бы, простая идея – дать возможность человеку, в отношении которого принимается решение, проявить свою позицию по этому вопросу. Разумеется, управленцам в тишине работать гораздо удобнее, когда не слышно «гласа народа»...

Общей для всех российских городов является необходимость появления новых бизнесов, новой системы индустрии. Промышленность старого типа абсолютно себя исчерпала – не только как сфера материального производства, но и как ядро, эпицентр, вокруг которого организуется городское пространство. Необходимо создавать новые креативные, высокоинтеллектуальные индустрии, но сегодня, к сожа-

лению, об этом практически не думают. И проблема той же Перми состоит в том, что стратегии превращения нынешней Перми из индустриального, «фордистского» города в креативный, когда все те же самые заводы начнут освобождаться от рабочих, занятых в производстве низкого уровня, и появятся люди, втянутые в исследовательские проекты и сопутствующие бизнесы, так и не придумано. Пока эта проблема остается открытой.

Победители архитектурного конкурса на проектирование жилых кварталов в районе Технопарк

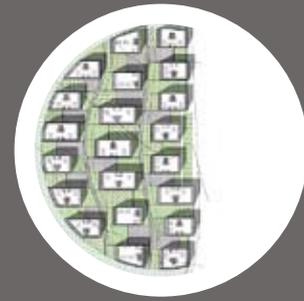
Архитектурная группа
ДНК

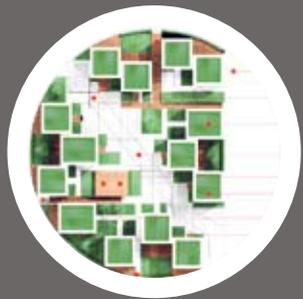
Дмитрий
Буш

Архитектурно-
художественные мастерские
архитекторов Величкина
и Голованова

А-Б Студия

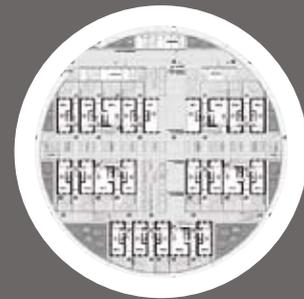
БРТ РУС

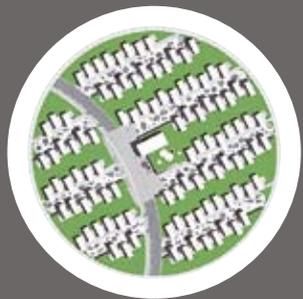
Атриум

Алексей
Яблоков

Портнер

UNK Project

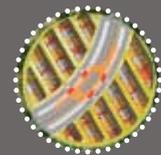
Agence d'Architecture
Anthony Bechu

Валентин
Олейник

Игорь
Каширин

«Гинзбург
Архитектс»

Среди работ, не вошедших
в десятку победителей, жюри особо отметило
следующие проекты:

23 мая в рамках 3-й Московской биеннале архитектуры в Центральном доме художника на Крымском Валу откроется выставка, посвященная конкурсу на жилую застройку в зоне Технопарка (D2) ИЦ «Сколково». Экспозиция разместится в зале ДНК. Кроме проектов финалистов на ней будут представлены конкурсные проекты 1-го тура.